Юрий Рогов

Избранное

Том 1

2015 г.

Данное электронное издание содержит первый том избранных произведений автора. Не предполагается к печати и эксклюзивному переплету.

“Характеры и судьбы”

“Роман” в рассказах

Характеры и судьбы
Часть первая

"Изменяются и развиваются не характеры героев литературных произведений, а изменяется их поведение после надломов и переломов судьбы".

Вик. Конецкий,
"Никто пути пройденного у нас не отберет. Дневники".

От автора

Я часто спрашиваю себя, зачем мне все это надо? Ну, все это? Сочинять песни, писать стихи, прозу, в том числе и эти строки?

Думаю, что и некоторые мои знакомые, не говоря уже о "доброжелателях", также задавались этим вопросом. Не исключаю, что у кого-то на языке вертелось слово "графоманство"...

П у с т ь!

Я не делаю из этого трагедии. Тем более что прозой я "увлекаюсь" не так давно, а время, как говорится, лечит. И главное, что при отсутствии большого таланта, этому ремеслу в той или иной степени можно обучиться.

Например, у классиков, читая их прекрасные произведения, которые содержат, в том числе и размышления о писательском мастерстве.

У Константина Паустовского есть замечательное произведение "Золотая роза", своеобразный учебник для "начинающих графоманов". А в его "Повести о лесах" чудесно рассказано не только о русской природе, но и об особенностях писательской профессии.

Совсем недавно открыл для себя еще одного писателя. С удивлением обнаружил, что думаю о написанном и о том, что будет написано, как и Виктор Конецкий, очень понравившийся мне писатель - маринист (сам он не любит такого определения).

Теперь несколько слов о стихах.

Я умышленно не говорю - поэзии, так как впервые я начал рифмовать, сочиняя песни на свои слова. У текстов песен есть своя специфика. В текстах не выдерживается четкий размер, он согласовывается с особенностями музыкального рисунка.

Со временем я начал рифмовать посвящения, эпиграммы. В этих строфах я уже более тщательно "вымеряю" параметры, и качество создаваемых стихов, как мне кажется, потихонечку меняется. Здесь, конечно, тоже могут быть различные мнения.

Хотя бы такое: "Вашими стихами восхищаются только за столом, за рюмкой водки"...

П л е в а т ь!

Я никогда не считал и не считаю себя поэтом. Многие занимаются рифмованием, я не исключение.

Хотя иногда симпатичные находки-рифмы и словосочетания приходят и мне на ум.

И, наконец, песни.

Это мое самое заветное. По сравнению с предыдущими увлечениями, музыкальное, доставляет мне наибольшее удовлетворение. Ну, так что ж? Все-таки композитор? И здесь есть свои pro & contra.

Наверняка можно сказать, и это иногда проскальзывает в словах слушателей, что в моих песнях очень неплохие слова, причем, когда они принадлежат другим поэтам. Что можно сказать в ответ?

Е щ е п о в о ю е м!

В моих планах создание многих десятков песен, возможно и на собственные тексты (см. "Музыка навсегда", 2001).

Возвращаясь к предыдущим строкам, поймал себя на мысли, что пытаюсь создать впечатление этакого дилетанта от прозы, поэзии и музыки. Вместе с тем меж этих самых строк просматривается и желание выдать себя за настоящего автора. Это противоречие трудно объяснить. Видимо, понять его можно лишь читая, слушая и, наконец, общаясь с автором.

Но вернемся к прозе.

Так зачем же я все-таки все это пишу? Попробую объяснить, в том числе и самому себе.

Мы часто не можем ничего сказать о наших предках и даже родителях наших родителей, т.е. не знаем свою родословную. Возможно, если сохранятся эти мои записи, потомки будут чуть больше знать о своем пращуре и о его времени.

Сознаюсь, когда начинал писать свои рассказы, об этом даже не задумывался. Более того, сам стал забывать некоторые события, происходившие со мной, моими родственниками, друзьями и коллегами.

Захотелось сделать "твердые копии" этих событий, а заодно и заново прожить замечательные мгновения своей жизни, оставшиеся не только в моей памяти.

Другими словами, захотелось поработать летописцем "местного масштаба".

Не могу не вспомнить в связи с этим фразу дочки одного моего приятеля, которая познакомилась с одной из "твердых копий". Вот ее слова: "Пап, удивительно, какая же интересная и насыщенная жизнь была у вашего поколения. Это же просто замечательно!"

Возможно, еще одна причина, по которой "руки тянутся к перу" – желание реабилитироваться за свои негуманитарные наклонности в школьные годы. Моей стихией тогда была математика, но никак не литература и русский язык. Видимо, по этой причине хотелось и в этом "деле" как-то проявить себя. Как говорится – "не догулял". Но я подозреваю, что это, безусловно, не главная причина. О главных было сказано выше.

Теперь несколько слов о моей "кухне".

До сих пор я писал фактически только воспоминания, т.е. вспоминал, что же такого интересного со мной произошло. Но и самые простые тексты пишутся не слишком легко.

Хотя, стоит лишь закрыть глаза, перед мысленным взором встают города и веси, реки и озера, леса и моря. Но эти зрительные образы необходимо облечь в словесную форму, добавить собственные размышления обо всем увиденном. Для этого долго про себя, иногда даже ночью, прокручиваешь канву будущих прозаических опусов. Через некоторое время, садясь за чистый лист бумаги, с удивлением наблюдаешь за тем, как этот лист заполняется твоими каракулями. Но для дальнейшей работы этого оказалось мало.

Я стал вести записную книжку, куда заносятся заметки к еще не написанным рассказам, записываются планы для будущих произведений.

Это все, как вы понимаете, составляющие работы писателя. Но хочу процитировать здесь Виктора Конецкого. В своих дневниках он записывал:

"Конечно, много раздумывал о грядущих сочинениях, но ПИСАТЬ ничего общего с раздумыванием и придумыванием не имеет. Если раздумывания с писанием имели бы много общего, все люди стали бы писателями".

Я с этим полностью согласен. Чем дольше я ПИШУ, тем яснее понимаю эту разницу.

Однажды, один мой знакомый обмолвился, что в моих "прозаических творениях" написано все как было, как происходило на самом деле. Написано хорошо, но нет художественного вымысла. Все действующие лица в действительности существуют или существовали. Все события имели место быть, хотя, может быть, даны в интерпретации автора.

Это, конечно, истинная правда. Хотя я иногда и пытался фантазировать и кое-что приврать. Но это были эпизоды, и всерьез их рассматривать нельзя.

И я решился начать новый "роман в рассказах" с учетом всего вышесказанного. Попробую ввести в ткань повествования вымышленных героев. Возможно, наделю друзей и знакомых качествами, им неприсущими, за что прошу меня не винить – законы жанра.

Подозреваю, для меня это будет трудное испытание. Не знаю, получится из этого что-нибудь или нет. Но, если вы читаете это предисловие, то ясно, что повествование закончено. Какое оно – это другой вопрос, оценивать его читателю.

А читатель, как известно, и требователен, и снисходителен одновременно. Призываю его уделить большее внимание второй составляющей. При этом сознаю, что слишком рассчитывать на это не стоит.

Об этом очень хорошо написал Леонид Филатов в конце своей “Сказки про Федота-стрельца”:

"...А что сказка дурна, то рассказчика вина. Изловить бы дурака да отвесить тумака, ан нельзя никак – ведь рассказчик-то дурак! А у нас спокон веков нет суда на дураков!.."

В конце то концов, ведь был же "РОМАН в СТИХАХ", была "ПОЭМА в ПРОЗЕ". Почему бы ни быть "роману в рассказах".

Ведь известно "как вы шхуну назовете, так она и поплывет". Ну, что ж, поплыли...

"Откровенные разговоры"

Можно только догадываться из чего складывается, каким образом формируется характер человека. Есть мнение: это врожденное качество, генетически заложенное при появлении на свет. Другие утверждают: характер формируется в детстве, в основном родителями, причем заканчивается это формирование в 4-5 лет.

И, наконец, третьи считают, выработка характера продолжается гораздо дольше и осуществляется наставниками (гуру) или близким окружением (друзья – товарищи, начальник – подчиненные).

Думается, истина, как всегда, лежит где-то посредине. А быть может, случайно брошенное слово или замечание близкого так повлияет на характер и поведение человека, что это окажет воздействие на всю его дальнейшую жизнь...

* * *

"Тобик, ко мне!"

Эта фраза молодого человека неопределенного возраста, брошенная своей малюсенькой собачке еще более неопределенной породы, на всю жизнь осталась в памяти у нас с Володей.

А услышали мы ее вечером на улице, прогуливаясь по проспекту и бульвару нашего микрорайона. Нет, мы не гуляли с подружками, хотя уже учились в старших классах. Все это было еще впереди, а пока не каждый вечер, но достаточно часто, мы осуществляли эти выходы на воздух с пользой для дела.

Конечно, мы говорили об учебе, о наших планах на будущее. Хотя будущее на ближайшие годы виделось вполне определенно. Естественно, заходил разговор и о девочках, о симпатиях и антипатиях. Мы доверяли друг другу самое сокровенное. Одним словом, друзья – не разлей вода.

Володя. Январь, 2011 г.

Но подружились мы не сразу. И сейчас уже не вспомнишь, что же было толчком к нашему сближению. Скорее всего, причин было несколько. Одна из них – любовь к спорту, к самым различным его видам, начиная с занятий гантельной гимнастикой и заканчивая общей любовью к настольному теннису.

Можно вспомнить и лыжи, и баскетбол, и волейбол. Володя в юные годы занимался гимнастикой и, несмотря на свой небольшой рост, физически был подготовлен лучше меня. Но и у меня был свой козырь – игровые виды спорта.

Жили мы недалеко друг от друга, наши родители, в свою очередь, перезнакомились, а мамы на долгие годы стали подружками. Любимыми их разговорами всегда были споры о том, кто из их сыновей "круче", кто большего добился в жизни, кто счастливее и удачливее.

Увы, некому теперь уже спорить об этом, да и в наших с Володей судьбах все «устаканилось». Каждый нашел то, что хотел, каждый по-своему счастлив. Но встречаемся мы крайне редко, живем теперь друг от друга далеко, женаты, Володька уже дед. И, конечно же, мы не совершаем тех вечерних прогулок нашей юности.

Но вернемся вновь на вечерний московский бульвар, в нашу замечательную школьную пору.

О чем мы только не говорили. Конечно же, не обходилось и без “перемывания” косточек близким и знакомым. Не оставляли мы в стороне и самих себя. Откровенно высказывая мнение друг о друге, мы учились слушать и старались запоминать слова, сказанные близким и заинтересованным человеком. Мы очень хорошо изучили и понимали друг друга с полуслова.

Говоря, “друг друга”, я вкладываю в эти слова буквальный смысл. Но вот, что удивительно. Несмотря на внешнюю непохожесть, рост и комплекцию, темперамент и наличие различных талантов, нас почему-то с ним постоянно путали. Володю называли моим именем, а меня – Володей.

Посторонние люди по неизвестным причинам принимали нас за братьев. И это все проистекало из-за того, что друзьями мы были настоящими. Это продолжалось до тех пор, пока наши жизненные пути не разошлись. Но нас до сих пор многое объединяет – наши самые лучшие годы в жизни.

Что-то меня все время уводит в сторону от откровенных разговоров, которые вели между собой два закадычных друга во время вечерних прогулок.

Надо сказать, что не обходили мы стороной и недостатки друг друга. Нелицеприятность высказываний, по большому счету, не вызывала обиды, но иногда приводила в изумление.

Я не помню, какие недостатки находил в Володе, о каких недочетах в его характере и поведении я говорил ему. Совсем забыл его реакцию на все мои эскапады в его адрес.

Но одно его тонкое замечание по поводу моей персоны повлияло, по моему глубокому убеждению, на всю мою дальнейшую жизнь.

Володя обратил внимание на мою, мягко говоря, нескромность. На то, что я часто хвастаюсь какими-то своими достижениями и достоинствами. Он не ставил, как я помню, под сомнение их наличие, но подчеркивал отсутствие сдержанности в моей реакции на их проявление.

Ничего себе формулировочка!

Но тогда меня поразил не сам факт этих, мягко говоря, замечаний, а то, что я никак не замечал за собой таких качеств. Как говорится, со стороны видней. Я же, вспоминая свою первую реакцию на эти критические замечания, был ошарашен и в первый момент, возможно, обижен. Но я быстро взял себя в руки, постепенно привыкая к своим новым ощущениям.

По крайней мере, я услышал правду от близкого друга, и какой бы она не была, ее следовало принять и обдумать. Тем более, что доля истины в словах Володи присутствовала, не мне судить о ее величине.

И вот когда мне открылась эта правда – здесь нет никакой иронии – передо мной встал вопрос, а что же с этим делать. По всей видимости, нужно было что-то в себе менять, как мне тогда казалось. По крайней мере, я теперь точно знал за собой такой "маленький" недостаток. Может быть, со мной кто-то из нынешнего поколения и не согласится.

Но теперь я каждую свою реакцию на какой-либо мой успех вымерял через эти вновь открытые обстоятельства. Не могу сказать, что это было легко и не всегда мне это удавалось. И уж не знаю, хорошо или плохо, но это повлияло на становление меня, как личности, на мой характер.

Я стараюсь оценивать свои возможности и потенциал в умеренных тонах, чтобы не показаться хвастуном. Хотя иногда и прорывается наружу тот былой апломб, о котором я впервые узнал из уст моего верного друга.

* * *

Поскольку речь здесь зашла о вашем покорном слуге и не в последнюю очередь о его "маленьких слабостях", расскажу-ка я одну историю о "себе любимом". Многим она хорошо известна, другие слышали о ней краем уха. Но здесь она прозвучит как отголосок "откровенных разговоров", хотя история произошла много лет спустя после них.

"Не стоит благодарности..."

Эта замечательная и поучительная история случилась теплым июльским вечером, много, много лет тому назад.

Итак, девять часов вечера, раздается звонок в дверь. Открыв ее, в полумраке я увидел две фигуры: маленькую детскую и большую мужскую. Вспоминая те события, я должен сознаться, что совсем не запомнил их лиц, но перед глазами так и стоят их удивительные силуэты. Совсем маленький мальчик, лет 3-х – 4-х, твердо стоящий на ногах, и необычная фигура мужчины, неимоверно широкая в плечах, отчего сам он казался гораздо ниже, чем был на самом деле.

Увидев меня, мужчина начал делать какие-то движения руками, показывая на мальчика. Вначале я подумал, что он глухонемой и просит милостыню. Но присмотревшись, я понял, что этот молодой мужчина просто-напросто пьян и пьян настолько, что даже говорить уже не в состоянии.

В дальнейших событиях для меня было более всего удивительно, что именно в таком состоянии мужчина ни разу не упал, а мальчик (это в его-то возрасте) почти все время шел своими ножками.

Быстро сообразив, что они попали не в тот подъезд, я не подумал, однако, что они могли попасть и не в тот корпус. Выяснить что-либо у старшего мне не удалось, и я, крикнув своим, что скоро вернусь, решил помочь этим двоим найти их подъезд.

Спустившись вниз, а я живу на 9 этаже, мы вышли на улицу. Стоял теплый летний вечер, было уже темно. И здесь на улице я подумал, что не так-то легко будет отыскать нужный подъезд. По наивности я полагал еще, что мы живем в одном доме. Вдруг около очередного подъезда мужчина резко остановился и затем вместе с мальчиком рванул внутрь. Я за ним не рванул и у меня почему-то не было его уверенности в правильности его же выбора.

Как вы и догадались, вскоре они появились в дверях этого подъезда с понурыми головами. Замечу, между прочим, их никто не сопровождал. Честно говоря, я не знал, что мне делать. Но бросать эту "компанию" мне совсем не хотелось.

Я соображал, как мне узнать, где они живут, и вдруг меня осенило. Я спросил: "У тебя есть паспорт?" (мы как-то сразу перешли на "ты"). Он полез в боковой карман своего широченного пиджака и, о радость, вынул и протянул мне паспорт.

Тут я впервые посмотрел на него внимательно, затем на фотографию в паспорте, а уж затем на листок с пропиской.

Вы не можете себе представить, как я обрадовался и огорчился одновременно – теперь я знал их адрес. Они жили, слава богу, в этом же районе, но довольно далеко от моего дома. Тем не менее, я уже воспрянул духом и решил всерьез взяться за дело. Для этого мне нужно было переодеться, я стоял на улице в тапочках, "трениках" и, не помню уже, в какой рубашке. Короче говоря, я стал объяснять папаше, что теперь я знаю его адрес, что провожу их домой и, чтобы он не сходил с этого места, пока я сбегаю и переоденусь.

И я побежал домой.

Быстрее вернуться было невозможно. Но выйдя на улицу, я не увидел моих подопечных и бросился их искать. Они не могли уйти далеко. Но обежав весь наш длинный корпус, я их не нашел. Уж, и не знаю, чего больше у меня было на душе, беспокойства или облегчения.

Я не успел разобраться с моими чувствами, как вновь увидел моих голубчиков. Они, конечно, обследовали очередной, понравившийся им подъезд. Я никогда, наверное, не узнаю, каким образом они попали в наш микрорайон. Может быть, папаша "гулял" в компании недалеко отсюда, но тогда почему с ним ребенок. Может быть, в таком состоянии он сел не в тот автобус или проехал свою остановку.

Впрочем, что гадать, теперь нам бы самим сесть в нужный автобус и не проехать нужную остановку.

Выйдя на бульвар, мой "богатырь" снова начал вести себя возбужденно, пытаясь поймать машину. Про такой вариант я не подумал, а выяснить, были ли у него с собой деньги, я не смог. Возможно, и были, но все машины шарахались от нас, видя перед собой такого агрессивного нетрезвого здоровяка.

Нужно заметить, что весь наш замечательный путь моя парочка держалась очень независимо. Ребенок не просился на "ручки", мои попытки взять его на руки ни к чему не привели. Отец же мальчика на все мои поползновения как-то поддержать его или направить в нужном направлении делал такие движения локтями и плечами, что я старался держаться от него на расстоянии вытянутой руки. Таким образом, я не вел их домой, а старался всеми силами приблизить их к этому несчастному дому.

Наконец, мы сели в автобус.

Начало нашего пути я представлял себе очень хорошо. По крайней мере, я знал, где нам нужно было выйти. Правда, не знал, захотят ли они сделать это вместе со мной.

Наше короткое путешествие в автобусе проходило на удивление спокойно. Приближался момент высадки из автобуса, о котором я думал со страхом. Но, вероятно, он пришелся на неактивный период в состоянии моего спортсмена, и мы вновь оказались на улице, но теперь уже на их улице.

К сожалению, этот уголок нашего микрорайона я знал плоховато, да и консультации с пешеходами мало прояснили ситуацию. Направление, в котором нужно было двигаться, я знал, но я не знал, как долго придется двигаться.

Я боялся, что если мы сядем в автобус, он может далеко увезти нас от цели, и, кроме того, меня пугали трудности новой "загрузки" и "выгрузки".

И я скомандовал: "Вперед!".

И тут мне вспомнились слова одной из песен А.Галича: "...и вновь эти вечные, трое...". Хотя песня, кажется, совсем о другом.

Для моих мужчин это было нелегкое испытание. Папаша еще держался, но ребенок был уже на пределе. Дорога долгое время шла через пустырь, домов поблизости не было. Так что у моих спутников не было возможности броситься на исследование новых подъездов. Да и я смог немного осмотреться, обдумать дальнейшие действия и проанализировать ситуацию, в которую я попал.

Я тоже порядком устал, в основном от постоянного напряжения и ожидания каких-либо каверз со стороны бедного папочки...

* * *

...Конечно, я хорошо представлял себе, что делаю, безусловно, благородное и нужное дело. Это, естественно, меня здорово вдохновляло. Я думал о том, что бы было с моими бедолагами, если бы они не позвонили в мою квартиру.

Далее, в мыслях я уже был около их дома, потом в квартире, где нас со слезами радости встречали бабушки, дедушки, мамы и все, кто там был. Меня сажали за стол, угощали чаем, долго не отпускали, расспрашивали о том, где и когда, и т.д. и т.п. Я старался держаться скромно, и единственными моими словами при расставании были: "не за что" и "не стоит благодарности"...

* * *

...Мои размышления были прерваны бормотанием папаши.

Я впервые услышал его голос. Может этому способствовало длительное нахождение на свежем воздухе или физическая усталость? Скорее это была попытка как-то утешить сына, потому что обращался он к нему.

Вскоре он снова замолчал и теперь уже до самого конца путешествия не произнес ни единого слова.

Пустырь заканчивался, приближались жилые корпуса. Нам теперь были хорошо видны светящиеся номера домов, и мне очень легко стало ориентироваться хотя бы в этом.

Оставалось еще найти нужный корпус, для чего надо было углубляться во дворы, покидая улицу. Пока это делать было рано, но, все равно, меня пугала эта неизбежная перспектива.

Вдруг мой папаша снова встрепенулся. Кажется, он узнал свою улицу, поэтому и рванул в ближайший двор. Но я-то знал, что это НЕ ТОТ двор! Увы, убедить его в этом я не мог. Правда, не очень и старался. Мне пришлось лишь немного подождать, когда в очередной раз они выйдут на улицу.

Мы двинулись дальше. Нам до цели оставалось совсем немного. И вскоре я, кажется, увидел их подъезд. На всякий случай я уточнил номер корпуса у женщины, прогуливающей собачку. Правда, папа с сыном уже почувствовали конец путешествия и сами двинулись к своему подъезду.

Сомнения еще одолевали меня, и я решил подняться вместе с ними на лифте.

Дверь в квартиру, куда вошли мои подопечные, была распахнута настежь. Я же чуть задержался на лестничной площадке. Здесь и услышал два женских голоса: молодой и постарше, которые начали то ли распекать моих мужичков, то ли со слезами в голосе радоваться их приходу.

Я решил не вмешиваться в их семейное дело и стал отступать к лифту, забыв и про чай и все остальное. Кажется, меня не заметили, и я уже собирался нажать на кнопку первого этажа. В этот момент в проеме лифта я увидел заплаканную молодую женщину, которая очень сердито спросила меня: "Кто вы такой? Где вы с ними встретились?".

Пока я соображал, что мне ответить, из квартиры раздался голос пожилой женщины: "Люба, это совершенно посторонний человек". Мне ничего не оставалось, как подтвердить ее правильную догадку.

Я спустился вниз, добрался до автобуса и поехал домой. В душе моей перепутались разные чувства: и досада, и чувство выполненного долга, и многое-многое другое.

В конце концов, осталось только одно какое-то доброе и светлое, которому я не мог подобрать названия. Я просто улыбался, и мне было очень хорошо. Через 10-15 минут автобус довез меня до дома. На часах было ровно 12 часов ночи.

* * *

Хотя главным героем предыдущего рассказа, по всей видимости, являюсь я сам, причиной того, что эта история случилась, стало появление в моем подъезде сильно нетрезвого человека. Не будем лукавить, этой человіческой слабости (человік = мужчина (укр.)) в той или иной степени подвержены большинство из нас.

И в моей жизни, и в жизни моих друзей она занимает немалое место. Поэтому я никак не могу обойти здесь эту "слабость" нашего "сильного" пола.

"От Омара до Хаяма"

Запрет вина - закон, считающийся с тем,
Кем пьется, и когда, и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить - признак мудрости, а не порок совсем.

О.Хайям, рубаи 30

"In vino verites", "Что-то стало холодать...", "Не послать ли нам гонца...". Этот ряд высказываний и присловий, уверен, нескончаем у разных народов и на разных языках.

Естественно, на эту тему чаще всего разговаривают мужчины. Сколько и с кем, что предшествовало и что за этим последовало, что помнится, а что не очень – это все бесконечные темы для бесконечных разговоров.

А вот перед тем, кто пытается писать об этом, стоит нелегкая задача избежать двух крайностей. С одной стороны, не стоит слишком воспевать это древнейшее человеческое времяпрепровождение. С другой стороны, есть опасность впасть в морализаторство с осуждением, возможно и справедливым, пития как такового. Необходимо также не обидеть чувств непьющих, при этом, не очень расхваливая другую сторону.

Еще один момент, вытекающий из вышесказанного.

Восхваляй или ругай, но при этом нужно называть конкретные имена и места, то есть легализовывать события, не спросив на это согласия их участников.

К сожалению, иногда и спросить бывает уже невозможно.

Хочется здесь привести цитату из "Неодетой весны" М.Пришвина: "До того тянет к правде, что с трудом меняешь имена, и когда переменишь, частица какой-то волшебной силы уходит в эту дыру перемены".

При этом понимаю, что без того, чтобы "не приврать", все равно не обойдешься, да и сам жанр требует чего-то рыбацко-охотнического. Тем не менее, хочется все-таки прислушаться к замечательному русскому писателю и постараться на трезвую голову говорить только о том, что случилось на самом деле с реально существующими персонажами.

Поскольку тема эта достаточно "прикольная", то и рассказы, посвященные этому, будут, по возможности, соответствовать жанру. А начнем мы, как водится, с самого начала, с самого раннего...

"Детство, отрочество, юность"

Первые воспоминания, связанные со спиртным относятся к раннему детству.

Первый раз мне дали пригубить какого-то красного сладкого вина года этак в 3-4, может быть, несколько позже. Кроме этого, довелось отведать кагора в церкви. Я не большой знаток церковных таинств и процедур. Но, кажется, это было при крещении и, возможно, при причащении.

На природе, в том числе в парке, в то время взрослые часто пили пиво. Сейчас это делают не только взрослые и не только на природе.

Так вот, пивом угощали и меня. Сразу скажу, оно мне сразу не понравилось: горькое, с каким-то непонятным вкусом, бьющее в нос. Хотя это и несколько напоминало ситро с лимонадом.

Я долгие годы игнорировал пиво как таковое. В последнее время потребление его мною также ограничено. Но был период активного его "дегустирования", с изучением различных его марок, собиранием коллекции пивных этикеток, что нынче не очень актуально. Но к пиву мы еще вернемся.

Следующие "яркие" впечатления о спиртных напитках уже связаны со школой. Подозреваю, что в детском саду я их не употреблял.

Мне не было и 16-ти, когда я впервые попробовал водки.

В одном из школьных походов довелось, как говорится, пригубить стаканчик. Естественно, много мне было и не нужно. Сразу захмелев, держа в руках только что осваиваемую гитару, я почувствовал себя героем и пустился в разные приключения, плохо мне запомнившиеся.

Кроме этого, перед школьными вечерами с музыкой и танцами мы часто с Володей, моим другом, покупали бутылку хорошего вина, шли в яблоневый сад, что недалеко от школы, и с большим или меньшим удовольствием осушали ее на двоих.

Стоит сказать, что в те годы, в т.ч. и на первых курсах института, мы все-таки больше любили вино, причем крепленое. Тогда можно было купить и хорошие марочные армянские, азербайджанские портвейны, сладкие узбекские вина, ныне совсем забытые. Позже, как я уже говорил, стали преобладать ординарные вина.

К культуре пития нас сразу начал приучать наш "классный папа", И.К. Калабин. Еще в поездках на Юг и путешествиях на теплоходе мы угощались хорошими молдавскими винами. Очень хорошо запомнились их названия: "Гратиешти", "Трифешти".

На Юге пробовались разные сухие, полусухие и полусладкие местные вина. Вспоминаются: "Псоу", сухое "Кахетинское" и разное "разливное".

В Москве же мы с Игорем Константиновичем на свадьбу одной из наших девочек покупали "Киндзмараули", "Оджалеши". Почему-то очень хорошо помню, как на теплоходе, направляющемся на юг, мы по наперсточку пили кубинский ром "Бакарди", взятый с собой нашим другом Мишей.

Пиво “советского периода”

Множество разных вин и коньяков удалось продегустировать в те далекие годы.

У того же Миши мы часто употребляли болгарский коньяк "Плиска" и его менее качественный собрат – "Сълнчев бряг". Первый сейчас остается такой же недоступной субстанцией, как и Шартрез (о нем рассказано будет позже). На смену второму пришел так называемый "Солнечный бриз".

Чаще всего на сплаве и в походах доводилось употреблять спирт. Многие его пьют неразбавленным. И это считается даже лучше, чем разбавлять водой. Я трижды пробовал в походах неразбавленный спирт, стараясь научиться и этому. Но даже предварительная теоретическая подготовка не позволила мне одолеть эту неразбавленность.

После того, как я делал глоток с предварительной и последующей задержкой дыхания, мое горло все равно почему-то обжигалось, голос становился хриплым. Главное, что я не мог в таком состоянии петь и чувствовал себя дискомфортно. Это продолжалось 1-2 дня, после – все восстанавливалось. Так что чистый спирт я не употребляю (в обычных условиях).

Вновь вернемся к пиву.

В советские времена было не так много марок отечественного пива. Они появлялись, конечно, но не так часто. В то время я собирал наклейки тех сортов пива, которые удалось продегустировать. Таких, в том числе и от импортного пива, набралось довольно много. Сейчас коллекция практически не пополняется ввиду того, что пиво пьется редко. Новые же марки появляются с пугающей быстротой – не угонишься.

Среди марок пива, особенно запомнившихся, стоит отметить славянское, московское, темный портер. Это – из отечественных. Кроме этого: тогда еще отечественное рижское пиво разных сортов, в частности "оригинальное", самое дешевое литовское пиво (Вильнюс, Игналина).

Не так часто, но достаточно регулярно, мы пили чешское пиво из необычных тогда евробутылок, которые к тому, же не считались вторичной тарой, т.е. не принимались на пунктах.

Вот некоторые из этих марок: “Пльзеньский Праздрой", "Старопрамен", "Гамбринус", "Радгост", "Будвар", "Световар", "Шариш", темное "Дипломат".

К немецкому пиву отношение было и остается двойственным. С одной стороны, высокое качество, с другой, своеобразный вкус с горечью, отличный и от нашего пива, и от чешского.

Кстати, все импортное пиво было оригинальным и разливалось в странах происхождения, в отличие от нынешнего времени. Нынешнее оригинальное слишком дорого, как и вновь появившееся пиво других стран.

Еще по поводу безалкогольного пива. Впервые довелось его попробовать, как не странно, в Игналине в 80-е годы 20 века.

* * *

Часто у нашего приятеля Славки мы собирались "послушать Окуджаву под легкое сухое вино". "Присутствовал" и Окуджава, и все остальное и даже больше. Со Славкой связано много событий такого рода.

Однажды мы пошли с ним в универмаг покупать ему рубашку. Нейлоновая рубашка стоила тогда 20 рублей. Столько же стоил и французский коньяк. Отечественный стоил тогда 4 руб. 12 коп. Я со смехом предложил ему вместо рубашки купить коньяк. Но мы и отечественный в те годы редко покупали. Представляете наше расстройство, когда через несколько дней, мне даже помнится на следующий день, эти рубашки подешевели до 11 рублей, а французский коньяк подорожал вдвое.

Вот, же, как бывает!

Что касается отечественного коньяка, мы чаще всего использовали его для коктейлей.

Одно время мы ими очень увлекались. Имелась соответствующая литература, а также фольклор. Больше всего мне запомнился один рецепт, под названием "Солнышко".

В неглубокую прямую рюмку сначала наливается слой темного ликера (лучше вишневого). Затем разбивается яйцо, желток аккуратно отделяется от белка, чтобы желток не растекся. Желток медленно помещается в рюмку поверх ликера. Сверху наливается слой коньяка. Вид сбоку получается очень красивым. Выпивается это все сразу, одним глотком. Сначала обжигающий вкус коньяка, затем яйцо в качестве смазки, и в завершении сладкий вишневый ликер закрепляет положительные ощущения.

Коктейль довольно крепкий и “забористый”. Еще в памяти осталось некоторое сомнение по поводу того, а как же проскочит яйцо. Ничего, проскакивало и даже со свистом.

Поскольку здесь был упомянут ликер, а чуть ранее говорилось о будущих рассказах о нем (я говорю о Шартрезе), "таки не будем "тянуть резину" и расскажем, наконец, об этом...

"Шартрезу, пожалуйста..."

"Хересу, пожалуйста..."
Вен. Ерофеев

Долгие уговоры старшОго, наряду с постоянными жалобами на отсутствие "горючего" в стане потенциальных любителей спиртного, возымели, наконец, свое действие.

В один из рабочих дней, когда после чистки бензопилы и стресса, связанного с тушением этой же загоревшейся пилы, случайно вспыхнувшей от пролитого горючего, было решено этот поганый стресс перебороть.

Для этого пришлось срочно соорудить плотик из двух бревен, посадить на него верхом автора этих строк в болотных сапогах и скоренько-скоренько столкнуть его (плот, а не меня) в быстрые струи реки "Серебрянки".

Опыт водных путешествий у верхом сидящего на бревнах кое-какой был, и вскоре все увидели, что плот все-таки пристал к противоположному берегу и даже не очень далеко вниз по течению.

Как всегда, времени было в обрез. Нужно было заскочить за деньгами на наши "летние квартиры", догадаться переодеть сапоги, сменив их на кроссовки, взять с собой матерчатый чехол от гитары вместо сумки, и, наконец, успеть осуществить этот замечательный проект до закрытия магазина.

Сразу вспомнился наш с Вовкой Сафоновым аналогичный забег на реке Юрюзань, на Урале.

Надо сказать, что и этот марш-бросок закончился успешно.

Вскоре остальные "участники" последующей пирушки смогли рассмотреть на противоположном берегу в створе улицы, спускавшейся к реке, маленькую фигуру с гитарным чехлом в высоко поднятой руке.

В непрозрачном черном чехле что-то заманчиво выпирало и старалось вырваться из рук, чего никак нельзя было допустить, и допущено не было.

Чуть было не забыл о маленьком незначительном эпизоде.

В магазине среди традиционных и обычных напитков случайно в глаза бросилась красивая бутылка с красивой этикеткой и не очень красивым содержимым зеленого цвета. Это оказался ликер "Шартрез". Такие напитки не приветствовались в компании. Коктейли, когда-то очень любимые нами, были забыты и полностью отвергнуты. Но почему-то все увидевшие позже эту "зеленую бутылку" сразу становились ее поклонниками.

Несмотря ни на что в компании часто слышалось тихое "Эх, сейчас бы шартрезику", как бы обращенное к казначеям, или более громкое, шутливое: "Шартрезу, пожалуйста".

Увы, никакие уговоры и брюзжание не сломили наших "кремней". Справедливости ради скажем, что и в отношении других "номинантов из магазина" мнения очень часто не совпадали. Таков уж был этот неудачный сплавной сезон.

* * *

Слаб все-таки человек. "Мечта о Шартрезе" не покидала нас долгие годы. Даже казначеи в лице Толика и Славки часто вспоминали о несбывшемся. В Москве в продаже почему-то совсем отсутствовали когда-то "стоявшие на каждой полке" отечественные фирменные ликеры, в т.ч. "Шартрез", "Бенедиктин", "Юбилейный" и другие. Но однажды чудо все-таки свершилось, правда, только однажды.

В те далекие зимы в день моего рождения ко мне каждый год собирались мои друзья-приятели. Каждый раз состав группы менялся в зависимости от того, кто в данный момент был в наличие на нашей общей работе. Заезжали и те, кто уже покинул наш ВЦ.

Традиционно мы заходили в магазин, где соответствующе отоваривались. И всегда ребята покупали все сами. Это считалось подарком к моему дню рождения. И на этот раз все неизменно повторилось.

Стоя в сторонке и наблюдая за процедурой, я смотрел на витрину, на "иконостас", как мы тогда выражались. И увидел, наконец, вожделенный "Шартрез". Когда закупка подошла к концу, я задержался у прилавка, сославшись на необходимость купить кое-что еще. Кажется, никто не заметил моих телодвижений в сторону ликера, и я втихомолку купил бутылку "Шартреза".

Как всегда мое чествование проходило весело и задорно. Состав пополнялся вновь прибывающими, в том числе со своим "горючим". В самом разгаре действа я попросил слова и объявил о том, что всех присутствующих ожидает сюрприз.

Трудно описать какой восторг был на лицах ребят, когда они увидели "зеленого" друга. И хотя на вкус ликер был противным и приторно-сладким, многие из присутствующих исполнили свою давнюю мечту. А вот те, кто отсутствовал на этот раз по каким-либо причинам, до сих пор не могут себе этого простить.

Дошло до того, что поиски ликера продолжались и во Франции. Искавший их там, по ошибке полагал, что происхождение ликера французское.

Так что для некоторых из моих друзей эта мечта пока остается несбывшейся.

От частного, но поучительного случая перейдем к некоему общему. Общее же будет дополнено математическими выкладками и химическими изысканиями, не имеющими, как вы догадываетесь, к математике и химии никакого отношения...

"Леша, сплав и банка горошка"

"Закуска градус крадет..."
Народная мудрость

Когда мы, друзья-приятели, были помоложе, мы потребляли спиртное в гораздо больших количествах. В какой-то момент была даже выработана не совсем обычная формула.

При покупке крепких спиртных напитков количество покупаемого определялось как R=N+1, где N>1. В данном случае N - это количество людей, а R - число покупаемых бутылок. Это, как может показаться, и много и... достаточно.

В те молодые годы здоровье и, так сказать, практика позволяли нам выходить и на такие объемы.

Не прошли мимо нас и все "солнцедары", и всеразличные сорта пива. Если мы собирались на квартире, то хорошая норма на человека – 10 бутылок пива, что по тем временам соответствовало одной бутылке "40-градусной".

С огромным удовольствием посещались известные пивные бары "Жигули", "Пльзень", а также необычный пивной ресторан "Ракушка", что у метро Юго-Западная.

В те годы была разработана еще одна формула, включающая в себя в качестве параметров миллилитры, градусы (крепость) и цену. Точную запись формулы я не помню, но ее использование показало, что самый оптимальный вариант – водка.

Возвращаясь к "дарам солнца", скажу, что портвейны, вермуты, десертные вина также были в нашем "репертуаре". Говоря о вермутах, сразу вспомнился один вермут на сплаве.

Будучи очень густым и непрозрачным, со своеобразным вкусом, он позволял себя разбавлять чистой ключевой водой. При этом не терял вкусовых качеств и не становился прозрачнее. Кто-то даже заметил, что и "градусы же никуда не деваются, а объем может возрасти, чуть ли, не вдвое".

Эта гипотеза вызывала некоторые сомнения, но не отворачивала нас от таких химических опытов.

Не могу здесь не вспомнить о нашем друге Леше. Я еще расскажу в дальнейшем о его славном характере и трагической судьбе. А сейчас снова вернемся на сплав.

Год на год не приходится. То никак не допросишься "Шартрезу", то суммы, выделяемые на "расслабон" после напряженных сплавных будней оказывались немалыми.

И вот в такие "продуктивные" годы Леша придумал одно "ноу-хау". Скажем, что всем давно известный способ Леша поднял на новый уровень.

Как-то после одного вечернего застолья, где в качестве основного присутствовал не самый крепкий напиток, мы проснулись утром от необычных звуков.

Шорохи и позвякивания, стуки и бульканье навели всех на мысль о похмелье. Но звуки издавал лишь один человек – Леша. И он же первым, и этим утром последним, осуществил эту всеми желаемую процедуру. С вечера скопилось огромное количество початых бутылок. Наш Леша "по капле" из каждой "пустой" бутылки нацедил себе большущий стакан этого замечательного с нашей точки зрения напитка. И на наших же сонных глазах под наши же аплодисменты и завистливое сглатывание осушил его с огромным удовольствием.

Леша был большой оригинал, что касается спиртного. Приведенный выше пример продолжу, рассказав еще об одном случае.

Естественно, в магазин бегал не только ваш покорный слуга (как самый молодой!?), но и другие желающие.

Однажды, "сгонять за" вызвался сам Леша. Ему было велено купить водки и закуски, и была выделена соответствующая сумма.

Когда Леша вернулся с покупками, все сразу поняли, что Леша поступил очень мудро. По-своему мудро.

Он четко рассчитал, сколько бутылок водки он сможет купить на эту сумму, и оставшиеся деньги пустил на закуску. Таким образом, в сумке, им принесенной, оказались девять (9) бутылок водки и одна (1), правда, большая, банка зеленого горошка. Эта легендарная правда о Лешином поступке остается в нашей памяти до сих пор.

И снова о сплаве.

Как правило, местом проведения этих дополнительных подработок была Пермская область. Более точно – Коми-Пермяций национальный округ.

И уж, поскольку мы говорим здесь о крепленых напитках, и у местного населения был такой свой. Назывался он "пермяцкий квас" и представлял собой что-то похожее на брагу. Основным компонентом его было толокно.

Я не так часто ездил на сплавные работы, но много слышал об этом квасе и очень хотел его попробовать. И вот однажды мне это удалось.

Когда мы уже собирались возвращаться в Москву и ждали, когда подойдет машина, мы с Лешей отправились в магазин, чтобы купить чего-нибудь на дорожку. В магазине оказался портвейн в бутылках по 0.8 литра. Как вы и догадались, мы купили 9 бутылок, а десятую, купленную на сэкономленные деньги, осушили у магазина. Тут снова зашел разговор о пермяцком квасе. И Леша обещал найти мне кого-нибудь из местных и осуществить эту мою давнишнюю мечту.

Проблем никаких не возникло. У магазина было из кого выбирать, и один местный "абориген" решил нам помочь в этом. Вскоре мы оказались в одном местном доме, вернее в предбаннике, где нам налили по стакану этого самого кваса.

На вид он был не очень симпатичный. Довольно густая неоднородная масса, напоминающая жидкую овсяную кашу. И я, наверное, не рискнул бы отведать этого заветного напитка, если бы мы с Лешей уже не были соответствующим образом "настроены и подготовлены".

Увы, я не очень запомнил вкус этого зелья, но мечта таки осуществилась.

В этот же год Леша взял с собой переснятую на фотобумагу повесть Вен. Ерофеева "Москва-Петушки". Мы часто читали ее вслух, обсуждали, смеялись. Правда, мы ограничивались первой, "легкой" ее частью. Запомнилась фраза Венечки в одном из привокзальных ресторанов, где он постоянно "принимал на грудь" один и тот же напиток: "Хересу, пожалуйста".

И надо же случиться такому совпадению. На обратной дороге в Москву в вагоне-ресторане, куда мы отправились пообедать и "освежиться" после бурной ночи и пермяцкого кваса, в меню присутствовал тот самый херес.

Естественно, мы не преминули вспомнить ту самую фразу, заказав себе и закуску.

* * *

Сами понимаете, что эту главу можно было легко увеличить по объему в несколько раз. Материал сей наиблагодатнейший и благодарный. Я уверен, что еще вернусь к этой теме. Ну, как не вспомнить о посещении с коллегами по работе дегустационного зала в Киеве, употребление в лечебно-профилактических целях спиртных напитков в том же Киеве в сентябре 1986 г. (май 1986 - Чернобыль), Улугбек – это уже под Ташкентом, "вечер на рейде" и его последствия в Игналине.

Обязательно напишу еще о Леше. О его "иду на литр" и о том, кто составил ему компанию. Короче говоря, приключений и забавных и поучительных историй на эту тему предостаточно. Так что, ждите новых рассказов, связанных с "Омаром и Хайямом"...

* * *

Я уже много раз писал здесь о своих друзьях-товарищах. Наверное, без них и я – не я, да и они без меня, думаю, были бы совсем другими. Я постоянно буду возвращаться к ним в своих рассказах – слишком многое нас связывает. И может быть впервые, в самом концентрированном виде я расскажу сейчас о самых своих старых и близких друзьях...

Леша, И.Ванин, Славка и Я. 1980 г.

Записки о друзьях

Говорят, друзей не может быть много. Настоящих друзей. А что значит настоящих? И почему же их не должно быть больше? Но как здорово, когда у тебя есть столько друзей!..

* * *

Мне в этом отношении особенно повезло. Я уже не говорю о моих коллегах по работе, которые с годами стали мне настоящими друзьями, старшими товарищами "вечно юному Рогову".

Речь здесь пойдет о моих школьных, институтских и других друзьях-одногодках, с которыми я знаком уже немыслимое количество лет. Годы наших рождений умещаются в диапазоне 1947-1949 гг., и даже в этом кругу я – самый младший.

Интересно, что у всех нас разные имена, и только у двоих одинаковые. Поэтому их я буду называть следующим образом: Володю-маленького – Володей, а Володю-большого – Вовиком. Еще одна интересная вещь. Трое из нас часто называют друг друга по отчеству: Валерку – Константинычем, Толика – Леонидычем, а меня – Палычем. Если кто-то объяснит мне, почему это так и почему это "приклеилось" только к этой троице, буду искренне благодарен.

Конечно, у всех моих друзей помимо меня и всех нас есть и свои друзья. Некоторых я хорошо знаю, других – плохо. Но по любому, это все равно замечательно. И быть может, и я числюсь среди них, как хороший знакомый, вспомнить о котором не зазорно.

Тяжело говорить о том, что, из тех, о ком я хочу поведать, двоих уже нет с нами. С них я и начну свой рассказ.

* * *

С Лешей мы познакомились на моей нынешней работе, в ВЦ.

Выпускник физтеха, "большая умница" и "большой ребенок", как мы его часто называли, был всеобщим любимцем. Он с головой бросился осваивать все премудрости жизни, познакомившись с нашим дружным коллективом. К этим премудростям он относил курение и прочие "излишества". И всегда у него это выходило нетрадиционно. С одной, только ему присущей, оригинальностью. Вот один из рассказов о его чудачествах.

"Разве так можно ударить?"

Началось это все на квартире у Славки, или Владислава, как он неоднократно подчеркивал. Здесь, на этой квартире мы встречались с друзьями-приятелями очень часто. Славка был гостеприимным хозяином. Собирались мы поболтать, попеть песни, отметить чей-либо день рождения или "просто посидеть". Бывало, поигрывали и в картишки. На этот раз все началось с карт.

Мы играли почему-то не в преферанс, а в покер. Правил игры многие из нас не знали, и играли мы почему-то на спички. Я так думаю, что кто-то из нас обучал остальных этой нехитрой игре, ну и в отсутствии денег, из коробков были извлечены спички. Для интереса, наверное. Деньги, конечно, были истрачены на сигареты и напитки. Таким образом, застолье проходило активно, игра ему нисколько не мешала, но дым стоял коромыслом. Особенно, вблизи Леши.

* * *

Леша сидел напротив меня, и мне прекрасно было его видно, что впоследствии повлияет на ход событий.

Итак, Леша активно дымил сигаретами, поскольку только-только начал осваивать это никотиновое ремесло, и ему хотелось поскорее пройти этот неприятный этап освоения. Если сюда прибавить, что все мы были немного навеселе и гораздо реже раздавали карты, чем наполняли стаканы, то Леше с его дымовой завесой было гораздо "веселее".

В какой-то момент стало как-то за него неспокойно, и мы решили его лишить очередного стакана и отобрать заодно у него и сигареты. Это, как вы сами понимаете, оказалось довольно трудным делом, и нужный момент был упущен.

Кто-то, по-видимому, очень умный, предложил отвести Лешу проветриться и освежиться. Эта идея не была поддержана вначале, а затем Леша как-будто бы пришел в себя.

Конечно, большой вины в том Леши не было. Виноваты во всем были сигареты, которые с непривычки сильно действовали на молодой непрокуренный организм.

Вдруг, к своему несчастью, я заметил, что сидевший напротив меня Леша начал как-то зеленеть и сползать с кресла. Я тут же поднял тревогу. И все сразу высказались за то, что его надо быстренько "освежить".

И вот я, как закрутивший всю эту "карусель", сразу же схватился за Лешу и начал его трясти. Леша стал приходить в себя, и в какой-то момент показалось, что он сам сможет выйти и проветриться. Но все же, как-будто "черт меня дернул за ноги", и я пошел его сопровождать.

Я шел сзади, придерживая его обеими руками за пояс. И вот когда мы выходили в коридор, Леша вдруг как шел, так во весь рост и начал падать вперед. Не сползать медленно на пол, как можно было бы предположить, а падать, со всей высоты своего шестифутового роста, головой вперед.

Вы, наверное, догадались, что все мои попытки остановить это падение ни к чему не привели. Мало того, Леша в свое падение увлек и меня, и я оказался вместе с ним на полу, слегка повредив, замечу, при этом свою руку.

Но это было несравнимо с эффектом Лешиного падения. Во-первых, раздался страшный стук: это голова его ударилась о паркет. После чего все повскакали со своих мест, думая, что кто-то что-то уронил, либо кого-то ударили. Во-вторых, Леша вскочил, мгновенно придя в себя. Пришли в себя и протрезвели все присутствовавшие (ну может не все, я помню).

У Леши был рассечен лоб. А нужно сказать, что лоб у Леши высокий, видный. Этому способствует и некоторое отсутствие волос на нем. Конечно, как и бывает в таких случаях, было много крови, она не останавливалась, все нервничали и больше всех сам пострадавший. Кто-то, наконец, вспомнил, что недалеко отсюда находится травмопункт, где Леше смогут помочь.

Очень быстро мы добрались до места и оказались в приемном отделении больницы, где нам пришлось встать в небольшую очередь. Наконец, наступил и наш черед. Мы подвели Лешу к окошку для его регистрации, как потерпевшего. И тут состоялся короткий, но очень памятный диалог между Лешой и медсестрой.

Медсестра спросила:

– Что случилось, на что жалуетесь?

Леша в ответ просунул свою голову в окошко и в свою очередь спросил:

– А что, разве не видно?

На что сестра с огорчением сказала:

– Это надо же так ударить!

И, наконец, прозвучал последний вопрос, который поставил перед сестрой Леша, и который так и остался без ответа:

– А разве так можно ударить?

После чего нашего Лешу увели в неизвестном направлении.

Первое время Лешин шрам был очень заметен. Затем, зарубцевавшись и покрывшись загаром, он все реже напоминал нам о маленьких безобразиях, которые творились во времена нашей молодости.

Но с тех пор, если мы с Лешей где-либо вместе собирались аналогичным образом провести время, он заранее просил меня никуда его не провожать, в крайнем случае, оставить на месте и уж, ни в коем случае не трогать без особой на то необходимости.

* * *

О Леше много написано в предыдущих главах и еще много будет сказано в дальнейшем. К сожалению, и семейная жизнь, и научная деятельность сложились у него неудачно.

Этот наш большой ребенок не выдержал испытаний. К этому добавилась и страшная болезнь с последующей операцией. Последние годы его жизни мы почти не общались и даже в последний путь я его не смог проводить – узнал об этом в последний момент.

Нас с ним объединяла общая любовь к авторской песне, к фантастической литературе, к спорту.

Чего стоит его участие в регулярно проводимых мною конкурсах по прогнозированию результатов хоккейных чемпионатов мира.

Стоит сказать, он часто их выигрывал. И чаще всего за счет точного расчета и знаний условий конкурса – был он все-таки ученым человеком.

А еще, и это самое главное, он был добрым человеком. И как сказал однажды Толик, ближе всех друживший с ним: "Жалко! Лешу!.."

* * *

Мишу я впервые увидел в год окончания нами средней школы.

Он учился в другой школе вместе с дочкой нашего Игоря Константиновича Калабина Татьяной, и был ее близким другом. После школы мы вместе поступали в один ВУЗ.

Он выделялся своей необычной внешностью. Очень высокий, самый высокий из нас, он в те годы был необычайно худым, казался с первого взгляда каким-то не очень складным и угловатым. Позже мы узнали, что он серьезно занимался настольным теннисом и футболом. И в спортивных наших состязаниях показал себя очень скоординированным и ловким парнем, несмотря на такие свои параметры.

Он обладал великолепной шевелюрой, густой и русой, позволявшей ходить ему и зимой без головного убора.

Я все думаю, как охарактеризовать его одним словом теперь по прошествии многих лет. Мне приходит в голову вот это – разумный. Что-то я не помню, чтобы он когда-либо (на моих глазах) выходил сильно из себя. Даже в экстремальных ситуациях он старался оценивать их опять-таки разумно. И, несмотря на его видимую мягкость и интеллигентность, с ним как-то было надежно и спокойно...

* * *

...Когда я сейчас это пишу, у меня что-то происходит с глазами. Почему-то становится хуже видно написанное, и приходится делать перерыв, чтобы протереть очки, которые я, увы, уже вынужден надевать для работы...

* * *

...С Мишей мы особенно близко сошлись в первые годы нашей учебы в институте, когда вместе работали еще на заводе "Чайка".

Мы с ним часто проводили время, вместе готовились к очередным экзаменам. С нашими друзьями, а иногда и с его личными, мы отдавали дань и застолью, пению песен под гитару, спортивным состязаниям, посещению стадионов, походам в кино.

Когда постепенно вся наша дружная компания, "великолепная шестерка", перешла дружно с "Чайки" в Вычислительный центр, а Миша в этом был первопроходцем, мало что изменилось в наших отношениях. Работа, учеба, отдых, развлечения, теперь уже и с новыми друзьями. Круг наших знакомств расширялся.

Но что-то не сложилось у Миши с учебой, и он бросил институт, несмотря на все наши уговоры. После этого он был призван в армию, и, отслужив положенный срок, вернулся в ВЦ. Через короткое время он, как говорится, завербовался на работу на морских судах в режиме загранплавания. К этому времени он женился на нашей общей хорошей знакомой, Наташе Гавриловой (Семиной). Мы все очень радовались за них и очень одобряли этот брак, подаривший Мише наследника, сына Сашку. Что было причиной дальнейших неприятных событий?

То ли эти загранплавания в низких широтах, то ли что-то другое, но Миша по состоянию здоровья был вынужден оставить этот морской промысел.

Миша. Конец 90-х

Последние годы его жизни сопровождались борьбой его и его жены с этой смертельной болезнью, воспитанием подрастающего сына, потерей мамы и любимого брата Юры.

К счастью, я в это время снова часто встречался с Мишей на их квартире. Мы много беседовали, спорили, соглашались, опять спорили. Миша и в этой не простой, мягко говоря, ситуации оставался самим собой. Таким же разумным, веселым и обаятельным...

…Но почему-то из жизни в первую очередь уходят самые лучшие. А Миша, безусловно, был самым лучшим из нашей великолепной шестерки, потерявшей самого лучшего своего "бойца".

* * *

Я часто упоминаю выражение "великолепная шестерка", которая в окончательном виде сформировалась в 1966 г. В нее входили: Миша, Борька, два Володи, Валерка и я. За частым упоминанием этой команды я совершенно забыл, что чуть раньше сформировалось другое братство – "великолепная тройка".

Школьные друзья с 8 класса: Валера, Володя и я, стали все-таки основой той шестерки, образовавшейся позже.

Совместная поездка в 1965 г. в Ленинград и Прибалтику с заездом в Игналину (это был самый первый заезд) только укрепили нашу школьную дружбу. И радости и горести мы делим на троих до сих пор, хотя встречаемся очень редко, к сожалению.

* * *

Про Володю я уже много раз писал и хочу подчеркнуть, что он был и остается моим самым первым большим другом, несмотря на свой рост – он среди нас самый маленький.

Мне кажется, он был несколько смущен моим рассказом "Вашу книжку, пожалуйста", в котором я описываю действительные события нашей институтской жизни. Но ничего "такого" я и в мыслях не держал. Тем более что кончается все не совсем удачно именно для меня. И здесь я хочу вновь вспомнить эту историю.

"Вашу книжку, пожалуйста..."

Эта история случилась в те далекие годы, когда я и многие мои друзья-товарищи были студентами ВУЗа, очень молоды и наивны. Мы учились, работали, успевали отдыхать и веселиться, ходили в походы на лодках, на байдарках и даже на плотах.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел на первом курсе нашей учебы в институте.

Готовясь к экзаменам, мы, как и все студенты, были озадачены изготовлением шпаргалок. Всем известно, заготовить шпаргалки, разместить их в нужных местах на теле и суметь, наконец, незаметно ими воспользоваться – это большое искусство.

Наш очередной экзаменатор обладал удивительной способностью "засекать" таких "искусных" студентов. А потому здесь была необходима особая осторожность...

* * *

...Мы с Володей сидели рядом и готовились к сдаче экзамена…

Нужно сказать, что мы с ним совершенно не похожи друг на друга. Он – низенький, кругленький и плотненький, а я – тоже не очень высокий, но худенький и с усами.

Несмотря на все это нас регулярно путали друг с другом, а меня часто называли Володей. Это сыграет свою негативную роль в дальнейших событиях.

Итак, как говорится, "тише, идет экзамен".

К столу экзаменатора выходят экзаменуемые. "Отстрелявшись", они с волнением заглядывают в свои "зачетки". Я немного задержался с подготовкой, а Володя, собрав листочки и спрятав "шпоры", отправился сдавать экзамен.

Я в это время был занят решением последней задачи, но, как и все оставшиеся в аудитории студенты, слышал как Игорь Владимирович, наш экзаменатор, громко сказал каким-то странным тоном: "Вашу книжку, пожалуйста". После этого была необычно длинная пауза, а затем снова: "Давайте Вашу книжку". После этого многие, и я в том числе, с любопытством взглянули на собеседников.

И здесь мы стали свидетелями удивительной картины.

Володя расстегнул пиджак и из-за пояса вынул то ли учебник, то ли задачник и положил его перед преподавателем на стол. Мы все, включая главных действующих лиц, замерли. Эта немая сцена закончилась фразой экзаменатора: "Я имел в виду зачетную книжку".

Даже Володя, хотя ему и было не до веселья, с трудом сдерживал то ли смех, то ли слезы.

Что же касается нас, то позабыв про всякие экзамены, мы весело смеялись, включая, конечно, и самого Игоря Владимировича.

И я уже не помню, что он поставил Володе в зачетку, и поставил ли он что-нибудь, и как я сам сдал этот экзамен.

Но на этом наша история еще не закончилась.

Как водится, после окончания института для нас и преподавателей был устроен прощальный ужин в одном из московских ресторанов. Было произнесено много тостов, пожеланий. Все вспоминали интересные случаи из студенческой жизни.

И, безусловно, Игорь Владимирович не мог не рассказать эту нашу историю.

Мы, конечно, все много смеялись, а в конце своего рассказа Игорь Владимирович, открывая имя главного героя, показал на меня и назвал мою фамилию.

Пытаясь восстановить справедливость, я в перерыве подошел и напомнил ему, как было дело. Мало того, по моей просьбе к нему подходил и Володя, но переубедить его мы так и не смогли.

Так я стал "героем" этой истории. И зная любовь Игоря Владимировича на лекциях в качестве "лирических отступлений" рассказывать о разных случаях в его практике, я уверен, что он до сих пор склоняет мою фамилию, рассказывая всякие небылицы.

* * *

Валера! Старый школьный товарищ, друг!

Трудно нас было представить без занятий спортом. Мы были зачинателями волейбола в нашей 546 школе. И ты был лучшим волейболистом, с прекрасной прыгучестью и хваткой.

А наши занятия музыкой, начиная со знаменитых "Черных лебедей" и заканчивая нашим вокально-инструментальным ансамблем в Вычислительном центре!

Никогда не забуду, как мы с тобой пели песни в Ленинграде. Чего стоят наши "Фонари" и "Снежана".

Твоя гитара, собственными руками переделанная в электрогитару, на которой ты играл соло через тобою же сделанный усилитель – показатель замечательного умения и навыков, которые ты не растерял до сих пор.

Ты единственный из нас имеешь двух сыновей, остальные ограничились одним ребенком. Хотя, я может быть, чего-то не знаю.

Ты был автомобилистом, остаешься компьютерщиком и программистом, специалистом широкого профиля...

...Написав все это и явно не закончив написанное, я понял, что звучит все это, как поздравительный адрес в честь какого-то Валеркиного юбилея. Я никогда ничего подобного в его адрес не писал, стихов в его честь тоже не слагал и даже песен ему не посвящал.

Мне очень стыдно и я постараюсь исправиться. Тем более что за многие годы дружбы наибольшее количество времени, проведенного с друзьями, приходится именно на Валеру, так мне думается. И счет этих дней не закончен. Чаще всего я встречаюсь и перезваниваюсь именно с Константинычем. И, как говорится, так держать и не уставать!

* * *

Борис и Вовик!? Наверное, нет, я уверен, двое самых видных и красивых наших ребят. Теперь они конечно не мальчики, но мужи, в меру постаревшие и подурневшие.

Как вы там поживаете, друзья?

Давно вас не видел, мы фактически не общаемся. Борису я звонил последний раз пару лет назад, 31 декабря, в день его рождения.

А Вовик и вовсе недосягаем, оберегаемый своей очередной женой и другими какими-то непонятными обстоятельствами.

Странно. А ведь в моей жизни эти два человека сыграли очень большую роль.

* * *

Вовик, наверное, самый талантливый и перспективный из нас, никак не выглядел этаким интеллигентом в очках.

Крепыш, выше среднего роста, занимающийся боксом, в меру задиристый, он не выглядел интеллектуалом. Скорее в нем было что-то такое хулиганское и озорное. Главным для меня в нем стало его умение играть на гитаре. Он стал моим первым учителем в этом ремесле, за что я ему безмерно благодарен.

Я старался быть хоть немного похожим на него, пытался соперничать с ним в науках.

В гитарном же искусстве я был хорошим его учеником и вскоре удостоился соответствующих похвал и признания равновеликости.

Познакомились мы с ним в 11 классе, проучились вместе в ВУЗе и долгие годы работали вместе. Я постоянно радовался его успехам, причем заслуженным и не удивился бы его успешной научной и производственной карьере.

Но он вскоре ушел из ВЦ, сменил несколько мест работы и его нынче не так-то легко разыскать "на тернистых дорогах современности".

* * *

С Борей мы познакомились тоже только в 11 классе.

До этого он учился в параллельном, так называемом музыкальном классе.

В 11 класс Игоря Константиновича Калабина мы перешли из 9-ых параллельных классов: Борька, Володя и я, по рекомендации нашего "классного папы".

С Володей мы уже были закадычными друзьями, с Борисом же подружились именно здесь.

По каким-то, совершенно неизвестным мне причинам, мы оказались с Борей за одной партой. И он сразу покорил меня своими замечательными качествами.

Он стал, чуть ли не руководителем нашего музыкального ансамбля "Черные лебеди", будучи в какой-то степени профессионалом – играл на баяне.

Он стал любимцем всех девушек класса. Не удивительно, ведь он был обаятелен, если не сказать больше. Хотя сам он часто говорил, что мужчина должен быть чуть красивее обезьяны.

Он свободно себя чувствовал в любой обстановке, сам немного играл на гитаре и пел. От него так и веяло оптимизмом, и он заряжал им и других.

Я всегда был достаточно скромным и застенчивым (с учетом, конечно, "откровенных разговоров"), но рядом с Борисом я сам становился раскрепощеннее, даже хулиганистей.

Удивительно, но в этом последнем 11 классе меня удаляли из класса чуть ли не больше, чем за все предыдущие. А часто и вместе с Борькой.

Конечно, мне было далеко до него, но я очень старался. Затем был институт, работа в ВЦ, служба в армии, после которой Борис, а вместе с ним и Володя, перешли на работу в НИЦЭВТ (центр ЕС-овской техники), и мы с Борисом стали реже видеться.

По прошествии нескольких лет Борька устроился на работу в милицию и дослужился до высокого звания. Но при этом он здорово подорвал свое здоровье и сейчас уже на пенсии, и по выслуге, и по инвалидности.

* * *

Вот с великолепной шестеркой и закончено. У всех нас судьбы сложились по-разному. Все мы начинали на "Чайке". Затем постепенно перебирались в Вычислительный центр.

Сначала Мишка, затем парами: Борька и Вовик, Валерка и я, и последним Володя. Сейчас остался один я, большой консерватор по части переходов и смены работы.

1982 г. Славка на сплаве

Но ВЦ подарил мне дружбу еще двух человек.

* * *

Скорее всего, по рекомендации Мишки на работу в ВЦ устроился его давний приятель Славка. Попав в одну смену, (вернее, он под мое руководство), мы очень быстро сдружились.

Он был совершенно необычным человеком. Любил собирать вокруг себя компании, постоянно генерировал какие-то идеи и проекты. Но нельзя сказать, что он был душой коллектива. Характер у него был не простой. Он мог и обидеть знакомого, был иногда и заносчив. Но все равно мы тянулись к нему – было в нем что-то притягательное.

Очень часто его квартира, а прежде комната, были центром проведения различных мероприятий, в том числе и увеселительных (см. "Разве так можно ударить").

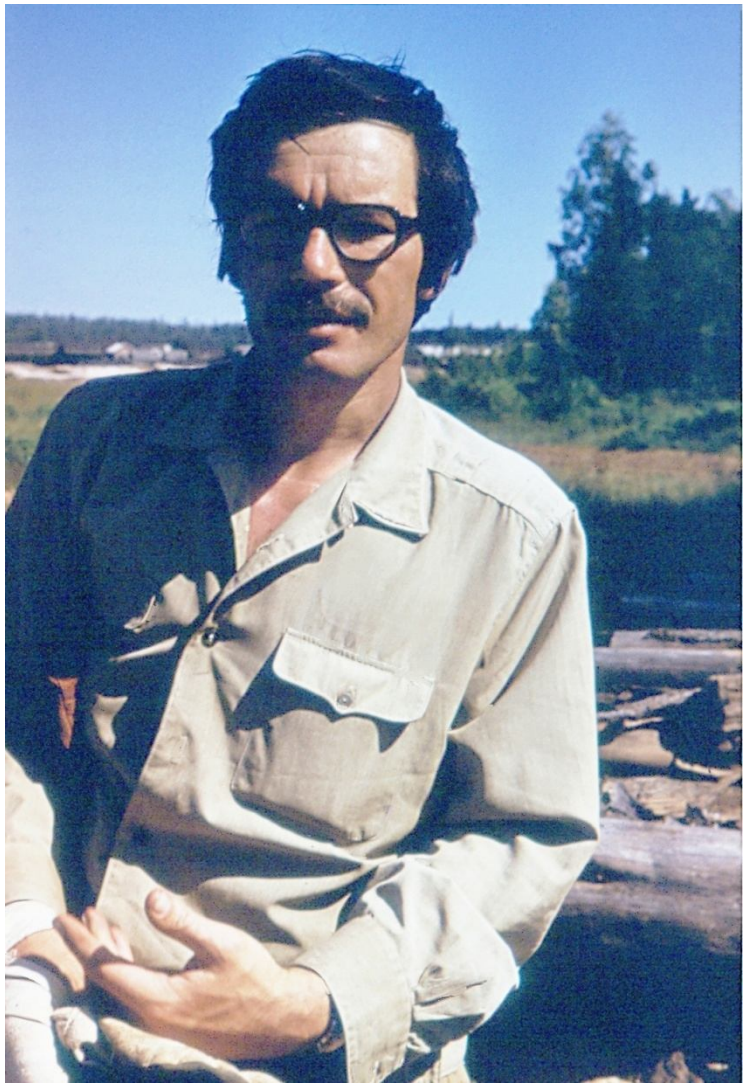
Мы же с ним общались и днем, и в ночные наши смены, придумывая разнообразные заботы и "штучки", начиная с разработки программ для ЭВМ и заканчивая разными "приколами". Их было великое множество. Когда-нибудь я расскажу о них.

Сейчас же хочу сказать, что это время, чуть более двух лет, вместили в себя такое количество событий и приключений, какое иногда случается за десятки лет.

Славка, шельмец, даже женился на одной из наших школьных подруг, нашей любимице, Валечке Ланиной. Но, в конце концов, после сложных семейных взаимоотношений они были вынуждены расстаться.

На то были самые разные причины. Основная из которых заключается, по-моему, в тех чертах характера Славки, о которых я говорил выше.

Самое интересное, что Славка все-таки ушел из ВЦ.



1982 г. Толик на сплаве

Мы работали уже в разных отделах, но продолжали общаться, ездили на "сплав" в Пермскую область, ходили в походы.

Но Славке что-то не давало покоя, ему хотелось чего-то нового. И вот однажды в разговоре со мной он намекнул на то, что неплохо было бы заделаться каким-нибудь фермером, жить где-то подальше от города, заниматься сельским хозяйством, разводить какую-нибудь живность, при этом еще и зарабатывая. И, самое интересное, он исполнил эту свою мечту.

После этого он потерялся из виду, перестал общаться со своими старыми друзьями, возможно, нашел новых и какую-то, одному ему известную и притягательную дорогу в жизни.

Где ты сейчас, Славка? Не скучаешь ли по городу и по своим старым знакомым? Может быть, когда-нибудь мы и получим ответ...

* * *

Толик, с которым мы тоже познакомились и подружились в ВЦ, обладал необычной и завораживающей внешностью.

Было в нем что-то восточно-азиатское, что присуще древним кочевникам. Разрез глаз, иссиня-черные волосы, неспешность и какая-то плавность в движениях сразу бросались в глаза, и его можно было принять за человека восточной национальности.

По всей видимости, какие-то далекие его предки и были таковыми. Вот и вырвалось наружу их генное наследие.

Толик – сама невозмутимость, очень знающий себе цену человек и хороший кулинар, умеющий и здесь проявить себя с необычной стороны. Толик до сих пор остается для меня самым загадочным и до конца не раскрытым.

Возможно, это проистекает от небольшого стажа нашей дружбы, малого количества соли, съеденной вместе по сравнению с остальными моими друзьями. И уход его из ВЦ, замечу, последнего из нашей компании, не дает возможности значительно пополнить общий запас этих белых кристаллов.

Я поймал себя на мысли, что всех своих друзей я люблю, кого-то больше, кого-то меньше. А вот уважаю я больше всех почему-то Толика, возможно от недостатка любви, вызванного всем тем, что сказано выше, да простят меня все мои друзья.

А Леонидычу я желаю побольше оптимизма и почаще все-таки "выходить" на старых своих друзей.

* * *

Я, конечно, понимаю всю трудность написания этих записок, невольное выставление оценок и выстраивание по ранжиру. Я старался писать то, что думаю, никого сильно не задеть, но и высказать свое отношение к каждому.

Кто-то, не нашедший упоминания здесь о себе, но считающий себя моим другом, поймет, какими критериями я здесь пользовался и почему рассказал только о девятерых. Хотя...

* * *

...Друг, товарищ, приятель, знакомый.

Грань между "соседями" бывает трудно уловить. И часто понимаешь, что человек был твоим настоящим другом только после его ухода.

Увы, мы иногда плохо дружим, редко видимся и перезваниваемся. А встречаемся лишь по скорбным дням. Плохо это все. Хотя и легко объяснимо и приходится с этим мириться. А надо ли?..

* * *

...Говорят, друзей не может быть много. Настоящих друзей.

Ну, а что значит, настоящих?

И почему же их не должно быть больше?

Но как здорово, когда у тебя есть столько друзей...

...Жаль только, что неумолимое время с неизбежностью сокращает их число и отнимает у тебя частичку тебя самого, тем самым приближая...

…Но не будем об этом.

* * *

Сначала я хотел назвать главу, только что вами прочитанную, "Друзья и подруги". Но вовремя передумал.

О друзьях-то писать нелегко, а о подругах, я думаю, еще труднее, да и рановато пока. Но как не написать о любви. Поразмышлять об этом дивном и загадочном чувстве. При этом ведь можно и пофантазировать, написать не только о себе, а и попытаться рассказать о "том, чего не было".

Получиться – не получиться, но попытаться ведь можно. Тем более, всегда есть возможность вернуться к уже испытанным приемам.

И как написал однажды настоящий писатель: "Ни всемирную, ни тем более русскую литературу я, даже дав самый полный передний ход, никуда не двину и даже дрогнуть не заставлю. И потому твердо решил, что следует мне писать только для моряков, для морского читателя..."

Поскольку я – не настоящий писатель, таких серьезных выводов делать не могу. И потому рискну написать не только о том, что было, а и о том, что могло бы быть.

Итак, поговорим, наконец, о любви...

"Почти не о чем"

Да, давайте поговорим о любви.

Вряд ли кто-то может дать внятное определение: «Что такое любовь?». А вы сами когда-нибудь любили? А если любили, то, что это: великое счастье, тяжелое испытание или величайшая трагедия?

Или все гораздо проще? Ну, понравился человек. Потом это переросло в более сильное чувство – сильно понравился. Затем, это последнее превратилось в любовь.

"Нравится" и "люблю" – совершенно разные категории.

Нравятся обычно за что-то. У человека красивые глаза, волосы, улыбка, наконец. Вот за эти качества человек и может нравиться. Но точно за эти же качества, тот же самый человек другому может быть совершенно безразличен. Как говорится, "на вкус и на цвет товарища нет".

А любят, по-моему, все-таки "вопреки", "несмотря на то, что". Ну, например. Любишь человека, несмотря на то, что у него "ни рожи, ни кожи" или прескверный характер. Но вот тянет к нему и жить без него не можешь.

Загадка? По-видимому, так. И еще никто эту загадку не отгадал и вряд ли отгадает. А если отгадает, то считай, любви конец и останется только: "нравится или не нравится".

А то еще появятся препараты для любви или против нее. Хотя они уже были: зелья приворотные и отворотные. Когда по необъяснимым причинам люди начинали болеть этой болезнью или, наоборот, излечивались.

Конечно, никак нельзя здесь обойти стороной и половой аспект. В этом инстинкте продолжения рода возможно один из ответов на поставленные нами вопросы.

Человек – животное разумное. И в нем так много перемешалось разумного и инстинктивного, что это порой и порождает все эти загадки, связанные с взаимоотношениями мужчины и женщины.

Он и Она, счастье и горе, радость и слезы, дети и внуки – все это разные стороны любви.

Вот еще что.

Если это неразгаданное чувство объединяет двоих чувством взаимной любви, то в равной степени это счастье для обоих. Как говорится, совет да любовь.

А если все не так? И любовь, как "болезнь", поразила только одну сторону? Или обе, но в разной степени?

Кому же в этом случае хуже? Кто больше выигрывает или скорее проигрывает в такой ситуации?

Человек любящий счастлив уже тем, что любит. Ну, вот любит, и все! Ведь любит он "несмотря на", в том числе несмотря на отсутствие ответного чувства или малую степень его проявления.

С другой стороны, он же и страдает от этого. Но любое проявление ответных чувств на фоне собственной любви вызывает непередаваемое чувство радости и счастья.

Любовь дается человеку нелегко, бросает его "из огня да в полымя", он счастлив и несчастлив одновременно и переживает огромное количество самых разнообразных чувств.

Другой счастлив уже тем, что его просто любят. Он живет в этой любви, иногда сам испытывает взаимное чувство, которое затем успокаивается. И так раз за разом. Волнений в этом случае меньше, жизнь спокойнее. Сам начинаешь понемногу отдаваться незнакомому для тебя прежде чувству. И, глядишь, оно тоже овладевает тобой, и чувство превращается во взаимное. Или не превращается. Что возможно бывает и чаще.

Итак, один – безмерно счастлив, но и переживания не оставляют его в покое. Другой – счастлив в меру, но и сильных чувств не испытывает чаще всего никаких.

Какой исход лучше? Какой из них полезней для здоровья? Что вызывает больший прилив творческих и других сил? И, наконец, какой бы ты сам выбрал, если бы у тебя был такой выбор?

Но выбора, увы, нет. Этот "вирус" или поражает тебя или обходит стороной. От тебя тут ничего не зависит. К счастью или к сожалению, решай сам...

Но если бы все-таки была возможность выбора, я догадываюсь, какой вариант выбрали бы вы...

* * *

Он и Она, о ком я хочу рассказать, выбрали свой путь.

А может сам путь заставил их действовать таким образом? Кто знает. Но это все равно маленькая история любви.

Хотя, как мне кажется, никто еще не объяснил толково, что это такое. Все мои предыдущие размышления на эту тему возможно лишь слабые потуги, лепет дилетанта. Но это не взгляд со стороны, а попытка глубокого погружения в эти необъяснимые глубины...

"Он и Она"

Они не виделись "тысячу лет". Его последнее путешествие выдалось долгим. Но эту пустоту заполняли письма – светлые, добрые, говорившие об их чувствах. Хотя сами о чувствах они почему-то никогда не говорили.

Не было признаний в любви, и даже близки они еще не были. Но если не были сказаны самые главные слова, они читались в их глазах, и будущее, хотя и было в некотором тумане, но скорее в розовом, чем в сиреневом.

С самого утра они бродили по городу. Чаще молчали, а если говорили, то о каких-то пустяках. Он смотрел на нее с нежностью и любовью, пытаясь разглядеть какие-то изменения. Их не было, хотя в глазах стояло удивление и некоторая грусть, когда Она изредка посматривала на своего друга, который вдалеке от нее мало изменился.

Город этой ранней весной, будучи чуть-чуть взлохмаченным и растерянным, наблюдал за ними с явной заинтересованностью, подозревая приближение счастливой развязки.

Неожиданно пошел дождь, и пока они искали, где спрятаться, здорово промокли. По их лицам текли дождевые слезы, которые, правда, быстро высыхали. Также неожиданно дождь кончился, и они с удивлением заметили, что уже наступил вечер.

Впереди горели огни кафе. Они поняли, что проголодались и хотели бы немного согреться. Выбирать не приходилось, и, недолго думая, они вошли в теплое злачное заведение.

Яркий свет в зале кафе не очень подходил их настроению, и они уединились за маленьким столиком вдали от шума и огней.

* * *

Я поймал себя на мысли, что всячески оттягиваю момент решающего разговора моей пары.

А состоится ли он вообще? Каким бы ни был он, счастливым, неожиданным, драматичным, такие моменты по сути ключевые, решают судьбы и определяют будущее героев, как выдуманных, так и реально существующих.

Итак, мы подходим к самому главному в этом рассказе...

* * *

Ребята согрелись, обсохли, чуть-чуть выпили сладкого ликера, а может быть и не чуть-чуть и даже не ликера. Им хорошо молчалось под аккомпанемент то ли оркестра, то ли механического музыканта. Первой заговорила Она.

– "Знаешь, а я выхожу замуж".

На что Он с улыбкой спросил:

– "Уж, не за меня ли?"

Вместо вполне ожидаемого ответа, услышал:

– "Нет, не за тебя"...

...Свет по каким-то причинам начал меркнуть. Возможно, заведение уже закрывалось, и посетителям предлагалось выметаться.

Она что-то быстро говорила о новом знакомом, которого уже представила своим родителям и что-то еще. Но Он уже ничего не слышал. Он сразу поверил, что это не шутка.

Правда не мог понять, почему это происходит с ним.

И главное, – у него из глаз полились странным образом нахлынувшие слезы. Он плакал в последний раз в далеком своем детстве. Тем более удивительны были эти его слезы.

Ее же они привели в полное смятение. Она резко замолчала, ее широко раскрытые глаза, мало сказать с удивлением, с испугом смотрели на него, не понимая в свою очередь, что происходит. В какой-то момент Она даже пожалела, что решилась сказать ему это.

А Он продолжал, улыбаясь, лить свои, наверное, последние детские слезы. Как-будто у него отняли его любимую игрушку, и теперь не будет больше таких и вообще никаких.

Хотя Он и был очень молод, первые, совсем незаметные седые волоски появились у него на висках.

Она была потрясена не меньше. Эти странные и непонятные слезы Она запомнит на всю жизнь.

Он проводил ее домой. Прощаясь, они договорились назавтра встретиться на сквере около проспекта.

Теперь уже в последний раз наедине.

* * *

Сквер, странным образом, в это время был пуст.

Они заметили каких-то субъектов, разгонявших сидящих на скамейках людей. Но их почему-то не тронули. Они поняли, что им предстоит прощание и расставание.

Они вспоминали вчерашний вечер, его странное и непредсказуемое поведение, постепенно отдаляясь. Хотя сидели рядом, слегка прижавшись друг к другу. Было прохладно.

Мельком они заметили какой-то автомобильный кортеж, промчавшийся по проспекту и, кажется, чуть-чуть притормозивший напротив их скамейки. Весна потихоньку и совсем неожиданно переходила в лето.

Но почему-то деревья казались какими-то осенне-желтыми и кроваво-красными...

* * *

Президент одной великой державы впервые посещал эту страну и впервые ехал по правительственной трассе. Настроение у него было неважное – предстояли трудные переговоры с "местным начальством".

На обочине дороги не было встречающих. Таков уж был этот странный визит.

Вдруг президент заметил одиноко сидящую пару и даже попросил немного притормозить. Он почему-то сразу догадался, что это не просто влюбленные, а сотрудники соответствующих служб, поэтому не удаленные с трассы.

И он был в какой-то степени прав.

На его пути встретились уже чужие друг другу люди...

* * *

Вы, я думаю, и не ожидали, что эта история окажется такой грустной. Не стоит печалиться!

"Любовь никогда не бывает без грусти, но это прекрасней, чем грусть без любви".

Кто-то со мной не согласится. Я же, как автор в большей степени лирических и грустных песен, больше люблю такие истории.

Они дают толчок новым произведениям, как поэтическим, так и музыкальным. Хоть и грустно, и печально, но все это жизнь. И не было бы этих печалей, не было бы радости и веселья.

А то, как бы можно было оценить все это. Короче, я снова после долгого перерыва возвращаюсь к песням.

Своим песням...

Обложка компакт-диска

"И снова о песнях"

Не могу не поговорить в очередной раз о песнях.

Уж, кажется, моя "Музыка навсегда" дала ответы на все вопросы, касательно моих песен.

Ан, нет! Хочется снова вернуться к ним и вспомнить что-нибудь новое. Например, где сочинялись эти самые песни. Тут, конечно, не все можно вспомнить в точности. Особенно о первых песнях. Но все-таки кое-что можно.

Итак, самые первые песни рождались на теплом Юге, под Адлером. Вся обстановка, возраст, звездное небо и теплое море не могли не пробудить вдохновение. Я думаю, что это был все-таки эксперимент с моей стороны, для лучшего освоения гитары.

Ну, гитару я в совершенстве не освоил, а вот лавры композитора, а иногда и поэта-песенника, не дают мне покоя до сих пор. Большинство своих песен я писал, конечно, дома: на Волхонке-ЗИЛ и в Ясенево. И чем дальше меня затягивало это дело, тем более мне требовалась обстановка уединения.

В юности все было по-другому. И в поездах, и в походах, даже на работе, но чаще в ночную смену, возникали и отшлифовывались музыкальные темы и рифмы.

Одну свою песню, вернее ее первые два куплета, я написал в Игналине в 1970 г. ("Тайна словаря"), другую – во время командировки в Ригу в 1976 г. ("А прочее неважно"), а еще одну - в пансионате "Звенигородский" в 2004 г. ("Если жизнь покатилась", сл. М.Семеновой).

География создания песен не слишком обширна. Большинство рождалось в Москве, на кухне, а позже в кабинете, отдельной комнате нашей трехкомнатной квартиры.

Часто спорят, что легче, писать стихи или музыку? Если начинать с "чистого листа", то, по моему мнению, – стихи. Очень многие, особенно в детстве, "слагают вирши" по тем или иным причинам. С музыкой, думаю, все гораздо сложнее.

Ну, кажется, всего-то семь нот плюс еще несколько полутонов, помноженных на некоторое количество октав – вот и все. Спрашивается, как здесь не повториться. И такое в истории иногда бывало, и случалось не умышленно.

Со мной это тоже происходило, но я не буду выдавать всех своих секретов. Как сказал один гениальный композитор: музыка – она вся народная, мы же, композиторы, ее только аранжируем.

Рассказать о том, как рождались строки стихотворений, как они менялись в процессе создания и шлифовались, я думаю можно. А вот каким образом в голову пришла та или иная мелодия, по каким законам гармонии или антигармонии она доводилась до видимого совершенства, по-моему, очень трудно, если не невозможно.

Если говорить о себе, то для меня главное, чтобы мелодия гармонировала со словами и вызывала у меня самого чувство переживания. Чтобы у меня внутри дрожало как можно больше "фибр", когда в душе возникает радостный восторг, когда свербит в носу и щиплет в глазах, дрожит диафрагма, а руки тянутся к инструменту, чтобы еще и еще раз повторить нарождающуюся песню...

Степень этих чувств бывает самая разная и со временем сами чувства угасают. Песня либо сдается в архив, либо продолжает жить, может быть уже и не с той степенью восторга.

Но главное, чем выше эта степень, тем сильнее, а так и должно быть, воздействие песни на слушателей. То есть слушатели только тогда придут в волнение, когда сам ты вдвое, втрое больше его испытываешь. Тут имеет место и обратный эффект. Чувства слушающих твою песню возвращаются обратно к тебе и возникает, можно сказать, эффект резонанса. И это означает твою, пусть маленькую, но победу. И не передать словами, как я бываю тогда счастлив.

Иногда кажется, что уже ничего нового ты не придумаешь, потому что, опять же, – семь нот и прочее. Но проходит время и руки опять тянутся к струнам, и начинается все сначала.

Но не думайте, что все возникает только благодаря озарению, по счастливому наитию. Да, бывает, что основная музыкальная тема приходит сразу, а бывает, ее тоже приходится отыскивать, накладывая на ритм и слог поэтической основы.

После этого начинается, порой мучительный, поиск новых музыкальных тропинок, выводящих, в конце концов, на какую-либо музыкальную дорогу.

Но и это еще не все.

Для того чтобы песню петь "душой", нужно знать в совершенстве и слова и аккомпанемент, дабы не отвлекаться от основной задачи – по возможности увлечь аудиторию за собой, вслед за песней. Для этого иногда приходится повторять вновь созданную песню не одну сотню раз. Но все это не напрасно, и даже если песня долго не исполняется, автоматизм, выработанный длительными тренировками, позволяет не потерять нужные ритм и рифму.

Очень редко, но такое бывает, песня рождается практически сразу.

То ли здесь сказывается влияние поэтической основы песни, или, быть может, вдохновение на какой-то миг вдруг посетит тебя. В любом случае, если песня написана, и самому тебе она нравится, есть надежда, что она понравится и другим.

В этом случае приходит чувство несказанной радости, и хочется эту радость, хотя бы и в грустной песне, передать остальным.

Слушайте и радуйтесь на здоровье!!

* * *

Мы часто видим на стенах различных заведений, как учебных, так и государственных, портреты выдающихся (и не очень) деятелей политики, науки и искусства. Часто встречаются изображения писателей и композиторов.

Мы здесь говорили о песнях, поэтому нам важно вспомнить о композиторах. Я и сам пишу песни. И у меня тоже есть мои изображения, написанные и маслом, и карандашом.

Но я хочу рассказать здесь об одном моем знакомом, тоже, кстати, пишущем песни. Но не это главное. У этого моего знакомого есть одна необычная вещица. Вот о ней я и хочу вам поведать.

"Портрет на стене"

На стене у книжных полок висит странный и загадочный портрет.

Сделан он уже давно когда-то начинающим, ныне профессиональным, художником. Необычность и какая-то странность его в том, что, изображая хозяина этих стен и этих полок, портрет почему-то вызывает стойкое неприятие у друзей и родных хозяина, нежелающих узнавать его на портрете.

Хотя сходство изображения с оригиналом явное, что-то в рисунке все-таки не так. Дело видимо в том, что выражение лица, сжатые губы, глаза, излучающие далеко не доброту, никогда не были присущи его прототипу. Более того, сам прототип считал и считает себя добряком из добряков, в меру коммуникабельным и вообще славным малым.

На рисунке же изображено лицо человека, явно познавшего многое в жизни и уже во многом разочаровавшегося. Короче говоря, не положительный персонаж, с явно выраженными чертами циника и "пофигиста".

Это странное несоответствие долгие годы не дает покоя нашему герою. Часто всматриваясь в свое отражение на портрете, он задумывается над тем, кто же он есть на самом деле.

Художник мог, конечно, что-то приврать в облике или приукрасить, как это часто они делают, но придать лицу такое надменное и совсем недоброе выражение сам по себе он не мог.

Более того, у него с данной натурой были прекрасные дружеские отношения. Но, видимо, невольно, в силу своего таланта, живописец заглянул ему в душу и на холсте остался ее возможный след.

Много раз этот свой портрет он намеревался снять со стены и убрать подальше с глаз долой, но почему-то не делает этого. Несмотря ни на что портрет ему нравится и постоянно притягивает взор в течение уже многих лет. Думая о том, что возможно сидит внутри него, стараясь загнать это возможное поглубже, он пытается компенсировать это вероятное внутреннее зло внешним явным добром.

Не всегда это получается, особенно когда он забывает поглядывать на портрет, и рисунок начинает жить собственной жизнью, возможно, становится его вторым Я, а из глубин души поднимается что-то темное и нехорошее.

* * *

Чужая душа, как известно, потемки. Но своя оказывается покрытой полным мраком, тем более что внешнее в человеке часто не соответствует внутреннему. Это как передача разных качеств от родителей к детям и далее уже к их детям. То же зеркальное отражение, но на изображение влияет качество зеркала, мастерство его изготовителя.

В конце то концов, несмотря ни на что, мы глядим на себя, как на отражение наших мам и пап, приписывая отрицательное в нас их качествам.

Недостатки же своих детей списываем на обстоятельства, на их собственное окружение. Почему бы не делать все наоборот. Может быть, тогда меньше было бы шварцевских драконов в душах людей, и не возникала необходимость в создании таких портретов.

* * *

С трудом оторвав взгляд от рисунка и очнувшись от наваждения, я начинаю собираться домой. Мне предстоит долгая дорога, поэтому наше прощание с хозяином дома и портрета очень короткое. Когда мы теперь с ним еще увидимся, поболтаем, сдвинем бокалы "камушком", повспоминаем былое. Думаю, что не скоро. Живем мы в разных городах, у нас много разных неотложных дел. Словом, некогда нам остановиться, оглянуться, задуматься, заглянуть себе в душу. А вдруг там что-то...

...А может и не стоит заглядывать, а то заглянешь и... ничего хорошего не увидишь.

* * *

Уж, и не знаю, продолжать эту философско-лирическую тему или ограничиться только лирической, а философскую оставить для следующих книг. Хотя только начнешь свои лирические воспоминания, так сразу хочется поразмышлять и пофилософствовать.

И как я могу обойти стороной в этой книге мою любимую "лирическую" Игналину...

Игналина–1. 1965 г.

И снова Игналина !!

Как же давно я не размышлял вслух об Игналине, сидя перед чистым белым листом бумаги и намереваясь еще и еще раз вспомнить о ней.

Не знаю, с чем ее можно сравнить. Со старым другом, живущим ныне в другом городе другой страны. Или с очень понравившейся тебе девушкой. Или может быть женщиной, о которой, пусть не постоянно, но с регулярной периодичностью, вспоминаешь сам, в разговорах со знакомыми и близкими, как побывавшими на озерах, так и много слышавшими об их красотах.

Если кто не понял, я говорю об Игналинских озерах, что в Литве, пардон, Литовской республике.

Скорее всего, эти и все последующие записки об Игналине останутся теперь уже заочными. К сожалению, конечно. Но где-то глубоко в душе все равно теплится надежда на хотя бы еще одну, может быть последнюю, встречу.

Из этого я делаю вывод, что сравнивать Игналину стоит с "неразделенной любовью", которая несмотря ни на что согревает душу уже самим фактом своего существования. Возможно, это запретный плод, к которому тянет, без которого неуютно на этом белом свете и который, я уверен, делает тебя лучше.

Думается мне, что все, кто побывал со мной на озерах, хоть капельку разделяют эти мои чувства.

Думая о том, что помнится, вспоминаются всякие мелочи.

Если байдарка, то забота и ухаживание за этим судном. Если лодка, то есть ли на ней рулевое весло и спасательный круг. Про последнюю нашу желтую суперпалатку вспоминается только в превосходной степени.

Дождь и ветры на озерах, наш любимый "профилакторий" на Гинучае (см. "Моя Игналина"), черника, брусника, голубика и конечно грибы.

Хотя это и не мелочи!

Разведение и поддержка костра, крючки и держатели на самых разных кострищах, сжигание на них самого разнообразного мусора, как поддержание чистоты в "своем родном доме".

Может быть это мелочи? Не знаю...

Путь от Вильнюса до станции Игналина на дизеле, еще более долгое путешествие на автобусе от озер обратно в Вильнюс, тот же автобус от Генучая или Мейрониса до Игналины (города) для сдачи бутылок и закупки новых – вот уж действительно не мелочи.

Уже само то, что побывал в этих местах, согревает душу радостными воспоминаниями, несмотря даже на непостоянство погоды и невозможность в отдельные сезоны покупаться и позагорать. Но это все, же не морское побережье с субтропическим климатом.

Но какое же счастье знать, что на следующий год ты снова отправишься на свои любимые озера, и вновь и вновь нахлынет грусть при расставании с ними.

Эх, как же все это далеко в прошлом.

Быть может, хотя бы зимой доведется побывать там. И как бы это было здорово. Что бы мы увидели там во время прибалтийской зимы, которая чаще всего бывает теплой, дождливой, малоснежной. Но думается, зимой Игналина была бы также хороша, как и летом.

Давайте хотя бы мысленно перенесемся туда и посмотрим на это глазами человека, побывавшего там зимой...

* * *

...Озера скованы прозрачным льдом, сквозь который видны растения и не уснувшие на зиму подводные жители. Протоки полностью не замерзают, и по стрежню струится хрустальной чистоты поток.

Зима. А все равно есть зелень на озерах.

Это вечнозеленые хвойные леса. Снег не покрывает их кроны, и под зимним холодным ветром они скрипят, стонут и "шелестят" своей хвоей.

Лысая гора, у которой есть и другое название – "ледяная", оправдывает оба своих имени. Зимой она еще более "лысая", а склоны ее в это время покрыты ледяной коркой.

С этих склонов интересно скатиться вниз, хотя и страшновато. Отсюда зимой видно еще дальше, но только в ясную погоду.

Как и во время наших летних поездок, можно на час или чуть больше предсказать погоду, наблюдая за облаками, их движением по небосклону.

Жаль, что птицы улетели в теплые края, хотя те, что все же остались, пользуются местными дарами: шишками, ягодами и грибами.

Зимние лесные дороги и шоссе выглядят также хорошо, как и в летнее время – это визитная карточка Прибалтики.

* * *

Но летом все-таки лучше, тем более, что никто из нас не видел Игналину зимой, и все эти описания – плод моего воображения. И невольно перед глазами встают серо-синие воды озер, буро-зеленые сосновые леса, фисташковые заросли водных растений на фоне облачно-голубого неба.

И на сердце делается легко и радостно, в уме рождаются поэтические строки, а в душе зреют мелодии и ритмы.

Как все-таки, хорошо жить!!

* * *

От лирико-философских повествований перейдем, пожалуй, вновь к прозе жизни. К той ее части, которая имеет отношение к моим занятиям спортом.

Нет, я не стал мастером какого-либо его вида, не завоевывал больших наград. Но если бы этого не было в моей жизни, думаю, я многого лишился бы, не говоря уже об укреплении здоровья, что уже само по себе немаловажно.

Но главное, наряду со здоровьем, спорт подарил огромное количество счастливых минут, замечательных встреч, радость побед и даже горечь поражений, без которых, как говорится, и не бывает тех самых побед.

Конечно, этому рассказу далеко до лирических "изысков" предыдущих глав. При этом я не говорю о качестве и изяществе этих изысков. Но без спортивных рассказов, я уверен, это повествование было бы неполным и даже где-то ущербным.

Где, как не в спорте, можно говорить о становлении характера. А ведь часто и судьба человека круто меняется в зависимости от успехов и неудач в этом прекрасном мире спорта...

"О, спорт, ты - ..."

Как же мы все-таки любили спорт!

Сейчас бы это назвали физической культурой. Под спортом ныне подразумевается профессиональный спорт со всеми "вытекающими из него" следствиями.

Хотел написать, что нынешнее поколение совсем перестало заниматься физкультурой, но вспомнил про племянника Марата и сына Женю, и передумал. Все-таки не совсем еще все потеряно. Хотя большинство занятий спортом для детей должны нынче финансировать родители. Что они и делают в зависимости от своих возможностей.

Конечно, это предполагает и укрепление здоровья, но чаще всего связано с престижностью (теннис, горные лыжи и т.д.) или с возможностью выйти на уровень профессионального спортсмена и зарабатывать не такие уж малые деньги. При этом новоиспеченные спортсмены материально поддерживают порой и всех своих родственников.

Для нас же вся эта физкультура и спорт были образом жизни. Я не могу представить наш Даниловский старый двор без того, чтобы кто-нибудь не пинал мяч о сарай и забор, не баловался с клюшкой и шайбой (или мячом), не катался на коньках по залитому во дворе льду.

Занятия в школе – это особый разговор.

Чем мы только не занимались!

Безусловно, лыжами зимой под руководством учителя физкультуры, А.Ф.Ежова, по прозвищу "АФе". Были и баскетбол, волейбол, настольный теннис и многое, многое другое.

Как хочется снова вернуться в те счастливые годы, в те далекие детство и юность хотя бы на миг.

И вот я закрываю глаза и ...

С братом Николаем. Зима 1965-66 гг.

* * *

...Отец давно уже хотел купить мне коньки. Он в детстве сам катался на коньках и видимо хотел и меня приучить к этому зимнему виду спорта.

И вот – свершилось! У меня появились первые "гаги". Существовали в "природе" и, так называемые, "норвеги" или "ножи", а также хоккейные "канады" и "фигурные" для фигуристов. Но это была уже экзотическая обувь.

В те годы были очень популярны показываемое по ТВ фигурное катание на различных чемпионатах и европейские и мировые первенства по скоростному бегу на коньках. Мы сами с удовольствием это все смотрели, болели за наших, но вставать на коньки не торопились. Правду сказать, особенно и негде было на них встать. И вот, наконец, в нашем дворе мы сами соорудили каток.

Огороженное снежными бортиками пространство было залито, и неоднократно, водой из шланга. Лед вскоре прихватывался, и по вечерам уже можно было выходить на первые тренировки.

Дальше пошло-поехало. Через две недели упорных занятий, сопровождаемых и падениями и подворачиванием ног, я уже мог вполне сносно держаться на коньках и тренировать повороты на виражах. Настало время выходить в свет. И уже крутые повороты, а ля конькобежные, я совершал в ЦПКиО им. Горького и в Лужниках, где льдом были залиты огромные площади, и было несметное количество таких же "конькобежцев".

Это увлечение оказалось очень коротким и не получило продолжения. То ли зимы были теплыми, то ли все-таки этот вид спорта был не совсем “мой”. Зимой мне был ближе лыжный спорт. Но об этом чуть позже. Таким образом, коньки были самым коротким спортивным увлечением в моей жизни.

* * *

Не буду говорить, что толчком к увлечению футболом была очередная покупка нашим отцом какого-то футбольного инвентаря. Кажется, что мы играли в футбол с самого рождения. При этом, конечно, были и мячи, и кеды, и порванные ботинки.

Короче, футбол был самым любимым видом активного спортивного отдыха. То же самое относится и к так называемому "болению". Сразу сознаюсь, я и мой брат Николай ярые болельщики московского Спартака.

Мы с упоением гоняли мяч во дворе на Даниловке, в Одинцово, где мы снимали дачу, в пионерских лагерях, куда мы, правда, ездили редко.

Скажу, что сейчас мы с братом наговариваем на пленку наши воспоминания о футболе в разных его проявлениях. Надеюсь, что это воплотиться в будущем в очередную книгу.

Возвращаюсь к своим "баранам".

Конечно, мы играли в "дворовый" футбол, из которого, надо сказать, вышло много замечательных мастеров кожаного мяча. Никто из нас не занимался в секциях или школах. Но футбол мы любили беззаветно и могли играть в него целый день.

В общеобразовательных школах как-то не жаловали футбол. В самой первой моей школе был популярен баскетбол. На новом месте жительства, на Волхонке-ЗИЛ, вновь основным видом спорта в школе был баскетбол, а зимой – лыжи. Но я снова забегаю вперед.

Итак, вернемся к футболу.

Когда наступали летние каникулы, и мы разъезжались по лагерям, деревням и дачам, футбол продолжался и там. В Одинцово мы играли в футбол вместе с детьми дачников и местными ребятами. Здесь же мне довелось впервые участвовать в футбольном матче на большом футбольном поле.

Моим любимым амплуа на поле было амплуа полузащитника. Мне было все равно где играть, слева, справа или в центре. “Бил" я с обеих ног, играть мог как левой, так и правой. И очень любил организовывать игру, раздавать передачи. Любил я, и забивать мячи (а кто не любит), но все-таки роль плеймейкера, как сейчас говорят, мне нравилась больше всего. Поэтому и люблю я больше всего игроков именно этого амплуа.

Я мог успешно сыграть и защитника. Тянуло меня и в ворота. Мне очень нравилось, как вратари прыгают за мячем по углам ворот. Эстетика вратарской игры привлекала и меня, и я иногда вставал в импровизированные ворота и просил мне "постукать". Но все эти падения мне быстро надоедали, и я вновь становился полевым игроком.

Быть может, за все эти мои качества я и был приглашен участвовать в товарищеском матче с каким-то пионерским лагерем. Я выступал в команде одинцовской молодежи и играл в центре поля. В матче участвовали и подростки, и уже большие юноши.

В отличие от маленькой площадки, где я иногда был "королем", большое поле показалось мне "очень большим", и я, помнится, не смог на нем до конца освоиться. Нужно сказать, что мне не было и 11 лет, а роста и комплекции я был не самых выдающихся.

Мы продолжали играть в футбол и в Москве, на Волхонке-ЗИЛ. Ходили играть мы в Овраг, на месте которого сейчас стоит Северное Чертаново.

Активные занятия футболом продолжались и в Вычислительном центре (ВЦ), куда я перешел работать с завода "Чайка". Сейчас эти занятия прекратились по самым разным причинам. А прежде рядом с ВЦ находился отличный спортивный зал, куда мы три раза в неделю ходили играть в футбол и в волейбол. В футбол мы играли в гандбольные ворота, и это было похоже на нынешний минифутбол.

ВЦ участвовал и в соревнованиях под эгидой СКАН, спортклуба Академии наук. Игры проводились в Лужниках на хороших зеленых полях и на плохих, в том числе гаревых. Команда собиралась каждый раз новая, но были и постоянные участники матчей. Экипировка поначалу была у нас слабая и командные тренировки мы не проводили. Поэтому мы чаще всего проигрывали. Со временем мы обзавелись и обувью и другим инвентарем.

Играл я чаще всего правого защитника и место это мне не очень нравилось. Потому, наверное, остались не самые радужные воспоминания об этих матчах и о соревновании в целом.

* * *

Совершенно необычным и неожиданным у меня получилось знакомство с настольным теннисом.

В пионерском лагере, а мне было 12 лет, я по-глупому сломал руку. Двойной перелом левого предплечья я получил на пионерских соревнованиях по эстафете. Точнее, в самих соревнованиях я уже не выступал. Буквально за несколько минут до начала я, перепрыгивая через невысокий барьер руками вперед, приземлился на левую руку и почувствовал нечеловеческую боль.

Рассказ о событиях, связанных с моей сломанной рукой еще будет когда-то написан. Теперь же остановлюсь на том, что вскоре после этого рука моя, как и положено, оказалась в гипсе. В массовых подвижных играх участие мне было заказано, и я взял в руки ракетку для настольного тенниса. Партнеры, конечно, нашлись, и началось "вхождение" в эту, как выяснилось замечательную игру.

Особенно интересно у меня получалось с подачей. И шарик, и ракетку я одновременно держал в правой здоровой руке и таким образом производил ввод шарика в игру.

Освоение продвигалось быстро, и по возвращении в Москву я продолжал тренировки во дворе на теннисном столе, неизвестно откуда появившемся.

Позже, уже в новой школе № 546 на Волхонке-ЗИЛ, я, но без гипса с удовольствием гонял шарики в подвале школы, где были раздевалки и где стояли теннисные столы.

Этот вид спортивных занятий еще долго оставался моим любимым. В поездке в Веселое, что под Адлером, наш "классный папа", Игорь Константинович, заказал стол для этой игры. Стол использовался и как банкетный, но чаще всего исполнял свои непосредственные функции.

"Королем" тенниса у нас был Миша Семин. Он прежде занимался в спортшколе и был на голову сильнее всех нас. Его подводила лишь некачественность стола, что нивелировала разницу в мастерстве, а иногда мы даже выигрывали у него отдельные партии. Вспоминаю, как однажды Миша спросил меня, где я занимался настольным теннисом. Получив ответ, он очень удивился и сказал, что я в телодвижениях своих некоторым образом профессионален. Речь не шла, конечно, о высоком качестве игры, а только о некоторой гармонии в движениях.

Здесь я немного отвлекусь от темы настольного тенниса.

* * *

Кроме того, что мне говорил Миша, я и от других слышал нечто подобное, связанное и с другими видами спорта. И мне кажется, что я со временем понял, в чем тут дело.

Большой физической силой я никогда не обладал. Конечно, я поддерживал форму, занимаясь гантельной гимнастикой, позже поднимая гирьку. Но все-таки моим "коньком" были игровые виды спорта.

Обладая гибкостью, хорошей координацией, я часто компенсировал этим другие свои недостатки: рост, вес.

В школе я был членом сборной команды по баскетболу, волейболу и др. Нередко выступал и в качестве капитана.

Я думаю, что у меня была хорошая зрительная память на различные спортивные приемы, переходящая непосредственно в мышечную. Поэтому и мои движения, и приемы в спорте выглядели красивыми, профессиональными, а отсюда и самыми рациональными.

Вспоминаю, как в Армии я поднимал в первый раз штангу. Воспоминания о виденных мною штангистах дали мне какие-то знания и об этом снаряде. И я, сначала потренировавшись на сравнительно малых весах, сразу толкнул штангу больше своего веса, и со стороны выглядело это, как мне сказал прапорщик-штангист – "вполне". Все это помогало мне и в других обстоятельствах.

Помнится, в школе мы прыгали в высоту, замечу − "ножницами". Наряду с моими высокими приятелями, я долго держался в числе прыгунов, осваивавших все новые и новые высоты. Но особенно нравилось наблюдавшим за этими соревнованиями особое изящество, с которым я преодолевал эти высоты. И я останавливался только тогда, когда чувствовал, что следующую высоту я уже не преодолею так красиво. Меня, в данном случае, не интересовал процесс соперничества. Все равно мои более "длинные" товарищи, конечно же, преодолевали высоты куда значительнее.

Возвращаясь к физической силе и ловкости, на память приходят и занятия видом единоборств, который сейчас называют армреслингом. В школе, а затем и в армии мы часто любили помериться силами "на руках". И вот, что самое удивительное, я здесь мало кому уступал. Более сильные и крепкие бывали страшно удивлены тому, что никак не могут одолеть такого хрупкого и невысокого паренька. А когда речь заходила о борьбе на правой и левой руках, в силу вступала, скорее всего, моя "обеерукость" (как и "обееногость" в футболе).

Тут я часто побеждал более крепких и накаченных соперников. То же самое имело место и в армии.

Мне не так просто объяснить этот феномен. Возможно, причина кроется и в том, о чем я рассказывал выше. Возможно, у этого вида спорта была своя специфика, к которой я приспособился лучше других.

Ну, пока хватит "обо мне любимом". Вернемся к теннису.

* * *

Конечно – к настольному, так как в "большой" теннис я, можно сказать, никогда не играл. Единственно, что помню, так это то, что ракетку в руках я держал, подавал и перебрасывал мяч через сетку. Но помню это смутно.

Сразу скажу, чтобы потом не отвлекаться: на горные лыжи я вообще никогда не вставал.

Тренировки в настольном теннисе продолжались и на заводе "Чайка", где я начал работать после школы. Стол был куплен при поддержке вновь И.К. Калабина и поставлен в "комнате мастеров".

Играли мы и в обеденный перерыв и, если очень хотелось, после работы. Главными фанатами этого тенниса были мы с Володей. Позже, когда он уже работал в НИЦЭВТе, а я в ВЦ АН СССР (ВЦ РАН), мы ходили с ним играть в спортивный зал при его организации. И устраивали с ним настоящие баталии. Велся счет выигранных и проигранных партий, и количество этих партий было огромным.

Я уже не раз рассказывал о моем участие в турнире по настольному теннису во время командировки в Свердловск на базе "Кунгурка". В этом турнире я занял второе место, проиграв в финале Владимиру Федоровичу Тюрину (= ДИСПАК), профессионально занимавшемуся этим видом спорта в молодости.

* * *

Вспоминая занятия физкультурой и спортом в школе, хочу сказать, что мы с нетерпением ждали каникул. Не подумайте только, чтобы не ходить в школу. Наоборот, мы ходили туда каждый день, чтобы без ограничений позаниматься любимым спортивным делом.

Участие в спортивных секциях и соревнованиях разных уровней доставляло только радость и удовольствие. Это относится ко всем каникулам, с некоторыми естественно оговорками, связанными с летним периодом (дачи, деревни, пионерские лагеря).

* * *

Зима – время лыж.

В школе 546, где я учился с 7 по 11 классы, лыжи были практически профилирующим видом спортивных занятий. Учитель физкультуры, Алексей Федорович Ежов (школьная кличка – АФе), по всей видимости, сам был прежде лыжником. Он вел лыжную секцию, очень любил и берег лыжный инвентарь. Не у всех тогда были собственные лыжи, и в школе выдавались казенные как для занятий на уроках, так и на секции.

Однажды такие лыжи, причем новые, были выданы Володе. И совершенно на ровном месте он, перебираясь через небольшой бугор, сломал их. На что наш "АФ" очень тихо, мало кто это слышал, пробормотал: "Новые! Кировские! Заломал!".

Мы принимали участие в огромном количестве самых разных соревнований, выполняли нормативы юношеских и взрослых разрядов. Были среди нас и те, кто выходил на уровень перворазрядников и кандидатов в мастера и принимал участие в соревнованиях "по городу". Таким был, например, учившийся с нами Саня Болдырев. Как тогда говорили из неблагополучной семьи.

Высокий, спортивный, он выделялся на фоне остальных неплохими способностями в спорте. После 8-го класса он оставил школу и дальнейшая судьба мне его неизвестна.

В той же Кунгурке, что под Свердловском, я на пластиковых лыжах впервые в жизни, уже в зрелом возрасте принял участие в лыжных соревнованиях. Здесь мне в отличие от настольного тенниса не удалось занять призовых мест. Но при этом проявил волю, нет, не к победе, а в том, что, несмотря на все трудности (лыжи совершенно не "шли"), я, все же, дошел до финиша шестикилометровой дистанции, на котором получил и свои аплодисменты от своих болельщиков.

* * *

Теперь, думаю, пора перейти к двум игровым видам спорта, которые занимали в моей прошлой жизни немалое место.

Баскетбол вошел в эту жизнь очень рано, где-то с четвертого класса. Осталось в памяти, как на белую майку нашивались номера: большой на спину и маленький на грудь. Номера эти делались из тонкого картона, обшитого черной материей, которые смотрелись очень красиво. Помню даже свой номер – "четверку".

В новой школе, на Волхонке-ЗИЛ, номеров не нашивали, но баскетбол и здесь оставался самым популярным на уроках физкультуры. А самой популярной секцией, наряду с лыжной, долгое время оставалась баскетбольная.

Оранжевые тяжелые баскетбольные мячи, летящие непрерывно в корзины и мимо, топот кед по деревянному настилу, разнообразные игровые комбинации и восторг от попадания мяча в цель – незабываемые воспоминания о школьном баскетболе.

* * *

Волейбол вошел в мою жизнь как-то неожиданно.

В той же школе наш физкультурник решил начать культивировать этот вид спорта возможно просто для разнообразия. И самыми активными его последователями и пропагандистами стали мы с Валерой. Как-то незаметно волейбол начал вытеснять популярный когда-то баскетбол.

Появилась волейбольная секция. Мы стали участвовать в различных соревнованиях как районного, так и городского масштаба. Особенно памятна игра в одной из московских спортшкол другого района с чемпионом города "по мальчикам", не помню, уже, какого года, но чуть моложе нас.

Игра проходила в огромном спортзале при стечение большого количества зрителей, в том числе и наших болельщиков и болельщиц. Помню красивейшую форму наших соперников: трусы, футболки, обувь. И нашу простенькую, разношерстную. Сам я был в своих любимых белых трусах (у меня их было вообще-то две пары, на замену) и в темной футболке. “Капитанили” мы с Валеркой поочередно, но чаще все-таки он.

В этой игре успех сопутствовал то одной, то другой команде. Наш соперник игра, конечно, профессиональнее. И подачи, и атакующие комбинации у них были классными. Мы могли противопоставить им лишь простоту в игре с безошибочными действиями и самоотверженность.

Сразу стало понятно, что выиграть у такой команды нам, скорее всего, будет не по силам. Но несколько удачных с нашей стороны защитных действий и некоторая вальяжность наших соперников с последовавшими за этим ошибками с их стороны привели к тому, что волейболисты в красивой форме начали нервничать, ошибаться и чаще после атак попадать в сетку или за площадку.

За счет этих факторов игра выровнялась, и исход игры стал непредсказуемым. Но мы, видимо, поймали кураж, и нам все-таки удалось в трех партиях обыграть грозного соперника.

Я ни до, ни после этого не испытывал такого восторга и возбуждения от рядовой, кажется, победы. Но для нас эта победа была маленьким подвигом, а наш "АФе" ходил с таким видом, будто выиграл немыслимо какой приз или чемпионат. Но это была самая большая в моей жизни волейбольная победа.

Уже по окончании школы мы с Валеркой не расстались со школьным волейболом, и долгое время вели волейбольную секцию в школе. В секции занимались одни девочки. По всей видимости, таких фанатов волейбола, какими были мы, в школе среди мальчиков не осталось.

* * *

Вот, наверное, и все основные виды спорта, которые были в моей жизни. Конечно, кроме этого я и мои друзья занимались любительским плаванием, т.е. ходили в бассейн, бороздя его дорожки разными стилями и с огромным удовольствием. Брал я в руки и гири с гантелями, растягивал эспандеры и разные резиновые жгуты.

Очень короткий период надевал и боксерские перчатки, о чем вспомнил и, проходя службу в армии.

Но никогда не одевал горных лыж, не поднимался в горы и на скалы, не занимался техническими видами спорт, не считая катания на самокате и велосипеде.

Не жалею ли я об этом? Возможно, по прошествии многих лет и есть некоторые сожаления. Но и того, что было, мне хватило. Радости от побед и огорчения от поражений, единение спортивной команды в столкновении с соперником и мое частое “капитанство” в этих командах, восторг души и тела и неизбежные травмы, при этом все равно укрепление здоровья и, в какой-то степени, духа, проявление *характера* и его становление – это все часть жизни и немалая.

А главное, замечательная ее часть.

“Продолжение следует…”

Послесловие

Ну, вот, кажется, и все!

Хотелось написать и о многом другом. Но вовремя понял, что все уместить в одну книгу не удастся.

И вспомнилось, что многие писатели пишут многотомные и многокнижные "воспоминания и размышления" о "людях, годах, жизни". Что ж, почему бы не воспользоваться этим опытом и не написать продолжение своей книжки.

Буду готовиться к описанию новых "характеров и судеб". Тем более, что "у правды есть свои сроки, и если правда долго идет к людям, то и она и люди многое теряют" (В. Конецкий).

Но у каждого своя правда. И я повествую здесь со своей точки зрения, смотрю на все "со своей колокольни". Возможно, другому и увиделось бы все по-другому.

Но в отличие от героя песни В.Высоцкого, который пел "пусть пробуют они, я лучше пережду", ждать, пока кто-нибудь напишет об этом по-своему, я не могу. И хотя написание начала этой книги мне далось гораздо труднее, чем всех предыдущих, я буду продолжать и далее терзать, а может радовать своего читателя новыми главами этой своей книги, тем более, что есть еще, о чем писать.

Поэтому я прощаюсь с вами на некоторое время и надеюсь, что вскоре мы вновь встретимся на страницах продолжения этого повествования. Надеюсь также, что оно, продолжение, окажется не намного хуже начала. А вдруг, за ним появится и новое продолжение. Поживем-увидим...

Конец первой части

ВЦ АН СССР. 80-е годы

Характеры и судьбы
Часть вторая

Я написал роман потому, что мне захотелось. Полагаю, что это достаточное основание, чтобы сесть и начать рассказывать. Человек от рождения – животное рассказывающее".

Умберто Эко

Предисловие ко 2-ой части

Итак, перед вами продолжение повествования. Хуже или лучше оно 1-ой части?

Тот же вопрос нередко задается и относительно фильмов и других произведений искусства. Чаще всего ответ на него не в пользу продолжений.

В моем случае, все не так. Фактически, это не продолжение, а просто завершение начатого. А может и не завершение, а только вторая часть. Не будем загадывать.

Я сразу должен заметить, что у меня не получилось придумать вымышленного героя, характер и судьба которого были бы определяющими в повествовании. Приходится признать, что я сам оказался главным действующим лицом моего "романа". Да и название, роман, выбрано, возможно, не совсем удачно.

Но пусть будет все-таки роман. Мой "роман с жизнью", сформировавший мой характер, определивший мою судьбу и судьбы моих друзей и близких.

Все-таки несколько лирических и философских отступлений, отличных просто от мемуаров, мне удалось ввести в контекст произведения. Да и мемуарные главы, как мне кажется, отличаются от аналогичных из других моих книжек.

Читатель, наверное, заметил, что я использовал в первой части уже знакомые "мотивы" по предыдущим книгам. Мне подумалось, что они здесь будут к месту, да их было и не так много.

Я наверняка буду вновь и вновь возвращаться к своим героям и темам первой части. Действительно, есть темы неисчерпаемые для размышлений и темы, как говорится, вечные. И пока вечность не обрела для меня свою законченность, возвращение к этим темам, к прошлому, наконец – моя насущная задача.

Быть "летописцем местного масштаба" не такая простая должность. Я в этом особенно убедился, начиная эту книгу. Но это и почетная должность. А степень правдивости, искренности автора, его умение писать и его стиль пусть оценивают читатели.

А всех нас вместе рассудит время, неумолимый поток которого, в конце концов, примирит и почитателей и критиков возможно и несуществующего таланта.

"Времена года"

Завтра первый день весны. И встречать я его буду в Звенигороде.

Хотя весной и "не пахнет". В Подмосковье снегопады и прохладная погода. В прошлом году я проводил здесь время уже после "праздников Марта". Вот тогда была уже Весна.

Кататься на лыжах уже было нельзя. Снег местами почернел, местами заледенел. Да и народ не очень жалует такую погоду. В пансионате был минимум отдыхающих. Но так всегда и бывает. Приветствуется только лето и зима.

Зима – это лыжи, в том числе и горные. Лето – это купание и загорание. Остальное – более грустное и неказистое.

Хотя весна это пробуждение жизни, ручьи, капель, первые подснежники, веселое, в отличие от зимнего, щебетание птиц.

А осень? Ну, как не вспомнить "болдинскую осень" Пушкина. Для некоторых это тоже приход вдохновения и встреча со своей музой. У каждого времени года свои краски и звуки.

Для меня самого остается открытым вопрос: какой сезон я люблю больше, чья палитра и чья "мелодия" для меня ближе и дороже? Кто его знает. Когда-то в детстве я больше любил лето. Большие каникулы, дача в Одинцово, купальный сезон, ягоды, грибы, футбол и другие забавы. Позже, поездки и походы, в том числе в мою любимую Игналину.

Но любил и люблю я и Зиму. Особенно солнечную погоду: синее небо сквозь голые ветки деревьев. Очень люблю, когда эти ветки покрываются инеем. Этот "белый пух" как-то по-особому красив. Жаль, что не долговечен. Вдруг на следующий день видишь, что этот белый налет куда-то исчез, то ли растаял, то ли опал под натиском ветра, и лес будто разделся под влиянием обстоятельств и готовится к новой примерке.

Зима

Но Зиму я люблю, хотя и снежную, но теплую, без морозов и метелей, но и без дождей со снегом. Такое, правда, бывает не так часто, и приходится мириться с изменяющимся климатом или погодой.

А вот Весна – это как Детство.

И вспоминается оно чаще всего весенним. Таяние снега, капель, длинные сосульки на крышах домов и сараев. А главное, бегущие ручьи вдоль бордюрных камней на улицах и в переулках.

И вспоминаешь себя, бегущего вдоль этих ручьев, пускающего "кораблики". Чаще всего, это спички или щепочки, которым легче проскочить в узкие щели между водой и льдом.

Часто эти кораблики соревнуются между собой, бывает, теряются подо льдом. При этом приходится взламывать ногой тонкий слой льда со снегом и выпускать на волю этих путешественников. Иногда они исчезают в водостоках, выныривая возможно где-то очень далеко от моего дома. А иногда отправляются дальше по соседним проулкам уже без моего сопровождения и моей поддержки, рассчитывая только на самих себя.

Осень – чаще всего грустное дождливое время.

Осень – это конец лета, в детстве – конец летних каникул, в зрелости – конец летних отпусков. Снова за учебу, работу, но и вновь встреча с одноклассниками, с коллегами и друзьями, с которыми не виделся целую вечность.

Осень – это и буйство красок, золотая осень. Осень богата дарами садов, огородов и полей. Осень – время свадеб, начало новых дел и проектов. Это время подготовки к зиме – "телега и сани". Ну, и, возвращаясь к началу, дождливое грустное время.

Как раз это время последние годы приходится на командировку в Дюрсо (б/о Моряк). Что, следует отметить, тоже неплохо. Таким образом, продлеваешь себе лето. Но и переход от лета к осени при возвращении домой намного резче.

Москва, как правило, встречает дождем и заметным похолоданием, хотя прошла, без малого, неделя.

* * *

Но эта смена времен года завораживает. Думаю, что не смог бы жить в другом климатическом поясе. И это даже несмотря на отсутствие стабильности в природе и часто полную ее непредсказуемость.

И почему-то зимой с нетерпением ждешь лета, а жарким летом ждешь, не дождешься, возвращения мороза и солнца, которые рождают "день чудесный".

И так пролетают год за годом со своими такими разными, но по-своему замечательными, временами. Сезоны сменяют друг друга с неизбежностью судьбы, и их характеры, постоянные по сути, на самом деле переменчивы в своих проявлениях, как и характеры людей.

И к большому нашему сожалению смена этих времен года происходит все быстрее и быстрее. От весны к весне, от осени к следующей осени время идет семимильными шагами.

И никак не получается замедлить эти шаги, волей-неволей приходится подстраиваться под этот ритм.

Но как же, порой, этого страшно не хочется...

* * *

Вот и прошел год. Снова начало весны, и я снова в Звенигороде.

Быстро летит время. Всего несколько страниц, а я уже стал старше на целый год. Перечитав то, что было написано год назад, я соглашусь с тем, что написал мой младший предшественник.

Думаю, он мне завидует, так как погода в этом году нечета прошлогодней. Яркое солнце и теплая зимняя погода. На солнышке, так совсем жарко, особенно в зимней куртке.

Но Москва-река еще подо льдом, а по ее руслу еще бегают лыжники. Отдыхающих очень мало, как и всегда в это время. Но меня это вполне устраивает. Я с удовольствием *скучаю*, и эта зимне-весенняя сказка пока самое лучшее, что я для себя придумал, выбирая из таких разных, но по-своему замечательных времен года.

* * *

Эта моя скука *позволяет мне вновь и вновь совершать путешествия во времени.*

Я собираюсь вернуться в тот "странный" год со всеми его временами, когда мне впервые довелось побывать за границей: служба в рядах советской армии в ГДР.

Армейская служба – конечно, не сахар, как и любая другая "повинность". Да еще другой климатический (погодный) пояс: гнилая зима и непонятное лето.

Палитра этого года содержала в себе в большей степени зеленые тона − "защитный" цвет, цвет "хаки".

И в этих "Армейских мотивах" будет мало музыки, но много всего другого, судьбоносного и характерного.

ГСВГ. 1972 г.

"Армейские мотивы - 2"

Ну, что ж, поговорим о моей армейской службе.

Я не так много писал о своей службе в рядах Советской армии. Исключение – две главы "Армейские мотивы" в моей "Музыке навсегда". Но там я коснулся только музыкальных "моментов", хотя их было и не так уж мало. О службе, так о службе.

Служил я в ГДР, в Группе Советских войск в Германии (ГСВГ). Непосредственно проходил ее в Альтес-лагере, недалеко от Ютербога, где находился штаб дивизии. Полк наш, будучи артиллерийским, расквартирован был рядом с пехотным, где я проходил свою музыкальную "духовую" стажировку.

На вооружении нашего полка состояли гаубицы 1943 г., распределенные по трем батареям. Я служил в третьей батарее, но не в орудийном расчете, а во взводе управления, в отделении связи.

Был я радиотелефонистом и работал на переносной радиостанции, вернее носил ее на себе. Вместе со своими коллегами по отделению осуществлял связь между взводом управления и орудиями, а также с руководством батареи и другими командирами.

Приходилось таскать на себе и катушки с телефонными аппаратами для более надежной связи и дублирования радиопередач. Работа эта трудоемкая, катушки и радиостанции тяжелые, приходилось и бегать с такой нагрузкой. Хотя были и периоды спокойного сидения за радиостанцией или аппаратом. И это могло продолжаться круглосуточно.

За время службы пришлось участвовать в большом количестве военных учений самого различного уровня: полковых, дивизионных и общевойсковых. Делалось все, чтобы служба не казалась "медом" и чтоб не было времени на всякую "дедовщину".

Я повторюсь, наверное, утверждая, что все эти неуставные отношения (исключаю всякую патологию) происходят от ничегонеделания и потворства со стороны офицеров, не желающих опять-таки что-либо делать и предпринимать служебные действия.

Со мной мало кто согласится в данном случае. Дедовщина, как притча во языцах более всего пугает и призывников, и их родителей, да и армейское руководство, которому приходится разбираться в этом и отвечать за это. Хотя это совсем другая история.

Я же своего мнения никому не навязываю. Может мне и повезло с ГСВГ, но и здесь приходилось сталкиваться с, нет, не неуставными отношениями, а просто с человеческими Г-характерами (копирайт мой).

Возвращаюсь немного назад.

Призывался я в ноябре, и первая "пересылка" была у меня в Калинине. Около двух недель мы "кантовались" в местной воинской части в ожидании отправки в "иные палестины". И хотя у меня была возможность остаться в "Союзе" – я и в Калинине брал в руки гитару (чужую), чем приглянулся местным военнослужащим – я выбрал эти самые палестины. Уж и не знаю к радости или печали. Своя экзотика службы в ГСВГ безусловно была. И меня занесло в эту Восточную Европу.

* * *

Честно сознаюсь, ничего занимательного в армейской службе нет. Никакой демократии, сплошная диктатура. Над тобой полно начальников, командиров. Твой удел, беспрекословно выполнять их приказы и распоряжения. Но и ничего сверхстрашного в этой службе тоже нет. Зато, какие характеры, а за ними и судьбы предстают перед тобой в этой среде.

Поскольку в армии особенно чувствуется это противостояние: начальник – подчиненный, здесь чаще проявляются негативные человеческие качества.

Тут кругом кто-то начальник (командир подразделения, сержант, старослужащий), а кто-то всегда подчиненный (рядовые, те же сержанты и старослужащие).

К счастью, мне не пришлось никем командовать, а на "гражданке" – руководить, ну если только чуть-чуть. Власть портит человека, как и "жилищный вопрос". Это я доподлинно знаю, поэтому и не хочу быть никаким начальником. Надеюсь, что и не сподоблюсь.

* * *

Мне трудно сравнивать службу на Родине и за границей. Но все-таки на Родине проще, как мне кажется.

Увольнительные, свидания с родными, возможность материальной "подпитки", наконец, "самоволки" и всякие другие приключения.

В ГСВГ, например, трудно было себе что-либо из перечисленного представить. Бежать, выбираться на волю и другие попытки обрести временную свободу, здесь были бессмысленны. Чужая страна, валюта, язык не располагали к этим попыткам. Хотя что-то такое доходило до нас, но это была явная "клиника", что-то у военнослужащего было не в порядке с "головкой".

Возможно тем солдатам, кто служил в больших городах или занимал какие-нибудь привилегированные должности этого и не понять. Хотя и у меня были возможности выбираться за пределы своей части, общаться с местным населением посредством музыкальных выступлений. Жаль, что очень редкие.

А что же мне больше всего запомнилось из моей армейской службы?

Конечно же "армейские мотивы", о которых я уже много писал ("Музыка навсегда"), мои занятия математикой с командиром батареи, старшим лейтенантом В.Лукьяненко (тоже писал, но не так много), который собирался поступать в военную академию (поступил-таки – не зря занимались).

А, главное, запомнились всякие мелочи.

Сумасшедший аппетит первые месяцы службы: хотелось ***жрать*** все время, постоянное ощущение голода, хотя кормили хорошо, т.е. много. Но, возможно, это психологический феномен. После полугода службы и отбывания в краткосрочный отпуск на Родину, возвратившись в часть, я уже не испытывал постоянного голода и смотрел на предлагаемую пищу равнодушно и безо всякого аппетита. Так что дело не в пище, а в головах, которые ее потребляют.

Поскольку служил я в артиллерии, несколько слов о вооружении, в том числе и личном.

Батареи наши были гаубичные, и только здесь я узнал, что это такое. То есть, гаубицы существенно отличаются от пушек, хотя тоже стреляют снарядами, имеют лафет на колесах и дуло, но более короткое. И стреляют они не прямой наводкой, а "навесом" из укрытий по удаленному противнику. А вот куда и как стрелять определяет подразделение управления: радисты, дальномерщики, вычислители, работающие на ПУО (пульт управления огнем) и разведчики.

Радистов я поставил на первое место по понятным причинам, а вот, чем занимались разведчики в нашем случае, как-то забылось. Я сам лично ни разу не видел, как стреляют наши пушки, тьфу ты, гаубицы. Находясь на передовой и передавая координаты целей стреляющим батареям, я лишь слышал свист пролетающих над нами снарядов. В этом случае говорили: "Вот пролетела пара офицерских сапог".

В личном вооружении у сержантов и рядовых были автоматы Калашникова (АКМ). Мы постоянно носили их с собой, иногда и заряженными. Стрелял я из своего автомата только два раза. Первый раз одиночными выстрелами по мишени, которую было плохо видно из-за большой удаленности. К своему изумлению я даже выбил какие-то очки, впрочем, не очень большие. Второй раз я стрелял очередями более удачно и повалил "фигуру" и более удаленный "пулемет". Вот и весь мой опыт такой стрельбы. Гораздо чаще приходилось разбирать, чистить и снова собирать свое личное оружие, а нашим артиллеристам проделывать нечто подобное со своими гаубицами.

* * *

Служба службой, но особняком в ней стоят так называемые "наряды", в т.ч. наряды вне очереди.

Регулярно каждому подразделению полка, в нашем случае дивизиону или отдельному специальному подразделению, приходилось нести службу либо в карауле, либо работать на кухне. Эти дежурства продолжались ровно сутки и были достаточно утомительны, особенно дежурства на кухне. Но солдатам они все равно нравились, так как в армейской службе важнейшим является фактор времени: солдат спит, служба идет. А время этого суточного дежурства, даже, несмотря на очень короткий сон, пролетало мгновенно. И среди военнослужащих даже ходит мнение, что было бы здорово, если служба состояла из одних нарядов.

Мне, как приписанному к внештатному оркестру, где я играл на “альтушке” в свободное от службы время, не полагалось ходить в наряды, как и всем моим коллегам по "музыке". Это предписывал особый бессрочный приказ по полку, регламентирующий нашу службу.

Ее курировал зам. командира полка по политчасти (политрук), и когда нас не отпускали на репетиции, всегда обращались к нему через голову своего собственного руководства. Это ужасно его, руководство, раздражало, и оно всячески старалось при любом удобном случае каким-либо образом обойти это положение. Так я в первый раз попал на дежурство по кухне.

В этот раз мне был объявлен наряд вне очереди за то, что у моей радиостанции потерялся какой-то винтик. Вернее, мне было объявлено наказание: трое суток ареста. Но поскольку в этот, же день наш дивизион заступал на дежурство, мой арест был приостановлен, и я оказался на кухне.

Вы, наверное, подумали, как хорошо на кухне: тепло, можно подкормиться, чего-нибудь перехватить вкусненького. Не тут-то было. Определен был я с другими сослуживцами на посудомойку.

Ужин, завтрак, обед – сутки после этих трапез мы занимались мытьем посуды для всего полка. Нас было меньше десятка, в полку более 500 человек со своими мисками, ложками, котлами на каждый стол и, наконец, большие кухонные котлы.

Работа очень напряженная, физически утомительная и к тому же грязная: посудомоечных машин у нас не было. Поспать удалось ночью не более четырех часов, так как нас, как самый неквалифицированный персонал кухни и самый низкий по статусу, бросали на самые разные работы: уборка, мытье полов, столов и других аксессуаров кухни, естественно после того, как мы выполним основную задачу.

Но было во всем этом и чуточку хорошего. Немного, но было.

Я уже говорил, что время за время дежурства летит очень быстро. Что касается вкусненького, конечно относительно, перепадало нам немного жареной и очень вкусной картошечки.

Мне запомнилось еще одно "лакомство", которое я отведал во время дежурства на кухне. С огромным удовольствием и каким-то даже восторгом я съел целиком большую луковицу, откусывая от головки как от яблока.

Совсем недавно я был свидетелем ТВ-передачи о рекордах Гиннеса. Так вот, в ней один мужик ел луковицу, отламывая слои и запивая все водой. Он это делал более двух минут, что-то не доел и не смог установить рекорд. И подавалось это как что-то необыкновенное и трудновыполнимое. Не знаю, я съел луковицу гораздо быстрее и с превеликим удовольствием.

После окончания дежурства всех посудомоев выстроили перед строем дивизиона и объявили всем благодарность. Всем, кроме меня. Меня же простили за мои прегрешения и отменили то наказание, которое, как мне кажется, я и не заслужил.

* * *

Сознаюсь, были за этот год и светлые "пятна" в моей службе в ГСВГ.

Командир нашей батареи, старший лейтенант, собиравшийся поступать в Военную Академию в Ленинграде, "подрядил" меня заниматься с ним подготовкой к экзаменам.

Занятия проводились у него на квартире, где он проживал со своей женой (детей вроде не было). Меня потчевали чем-то вкусненьким, и занятия проходили неплохо.

Я прежде никогда не занимался серьезно репетиторством. Это был мой первый "большой" ученик, с которого я брал плату "натурой": кормежкой, домашней обстановкой, нахождением где-то рядом красивой женщины.

А самое главное, я отсутствовал на воинских занятиях и хотя бы ненадолго погружался во что-то домашнее и уютное. Это помогало немного отвлечься от казарменной обстановки, также как и мои занятия в "музыкалке" на альтушке, и короткие малочисленные (к сожалению) выезды за пределы части на музыкальные встречи с местной молодежью или скорее школьниками (см. "Музыка навсегда"). Но еще раз подчеркну, что после всех этих радостей приходилось возвращаться на постоянную службу.

И это было самое трудное. Как-будто тебя еще и еще раз призывали в армию.

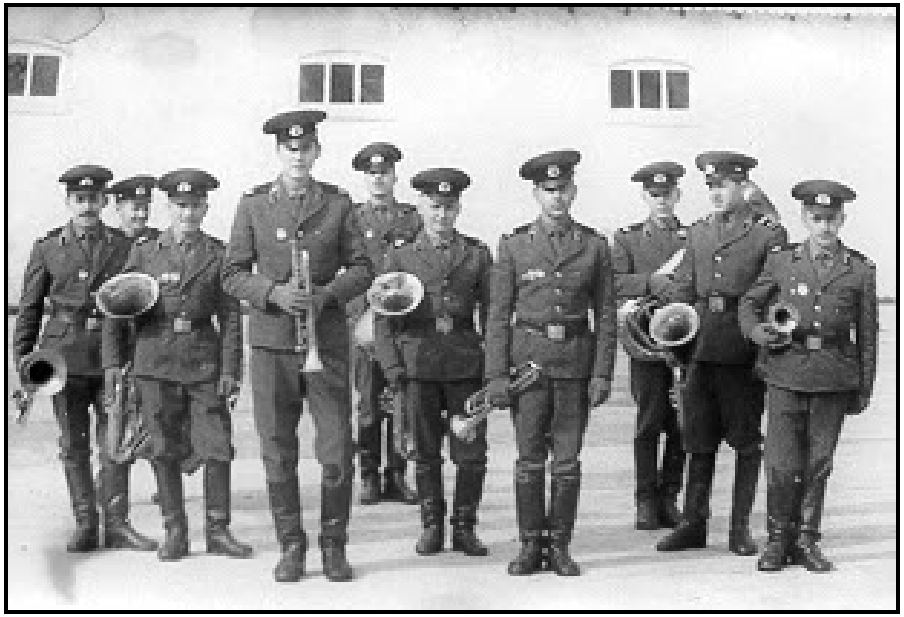
Я слышал от многих отслуживших действительную службу в рядах Армии (да и сам это испытал): после демобилизации еще долгие месяцы тебе снятся (грезятся) удивительные сны, в которых тебя вновь и вновь призывают на службу. Как правило, в ту же самую часть – другой-то ты и в глаза не видел.

Почему я упомянул слово – грезятся? Да, потому что сны я вообще не вижу или не запоминаю. Но вот эти "армейские" я видел очень ярко и явственно.

Главный вопрос, который постоянно мучает тебя во сне - почему? Ты же все отслужил, отдал, так сказать, свой гражданский долг. Но почему-то во сне это не объясняется, и приходится служить в очередной раз.

Конечно в очередной раз это вроде полегче: все тебе знакомо, ты чувствуешь и ведешь себя как старослужащий. Но все равно ты никак не можешь смириться с происходящим, не веришь, что такое может быть, каким-то дальним уголком сознания понимаешь, что это сон, но как, же все это ярко и натурально!

Поэтому когда просыпаешься или очнешься от этих странных грез, чувствуешь небывалое облегчение. И так ночь за ночью, пока все это не уходит в небытие. И потом сам удивляешься, как же такое могло привидеться, и первое время боишься, что эти сны вновь вернуться. Хотя нет, не боишься, а жалеешь, что больше не испытаешь восторг очередного увольнения из армии в момент когда Морфей отпускает тебя из своего плена...



1972 г. Альтист Ю. Рогов (крайний слева)

"Армейские мотивы-2"
(Продолжение)

Наши занятия математикой шли довольно успешно.

То ли преподаватель был хороший, то ли ученик способный. Мы прошли с командиром полный курс, благо я только-только окончил педагогическо-математический ВУЗ, и эти занятия были моей очередной практикой.

Кстати, математику мой ученик сдал на четверку.

Нам еще предстояло заняться физикой, которая также входила в список экзаменов, но этому не суждено было сбыться. Чему предшествовали удивительные события. События музыкальные.

В середине года проходил смотр военной самодеятельности. Сначала – полка, потом – дивизии, на который отбирались лучшие номера полковых выступлений. Самое активное участие в этих смотрах приняли "музыканты нашего полка".

Мне довелось участвовать во множестве самых разных номеров.

Наш ВИА, который был изредка "выездным" – мы покидали пределы части с выездами "на Дружбу", для укрепления связей с местной немецкой молодежью – был представлен песней "Стой, не стреляй, солдат".

Песня была ритмичной, почти рок, и мы ее, с моей точки зрения, неплохо исполняли, вполне современно, даже слишком. Была проблема со словами, не совсем воинственными, но, в конце концов, худсовет нас пропустил.

В нашем ансамбле я был, как бы сейчас сказали, фронтменом, т.е. лидером, солистом и оказался на виду.

Еще одним самодеятельным номером, в котором я участвовал, был поющий квартет, который исполнял песню о Щорсе ("Шел солдат по берегу").

Песня готовилась одним очень музыкальным прапорщиком нашего полка. Квартет пел на четыре (!!!) голоса. Мой голос, т.е. партия, была самая высокая – первая. Хотя по своим показателям я тянул только на второй голос, но никто первым у нас спеть не мог. Пойдем дальше.

У нас в полку был самодеятельный хор, который был создан как раз к этому смотру. Кроме нашей музыкалки сюда привлекались и другие военнослужащие, к их большому удовольствию. К смотру готовилась очень хорошая песня "У леса на опушке". С хором в качестве солиста снова выступал ваш покорный слуга.

И наконец, мой коронный номер – песня "Я сегодня до зари встану" (помните мое выступление в ресторане ("Музыка навсегда")).

Ее я исполнял один под собственный аккомпанемент на гитаре. Короче, засветился я на этом смотре по полной программе.

Наш полк был отмечен на смотре дивизии, лучшие номера, в т.ч. моя соло-песня, были отобраны для дальнейших исполнений.

Запомнилось мое выступление на стадионе, в центре футбольного поля ("Музыка навсегда").

И, в конце концов, за все мои “безобразия” я был награжден отпуском с выездом на Родину.

Для этого были определены сроки, и поскольку я не смог отказать себе в этом удовольствие, физикой, как таковой, позаниматься со своим командиром я не успел.

В соответствующие дни я отбыл в 10-дневный отпуск домой (без учета дороги)...

* * *

Сам факт получения этого отпуска вызывает изумление, да и его исполнение было фантастическим.

Кажется, еще никому в истории ГСВГ не удавалось выбраться в отпуск за один год своей службы, да еще за деяние никак не связанное непосредственно с этой службой. Да и десятидневный отпуск, превратившийся в двенадцатидневный, был отмечен своими удивительными событиями.

Я как-то плохо помню, как добирался из части до Бреста. Вроде бы из полка на автобусе, затем поездом (?) до Белоруссии. И, наконец, из Бреста я должен был добираться до Москвы на поезде по военному предписанию и прибыть домой утром следующего дня. Меня же так тянуло на Родину, что я переиграл свой маршрут на воздушный. При этом, доплатив за билет на самолет откуда-то нашедшимися у меня рублями, я оказался в аэропорту Бреста.

В ожидании самолета на Москву я чуть было не потерял фуражку. Забыв ее где-то на скамейке, я нашел ее к своему облегчению, не успев, к счастью, испугаться.

Нужно сказать, что весь этот "отпуск" я провел как в тумане. Многое вообще не запомнилось, другое вспоминается с трудом. Но воспользовавшись самолетом, я сэкономил себе один день отпуска (откуда взялся второй – не помню) и прибыл в Москву вечером 17 мая 1972 г. Прилетел я в аэропорт Быково, както трудно добирался на автобусе до Москвы и наконец оказался у дверей нашей квартиры.

Я испытывал огромное счастье и почему-то удивительную робость. Я никак не мог себя заставить нажать на кнопку звонка и долго стоял у закрытой двери, не решаясь "подать голос".

Но не поворачивать, же обратно. С какой-то странной дрожью рука, как чужая, все-таки нажала на звонок. И тут я оказался участником еще одного удивительного события.

На службу в армию провожали моего младшего брата Николая. Если бы я ехал поездом, я не успел бы с ним встретиться и попрощаться.

Я не знал, когда его будут призывать, а мои родные, кажется, и не подозревали о моем удивительном отпуске.

Чудеса, да и только. Забегая вперед, скажу, что брат служил два года до мая 1974 г. и последние 1,5 года тоже в ГСВГ. И так же как я, он успел вернуться, но уже к моей свадьбе.

Эти мои 12 дней в Москве пролетели, конечно, очень быстро. Встречи с друзьями и подругами, посещение ВЦ, отдых по полной программе. Заодно я совершил множество воинских проступков.

Во-первых, я не пошел отмечаться в районный военкомат, куда нужно было идти в форме, а я ее снял сразу же по прибытии и одевать ее мне совсем не хотелось. Во-вторых, когда я уже уезжал из Москвы, на Белорусском вокзале, меня прихватил патруль за “неотдачу” чести то ли ему, то ли какому-то офицеру.

Здесь же обнаружилось отсутствие моего продовольственного аттестата. Уж, не помню, зачем он был нужен и почему он был со мной в отпуске, но было зафиксировано его отсутствие. Мне позже был выписан новый.

По прибытии в часть я получил втык за патруль, военкомат и за аттестат. Кстати, позже я отыскал этот треклятый аттестат в одном из карманов чемодана, который взял с собой из Москвы.

Ко всем этим "втыкам" я отнесся достаточно равнодушно – не выгонят же из армии. Все равно это было неприятно, но как говорится, сам виноват.

* * *

Это второе "пришествие" в армию, сопровождавшееся всем выше сказанным, было малоприятным.

Я уже знал, что это такое, вновь почувствовал в Москве волюшку-волю, и возвращаться мне обратно не хотелось, вы даже представить не можете как.

Я грустил в поезде до Бреста, грустил в Бресте, страдал по дороге в полк, получил "по полной", прибыв туда. Самое главное, у меня после всего этого совсем пропал аппетит, бывший первые полгода службы зверским. К тому же мой командир поступил все-таки в академию, сдав экзамен по физике на тройку. Его сменил новый молодой лейтенант, к которому у меня было уже прохладное отношение, да и у него ко мне.

Терпел я уже, как только мог. Хорошо еще, что у меня появилось много новых знакомых (поклонников) в полку. Это и сержант, который занимался в полку спортивной подготовкой и писарь, молодой человек, вхожий в продуктовые склады.

Знакомство со спортсменом, боксером по специализации, привело к тому, что и меня в подразделении вдруг стали считать в некотором смысле боксером.

А благодаря писарю, на “дембель” я получил дополнительный паек в дорогу в виде любопытных консервов: тушенка с гречкой и что-то еще другое, что, конечно, не помешало.

Точно не помню, но, кажется, на этот период пришлась и стажировка в соседнем полку на духовом инструменте и несколько выездов на "дружбу".

* * *

В октябре-ноябре военнослужащих с высшим образованием должны были отправить на некие краткосрочные курсы, после которых им присваивалось звание офицера запаса.

Я и тут оказался "белой вороной", и мне это звание так никогда и не было присвоено.

Близились ноябрьские праздники, и кто же еще кроме меня "крепил" бы в полку музыкальную самодеятельность. Для этого в момент отправки на курсы я неожиданно "серьезно заболел".

И с "серьезным" диагнозом, о котором в моем присутствии по телефону договаривался замполит полка и врач-фельдшер, был отправлен в лазарет, где несколько дней с удовольствием "кантовался", "столуясь" в офицерской столовой.

Миновали праздники, пришел срок прощания с полком.

Мои коллеги-музыканты сыграли мне на прощание "дембельский" марш "Прощанье славянки", и я с радостью, которая могла бы быть и большей, покинул пределы полка, Германии, затем Польши и оказался в пределах СССР.

* * *

Но "скоро слово сказывается, да нескоро дело делается". Добирался я до Москвы целую неделю.

Не помню, в Германии или уже в Польше я оказался в так называемых "теплушках", товарных вагонах с двухэтажными палатями в торцах и большой железной печкой посередине.

Демобилизованных было в вагоне много, а вагонов таких был целый большой состав. Ехали долго-долго, с прибаутками, с кормежкой, в том числе с использованием своих консервов, с чаем-кипятком на станциях и на своей "буржуйке". Все было весело и здорово, но очень уж долго.

Добравшись, наконец, до границы Польши и СССР, мы почему-то повернули на север и "поползли" вдоль этой границы. Таким вот образом мы оказались в "нашем" городе Калининграде. Здесь мы пересели в плацкартные вагоны, где в купе было больше чем по 12 человек. Но это уже было неважно. К тому же у советских проводников нашлось, чем нас угостить за советские же деньги.

Где-то, не доезжая до Москвы (у Можайска), поезд почему-то остановился и долго стоял. Ждать многим из нас уже не было никаких сил, и мы своим ходом добирались до Москвы на электричках.

Домой я попал очень поздно, словно возвращаясь из командировки или с работы по вахтенному методу. Таких сильных волнений, как по приезде в отпуск я уже не испытывал, и на звонок в квартиру нажимал не то чтобы спокойно, но как-то уже более по-взрослому.

* * *

С той поры прошло уже много лет.

И теперь, когда годы пролетают с небывалой скоростью, странным кажется, что тот всего лишь год запомнился очень длинным и нескончаемым.

Те молодые времена были своего рода концентратом событий, происшествий, дел и забот. Два года на "Чайке", три года в ВЦ до Армии для молодого человека, т.е. для меня, казались десятилетиями. Не был исключением и этот год в ГСВГ.

Отмечу одно знаменательное происшествие.

После возвращения из Армии, первая, кого я встретил из старых знакомых, была моя одноклассница, проживавшая недалеко от нашего дома. Через год с небольшим эта замечательная девушка стала моей женой, о чем мы при той встрече и не подозревали. Удивительные и непредсказуемые события в моей жизни продолжали происходить...

Служба в Армии после окончания института была неизбежной и обязательной. Избежать этого я мог либо при отсутствии соответствующего здоровья или "По-блату".

На здоровье я обычно не жаловался, "блат" располагался где-то в стороне от моих жизненных дорог. В то время призыв и служба в рядах Советской армии не воспринимались как нечто ужасное и опасное.

Выбора у меня на тот годовой период не было, за меня все было кем-то решено. А вот на других жизненных перекрестках было не так все просто и однозначно.

Перекрестки судьбы...

Давайте вчитаемся в плохо различимые письмена, выбитые на придорожных камнях и сулящие нам в будущем... наше будущее...

"Перекрестки судьбы"

На развилках жизненных дорог нам часто приходится выбирать направление дальнейшего движения. Или нам его кто-то подсказывает, направляет в нужную сторону. А может сами дороги выбирают себе своих пешеходов, и мы не властны изменить предопределение?

На эти вопросы есть самые разные ответы. Но в любом случае такие придорожные камни с надписями встречаются на жизненном пути каждого. И я не избежал участи вчитываться в едва различимые строки, порой и не понимая всей важности происходящего.

* * *

В школе я учился неплохо. По окончании начальной школы (4 класс) был удостоен чести называться круглым отличником. Замечу, это произошло в первый и последний раз.

В дальнейшем учеба продвигалась без лишних осложнений, и к окончанию 8-го класса моя судьба была практически решена. Родители решили, что я должен поступать в техникум. Я был с ними согласен, поскольку был очень молод (14 лет), не имел каких-либо пристрастий и не думал о выборе профессии.

Исключением была лишь моя любовь к математике. С некоторого момента у меня появился вкус к ее точным наукам. Я принимал участие в олимпиадах, в самых разных конкурсах, хотя и не сыскал тут каких-то высоких наград.

Перед самым окончанием 8-го класса меня вызвала директор нашей школы и сообщила мне, что на адрес школы пришло письмо, в котором мне предлагалось перейти в одну математическую школу, где-то в районе Ленинского проспекта. В ответ я заявил, что поступаю в техникум, и меня это предложение не интересует.

1965 г. Ленинград

Позже я задумывался, с какой это стати моя персона заинтересовала математическую школу. Конечно, олимпиады могли сыграть здесь свою роль, но я особенно не отличался в этих играх. Хотя, возможно по совокупности каких-то мною решенных задач я и приглянулся преподавателям той самой школы.

Я вспомнил одну олимпиаду, в которой я выступил не особенно удачно. Задание оказалось для меня сложным, особенно одна задача, в которой были представлены рациональные дроби. Не решив эту задачу, я стал размышлять об этих дробях вообще, фиксируя свои мысли на бумаге.

Для меня самого это было неожиданно, на меня это было совсем не похоже. Но что было, то было. И возможно именно эти размышления юноши и заинтересовали экспертов и явились причиной приглашения. Этого теперь никто не узнает. Но меня это тогда мало волновало. Меня ждал мой техникум, и я был совершенно уверен, что не зря.

Говорят, уверенность – это хорошо, плоха самоуверенность. Но как уловить эту грань между ними.

Самый первый экзамен, письменная математика, показал, что я рано радовался. По сравнению со школьными заданиями этот экзамен оказался очень сложным. Но из всех задач я не решил только одну и то, потому что мне просто не хватило времени. Так задача осталась недорешенной, но в целом, с учетом сложности экзамена, итог был не слишком плохой, оценка 4.

Вторым экзаменом стала устная математика.

Этот экзамен был не такой сложный, но и тут была своя закавыка. Среди вопросов было доказательство одной теоремы по геометрии. Эта теорема была в школьном учебнике напечатана мелким шрифтом и не изучалась в школе. Я попытался сам доказать эту теорему, но у меня к сожалению это не получилось.

Очень расстроенный я вышел к экзаменатору и нагло заявил, что мы эту теорему не проходили. На что он махнул рукой и велел перейти к ответам на следующие вопросы.

Дальше все складывалось удачно, а на вопрос, почему я не решил последнюю письменную задачу, я честно ответил, что не успел. После чего мне было предложено решить ее на доске. Я с энтузиазмом взялся за дело и вскоре получил искомый ответ. Каково же было мое удивление, когда мне сказали, что задача решена не верно.

От всех этих переживаний я окончательно обнаглел и стал спорить с комиссией, предлагая им сверить мой ответ с где-нибудь записанным. На что получил в ответ все, что думают экзаменаторы о глупых школьниках. Но мне милостиво было разрешено сделать еще одну попытку. Что я и сделал, будучи как в тумане и полностью в расстроенных чувствах.

Я совершенно не помнил первого ответа, получил второй, который к моему изумлению оказался почему-то верным. Мне поставили опять почему-то четверку. Как выяснилось позже, эти оценки позволяли мне с уверенностью смотреть в будущее, а экзаменаторы поздравили меня (предварительно, конечно) с поступлением в их техникум.

Третьим и последним экзаменом был русский язык в виде диктанта. Сочинение было бы попроще, но диктант так диктант.

Через несколько дней за результатами экзаменов поехала почему-то моя Мама. Я же позже приехал на квартиру бабушки, что недалеко от техникума.

Когда Мама вошла в квартиру, я сразу понял, что ничего хорошего не услышу. Оказалось, что диктант я провалил и не поступил в этот несчастный техникум.

Для меня это было страшным потрясением. При всем моем апломбе, который несколько поубавился во время экзаменов, это был чувствительный удар по самолюбию. "Откровенные разговоры" были впереди (см. первую часть романа), но я еще долго приходил в себя после всех этих событий.

Так я не поступил ни в математическую школу, ни в техникум и как побитый зверек вернулся в свою старую школу продолжать учебу в 9-ом классе.

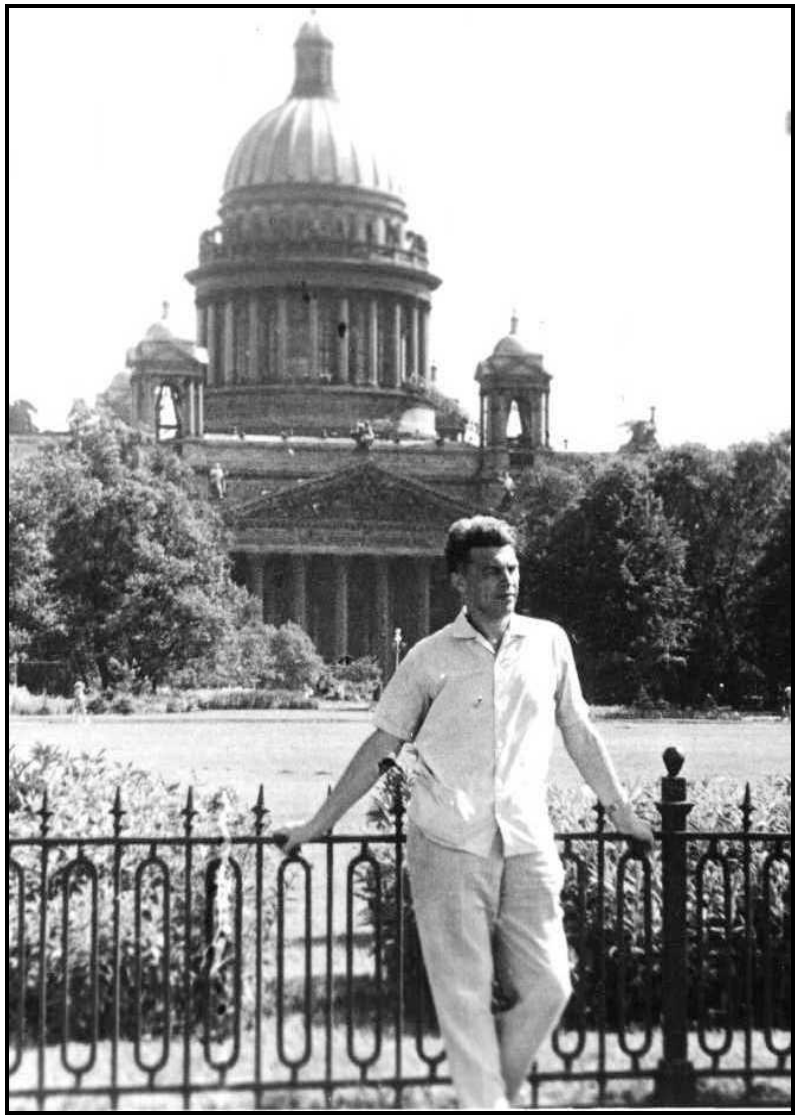
Не знаю, что бы со мною было в дальнейшем, перейди я в эту математическую школу или поступи в техникум. Кстати, техникум был радиотехнический, к чему у меня не было никакого пристрастия в отличие от математики.

Вот таким был мой первый большой "придорожный камень".

* * *

После таких первых серьезных переживаний и потрясений, мне был дан год на то, чтобы прийти в себя. И этот год учебы в 9-ом классе был самым спокойным и легким, как с точки зрения уроков – я не очень прилежно учился, так и с точки зрения какого-то выбора и планов на будущее. Мне было достаточно этого короткого, но буйного периода между 8-ым и 9-ым классом. И я благодарен судьбе за этот "академический" школьный отпуск.

Но, как выяснилось позже, я не забывал о своей любви к математике, которую заметил школьный учитель этого предмета Игорь Константинович Калабин (ИКК), который уже начал подбирать кандидатов в свой выпускной класс и будущих студентов ВУЗа. При этом мы, школьники, очень активно участвовали в "трудовом самовоспитании" на школьном заводе "Чайка" посредством уроков труда и последующей трудовой практики по окончании 9-го класса.



И. К. Калабин. 1965 г. Ленинград

А затем была замечательная летняя поездка в Ленинград и Прибалтику, завершившаяся первым моим игналинским походом.

* * *

Игорь Константинович Калабин сыграл в моей жизни очень большую роль. Вернее, *он* был прекрасным режиссером и подбирал себе учеников-актеров по одному ему известным качествам. Он был замечательным учителем математики, при котором мой интерес к предмету, и так очень высокий, поднялся на новый уровень. Я научился не просто хорошо решать типовые задачи. Мне очень нравилось преодолевать нестандартно поставленные математические барьеры.

Но как я уже понял, ИКК выбирал себе учеников не всегда по их умению и навыкам в науках. Он был педагогом "от бога" и собирал своих "птенцов" по критериям, связанным с человеческими качествами. Уж, какие это были критерии, известно только режиссеру. Нам же оставалось в меру таланта играть свои роли в его постановках, развивая свои лучшие качества и преодолевая недостатки. Его можно назвать нашим вторым отцом. Не зря мы за глаза называли его "наш классный папа" и ласково – "Игорек".

* * *

Забегая вперед, скажу, что такое большое влияние этого замечательного человека на мое формирование удивительно.

Срок наших тесных контактов составил всего три года, с 1965 (поездка) до 1968, года моего ухода с завода "Чайка" в ВЦ АН СССР (ныне ВЦ РАН). Дело, скорее всего в том, что это были очень важные годы, годы становления характера молодого человека.

* * *

Итак, всего один год в школе (11 класс А) под непосредственным контролем ИКК.

Как следствие, досрочное поступление в институт (МГЗПИ) на вечерний факультет (ФИЗМАТ, специальность – математика) большой группы моих одноклассников и одновременно работа на заводе "Чайка".

Насыщенная рабоче-студенческая жизнь дополнялась прекрасным отдыхом в летнее время:

1966 – Юг, Адлер, Веселое;

1967 – походы по Чусовой и в дельте Волги;

1968 – отдых в Пицунде (Лидзаве) (август).

За это время было совершено и два путешествия на теплоходах Комарно и Вилюй. Соответственно, из Москвы до Волгограда и из Перми до Астрахани.

Но в августе 1968 г. я уже не работал на "Чайке".

Очередной мой выбор (или судьбы) был сделан в пользу Вычислительного центра, что на ул. Вавилова, 40.

* * *

О последовательном переходе нашей "великолепной шестерки" в ВЦ я уже рассказывал. В апреле 1968 г. сюда перешли и мы с Валерой. Но "засветился" я на ВЦ чуть раньше, в марте, на концерте, посвященном дню 8 марта. Я тогда впервые вышел на сцену ВЦ со своими песнями в окружении моих друзей, активно участвовавших в представлении.

Все мы устраивались на работу операторами ЭВМ, и до нас с Валерой наши друзья попали в одну группу. Для нас же предполагался выбор: один человек в ту же группу, а второй – совсем в другую, с более зрелым составом и на другую ЭВМ.

Каждому из нас двоих хотелось, конечно, к своим. И нам пришлось кидать жребий, монетку, достоинством, кажется, в 20 копеек. Она как-то не хотела останавливаться, потом куда-то закатилась. Короче, жребий направил Валеру к ребятам, а меня – на ЭВМ БЭСМ-6.

Об этой машине я уже много чего рассказывал и еще расскажу. Добавлю, что тогда я был огорчен, но со временем понял, как мне повезло. Я стал фанатом этой ЭВМ, ее операционных систем и остаюсь им до сих пор, хотя ее уже давно нет на ВЦ.

Этот ВЦ-шный доармейский период не был связан с какими-то выборами. Все шло по накатанной дорожке, но как, же замечательно шло.

Сменная ночная работа параллельно с учебой в институте, увлечения и влюбленность, походы и частые встречи с друзьями, музыкальный ансамбль и бардовские песни – все это и многое другое делают этот временной период по насыщенности и концентрации событий, как радостных так и не очень, самым интересным и любопытным в моей жизни.

Далее, был призыв в Армию в ноябре 1971 г., служба в ГСВГ и возвращение снова в ВЦ (3 января 1973 г.).

Как я понимаю, другого выбора у меня не было, хотя попытки устроиться в НИЦЭВТ, где работали многие мои знакомые и куда перешли и некоторые члены нашей "шестерки", сознаюсь, были. Но все-таки я очень хотел вернуться в ВЦ и сделал свой выбор в его пользу, в пользу БЭСМ-6, а не ЕС ЭВМ.

* * *

Чем становишься взрослее, старше, мудрее что ли, тем меньше в твоей жизни возможностей выбора, встреч со своими "придорожными камнями".

Это вполне естественно, хотя может случиться и случается всякое. Далеко за примерами ходить не надо. Но чаще всего с возрастом тебя все реже и реже посещают такие мысли. Может это и правильно, но не покидает чувство, что все уже позади и перемен не предвидится.

А может это и не так плохо. Всяческие переживания по этому поводу и стрессы, с этим связанные, хороши тем, что ты, проживая все это, находишься внутри событий, взрослеешь, умнеешь и, увы, стареешь, не замечая этого.

А дальше, с высоты прожитых лет ты можешь лишь оценивать правильность выбора и наличие предложенных тебе альтернатив.

Но самое главное, была ли возможность такого выбора или все было предопределено заранее, а тебе остается только оценить степень и положительные качества пути и себя самого на этом самом пути?

На этот вопрос, как мне кажется, нет определенного и точного ответа.

А может быть, это и к лучшему.

Думаю, что пора бы уже перейти от серьезного бытописания и судьбоносных решений к более занимательному, что ли.

Вы конечно уже догадались, что я снова возвращаюсь к омарохаямовской теме. На этот раз в мною очень любимую тему непостижимым образом просочилась некая лирико-художественная струйка, добавившая к "размышлениям о" немного красоты и блаженства.

Но, как говорится, все по порядку...

На сплаве без “парашюта” нельзя.
Валера. Сплав. 1982 г.

"От Омара до Хаяма - 2"

Мы пьем не потому, что тянемся к веселью
И не разнузданность себе мы ставим целью.
Мы от самих себя хотим на миг уйти
И только потому к хмельному склонны зелью.

О.Хайям

Ну что ж, снова переходим к неисчерпаемой теме "Омара, нашего Хаяма". К "сплавным" рассказам я еще обязательно вернусь. Но мне хочется вновь вспомнить о нашем друге Леше, его "заморочках" и о Мише, интеллигенте даже в этом бесшабашном деле. Их уже нет на этом свете, но веселые и поучительные истории, случившиеся с ними и со мной на этом "акцизном" фронте, просто необходимо рассказать в назидание потомкам и просто в память об этих моих замечательных друзьях.

"Озерская" рулетка, а главное, "Иду на литр"

Еще одним замечательным местом, где можно было себя проявить в деле напитков, оставался для нас долгие годы овощной совхоз в г. Озеры. Туда мы выезжали чаще всего осенью, но случались и летние выезды на эти сельскохозяйственные работы.

Мы убирали морковь, свеклу и в последнюю очередь капусту. Собирали мы и картофель, а также занимались всяческой прополкой.

В тот двухнедельный заезд мы этой самой прополкой больше всего и занимались. Работа эта по сравнению со сбором корнеплодов и капусты менее трудоемкая и сложнее проверяемая. Благодаря этому, у нас оставалось много свободного времени, в т.ч. и на всякие "безобразия".

Подробно на всех безобразиях я останавливаться не буду, но кое-какие события, произошедшие в то лето, мне хочется вспомнить.

До антиалкогольной кампании, которую мы и в Озерах испытали на себе, было еще далеко. В этот заезд с "этим" все было нормально, чего нельзя сказать о наших финансовых возможностях. Приходилось экономить, и такой доступный товар доставался нам не так уж и легко. Тем не менее, время от времени мы делали необходимые закупки. Но напомню, мы все-таки были задействованы и на сельхозработах.

Однажды мы с Лешей пошли за "этим самым" в магазин.

Лето летом, но одевались мы всегда с учетом возможных осадков. У меня был плащ из "болоньи", знаменитый еще по водным походам, где он стал использоваться после выхода из городской моды. Он потерял товарный вид и в некоторых местах были, хотя и штопаные, но дырки.

Итак, каждый из нас купил на свои "кровные" по бутылке, и мы собирались покинуть этот замечательный магазин. Я намеревался убрать свою покупку в один из карманов плаща.

Неожиданно я вспомнил, что один из карманов порвался и явно не удержит сосуд в своем дырявом пространстве. Моя рука стала убирать бутылку в карман, а разум – соображать, дырявый этот карман или нет. Главное, они действовали независимо, и все это продолжалось несколько секунд, но в каком-то замедленном темпе. Разум с удивлением констатировал, что карман почему-то пропускает через себя покупку, но не дал сигнал-приказ к отступлению. Да было уже и поздно.

Бутылка, словно в замедленной съемке, расширила отверстие кармана и стала проваливаться вниз. Этот процесс был скрыт за полами плаща, и конец действа никак нельзя было предотвратить. Да еще пол в магазине был почему-то не земляным, а кафельным, и при столкновении этих кремневых субстанций возникла необратимая реакция с выбросом некой жидкости под воздействием силы тяжести.

Леша смотрел на все это безмолвно, глаза его не излучали ничего. Но он все-таки с трудом вымолвил: "Тебе придется купить еще одну". Что я и вынужден был сделать здесь же и немедленно. И мне помнится, мы были еще достаточно трезвы, чтобы трезво оценить все произошедшее.

* * *

Я уже неоднократно говорил, что после вхождения Леши в нашу компанию (а может и чуть раньше) он с превеликим энтузиазмом принялся осваивать табак и спиртное (см. "Разве так можно ударить").

На этот раз он собирался выйти на другие "уровни", и в этом, безусловно, насколько я помню, преуспел.

Однажды вечером, после трудовых будней на полях, Леша произнес свою замечательную фразу: "Иду на литр". После некоторой паузы он добавил: "Кто со мной?". Вы понимаете, что слыша все это, мне ничего не оставалось как предложить ему свою помощь.

После этого были сделаны соответствующие закупки (неужели два литра?), одеты телогрейки для дальнейшего использования в качестве одеял, и был дан старт к исполнению Лешиной задумки.

Мы перешли близлежащее шоссе с двумя кюветами и оказались в небольшом сосново-еловом лесу. В тот месяц темнело быстро, процесс исполнения желаний шел чуть медленнее запланированного. Поэтому нам пришлось развести маленький костерок, скорее с Лешиной помощью (курилка), а может и с моей – я часто бываю предусмотрительным.

Леша, нацеленный на рекорд, сразу взялся за дело, я поддерживал его, как мог и в разговоре, и в остальном, и старался держать себя в руках, памятуя о том, что нам еще придется возвращаться и форсировать шоссе с его непредсказуемостью.

А еще я помнил о давней просьбе Леши не перемещать его с места на место и вообще не трогать без видимых причин. Но не мог, же я оставить его в ночном лесу и бросить "на съедение волкам". Так что с этим мне все было ясно и понятно с самого начала и до самого конца. Но в мои планы вмешалось непредвиденное.

То ли от Лешиной сигареты, то ли от нашего костра в хвойном лесу под нами начала тлеть хвойная прослойка. Не подумайте чего-нибудь совсем плохого. Никакого пожара в лесу не произошло – мы очень постарались. Но загорелась одна из наших телогреек. Во время установления рекорда мы ее тушили и до и после, но в этот день что-то не срослось. В отличие от леса телогрейку нам спасти не удалось. Вспомнил, телогрейка была Лешина.

Но в ее кармане был простой ножичек, Лешин же. И, несмотря на все наши усилия, телогрейка вместе с ножичком сгорела дотла. Через шоссе мы, тем не менее, перебрались – другой дороги "домой" у нас не было. Зная Лешин физтеховский склад ума, его задумка, уверен, была исполнена. Свои функции я как мог тоже исполнил, возможно, не очень соответствуя рекордным достижениям.

В пассив себе и Леше могу записать сгоревшую казенную телогрейку, Лешин ножичек и мою больную голову. Про Лешину же, как вы понимаете, ничего сказать не могу.

* * *

Следующий рассказ, может быть, не совсем отвечает "омарохаямовской" теме. Но здесь я снова возвращаюсь к "сплаву" и конечно некоторые нюансы темы, безусловно, здесь будут присутствовать.

"Красота неописуемая"

Я так мало пока писал о сплавных работах в Пермской области, что хочется хотя бы таким "макаром" рассказать о, честно скажу, незабываемом...

...Это был мой самый первый выезд в Менделеево, Кудымкар, Гайны, Харино и дальше, на этот раз в Усть-Весляну, где я и зарабатывал свои первые "сплавные" деньги. Этот заезд был замечательным во всех отношениях, и в финансовом, и в познавательном, и в "краеведческом", наконец.

Работа наша спорилась, после работы следовал необходимый отдых с гитарой и прочими напитками. Кстати, это оттуда у нас, игналинщиков, пошла присказка о "муравьиной кислинке" (Если что, это о вкусе прибалтийских вафель).

Песню об этой кислинке пел наш старый товарищ и мой тезка, кандидат наук Юра Ш. С его подачи чуть было не поехал с нами уже его товарищ, без пяти минут чл.-корр. АН СССР, а ныне директор одного из академических институтов. Но я немного отвлекся.

Этот Юра Ш., отгоняя комаров от меня и от моей гитары во время исполнения мной песен, постоянно вспоминал о каком-то замечательном месте недалеко от наших "квартир". Это, в хорошем смысле, зомбирование привело к тому, что мне самому захотелось посмотреть на эти красоты.

И вот как-то после изнурительного трудового дня мы втроем, два Юры и Игорь В. отправились в наше "путешествие".

По совету уже побывавших там, мы вооружились ветками, вроде березовыми, для отгона кровососущих созданий. Это оказалось совсем не лишним. Тамошние комары, вернее дорожно-лесные, оказались во много раз злее даже тех, что мешали нам петь в поселке.

Дорога оказалась длиннее, чем я предполагал, и мы дошли до места, когда уже стемнело. Магазин, как вы понимаете, был закрыт (так всегда бывает), и нашим ветеранам пришлось наведаться к продавщице домой. Что и было сделано с успехом...

...Я старался потреблять умеренно, чтобы не пропустить местных красот и достопримечательностей, благо было уже так темно, что даже наливали мы на ощупь.

Но вот, наконец, мы вышли к тому самому крутому обрыву реки.

* * *

При ярком, даже ослепительном свете луны на высоченном, круто уходящем вниз холме с церквушкой над рекой, мы сидели, молча, как изваяния, забыв и про вечер-ночь, и про нашу нетрезвость, и про возвращение, которое нам предстоит, и вообще про все.

Такого я никогда в жизни не видел и не испытывал.

И тогда я понял, почему мой тезка очень хотел вновь попасть сюда, а мне, в свою очередь, совершенно не хотелось отсюда уходить.

Время как-будто остановилось.

Замерло все – наверное "до рассвета".

И кораблик на реке, сама река, луна на небосводе и ветер, разгонявший комаров. Да и комары при таком "обороте" куда-то испарились, дабы не спугнуть очарование этой ночи.

Зачем куда-то возвращаться?

Остановись мгновение...

И нет больше ни радостей, ни печалей, ничего...

Одна Красота. Неописуемое блаженство...

Все отступает.

Даже хмель...

Нирвана...

"Посиделки" на "Университетском"

Первые годы учебы в институте мы с Мишей как-то особенно сдружились. Взаимная симпатия и уважение, общие заботы и интересы – все это способствовало нашему сближению.

Он жил с мамой и братом на Университетском проспекте в огромной четырехкомнатной коммунальной квартире. Занимали они две смежные комнаты, одна из которых была очень большая, зато вторая – очень маленькая, как чуланчик, заставленная книжными шкафами и полками, с письменным столом и прочими причендалами.

Его брат, мой тезка, женившись, уехал из этой квартиры, а позже и Мишка женился и жил здесь со своей Наташей и сыном. Вот на этой квартире мы в те молодые годы чаще всего и встречались.

Были и песни, и музыка, и "Окуджава под легкое сухое вино", и застолье. Здесь же мы часто готовились с ним к очередным экзаменам.

...Подготовка к сдаче "Истории КПСС" осуществлялась опять-таки на этой квартире. Мы понимали, что готовиться будем долго, и что толку от этой подготовки будет немного. И мы решили соединить ее с "прослушиванием Окуджавы".

В нашем арсенале кроме учебников, гитары и песен был запас "Старки". В качестве закуски использовался черный хлеб кирпичиком и колбаса, которая называлась хлебец, и по форме походила на буханку хлеба. Бутерброды делались огромными, состоящими из больших “поперек-кусков” хлеба и колбасы. Интересно, но на этом "большие" формы не заканчивались.

В качестве посуды использовались не стаканы и не рюмки, а большие высокие сосуды, расширяющиеся вверх, декорированные цветными поперечными кольцами, и больше похожие на вазы для цветов. Главное, одно другому соответствовало. Да и учебник, по которому мы "занимались", был очень толстый, так что до конца его мы не добрались.

Тем не менее, мы, собравшись с духом, поехали сдавать этот очень трудный экзамен…

Вы, конечно, не поверили в то, чем закончился банкет?

Скажу честно – и правильно сделали...

Мы, конечно же, поехали сдавать этот экзамен, но в другой раз и без "Окуджавы"...

... Школьные годы, студенческие были наполнены радостью и счастьем, но и молодыми заботами и трудами. Много было интересного, веселого, грустного и занимательного как во время самой учебы, так и в том, что связано с зачетами и экзаменами. Вспоминается и случившееся лично со мной...

"Ох, уж эти мне учеба и экзамены!"

"Даешь чугуна и стали!"

К экзамену по "Истории КПСС" мы с Мишей готовились долго. Правда, толку и проку было от этого мало. Материал неподъемный (вспомните толщину учебника), наука неточная, общественнополитическая. Но сдавать все равно надо.

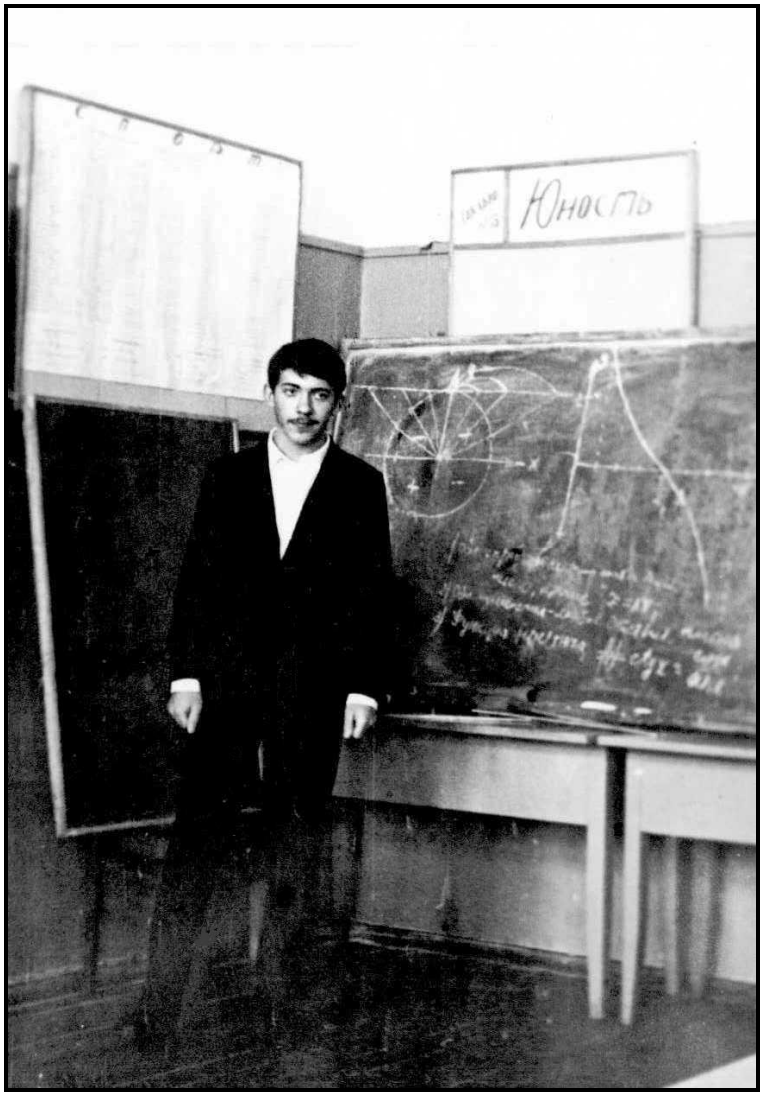
Какой билет и материал мне достался, я не помню, но хорошо помню, что, ни черта я по этому вопросу не знал. Я не был одинок в этом своем несчастье, а наш преподаватель, надо отдать ему должное, хорошо понимал наше положение и готов был ставить всем по три балла. Но напоследок он каждому задавал так называемый последний вопрос, чтобы, если получится, увеличить оценку.

Мне был задан вопрос о каком-то событии, которое произошло недавно в нашей стране, и было связано с отечественной промышленностью. Кстати, вспомнил: вопрос в билете также был об индустриализации в СССР.

Уж и не знаю с какого "перепугу" у меня в голове возникла мысль-воспоминание, фраза, услышанная или прочитанная где-то совершенно недавно. И я ее озвучил безо всяких раздумий.

Я сказал, что недавно в нашей стране было выплавлено сто тысяч тонн стали (или чугуна?), что стало мировым рекордом. Преподаватель был несказанно рад ответу, который оказался абсолютно верным, и скорее всего "с испугу" поставил мне "отл" в зачетку, единственный по общественным предметам.

Забегая вперед или возвращаясь назад, замечу, что таких неожиданных исходов было в моей жизни предостаточно. О чем рассказы впереди.



1966 г. На экзамене в 546 школе

"Военная память"

Еще один, совершенно необычный случай произошел со мной в старших классах средней школы.

Предмет, который назывался "Экономическая география СССР" (не подумайте, что рассказ вновь будет связан с промышленностью), был очень объемно-занудным: всякие разные заводы, шахты, полезные ископаемые, транспорт и прочие "аксессуары". Выучить все это не представлялось возможным, да мы и не пытались. В том числе и я, который однажды был вызван к доске отвечать что-то, связанное с географической картой.

Вот "путешествовать" по карте физической, политической и пр. я очень любил. Тут я многое знал и про моря (глубокие), реки, озера, горы (высокие), и про республики, области, и ... ГОРОДА. Любил я это картографическое дело.

Учительницей мне было предложено показать на карте один город. Вопрос невинный и вроде бы легкий вызвал у меня множество ассоциаций. И вместо того, чтобы сразу ответить, т.е. показать город на карте, я сам задал свой встречный вопрос, что вызвало неподдельное удивление учительницы. Она, задавая свой вопрос, может быть, и не подозревала о неоднозначности ответа на него.

Но вернусь к началу.

Она попросила меня показать на карте город Петропавловск. На что я мгновенно задал свой вопрос: "А какой?". После некоторой паузы мне было разрешено сесть, и была поставлена оценка "отлично".

Для тех, кто как говорится не в теме, скажу, что есть два города с таким названием. Это всем известный Петропавловск-Камчатский и менее известный город в Казахстане.

Я, может быть, и не знал бы о последнем, но моя Мама и многие ее родные были в эвакуации во время Великой Отечественной войны, в том числе и в этом городе. Я много раз слышал рассказы об этом тяжелом трагическом времени.

Так меня выручила семейная "военная" память.

Но что самое замечательное, так это то, что меня с тех пор больше ни разу не вызывали к доске и вообще у меня появилась "пожизненная" пятерка по этому предмету. Ко мне иногда обращались за "консультацией" по разным географическим вопросам, но отвечал я всегда с места, где у меня под рукой всегда имелись справочные материалы, с которыми и отвечалось, и "консультировалось" гораздо легче и интересней.

* * *

Совсем немного о другом предмете – химии. О том ее разделе, что называется "Органическая химия": этил, метил и прочие углеводороды.

Опять-таки предмет тяжелый, слабоподъемный, далее этилового спирта продвигаться тяжело. Но мне, к счастью, и не пришлось этого делать.

После первых уроков и первого изучения химического учебника я с некоторых пор перестал его открывать совсем. Моим "коньком" было решение всяческих задач по этой химии. К доске меня вызывали исключительно для этого, никакой теоретический материал с меня не требовали. Ну, а задачки я "щелкал" как орешки.

Как вы и догадались, по химии, как и по географии у меня была твердая ПЯТЕРКА.

А теперь вновь переносимся во времена "высшей школы".

"Самый любимый и нелюбимый"

Моим любимейшим предметом в институте была "Аналитическая геометрия" (АГ). Очень любил я решать задачи по этой дисциплине, да и теория для этого была также необходима.

Это было на первом курсе института, и первый, и единственный экзамен в первом семестре был именно по АГ.

Прежде мы выполняли лабораторные и сдавали зачеты нашему преподавателю, Игорю Владимировичу (см. "Вашу книжку, пожалуйста"). А перед Новым годом настал черед сдавать и экзамен.

Я никогда еще не был так уверен в себе перед экзаменом, что в школе, что в институте. "Пятерка" была уже у меня в кармане – я чуть ли не наизусть знал весь учебник, а что касается задач, то любимое дело никогда не вызывает затруднений.

Все шло отлично, на все вопросы были даны исчерпывающие ответы, все задачи решены. Возможно, я рано расслабился, а экзаменатор задал мне, как всегда, последний вопрос. Вопрос был несложный, я даже представил себе страницу учебника, на которой был нужный ответ. Я знал этот ответ, но на меня вдруг напал какой-то ступор.

Я никак не мог вспомнить ключевую то ли фразу, то ли цифру. Я даже вспотел и попросил некоторое время на раздумье. Но так и не смог выйти из этого ступора и получил совершенно незаслуженный "хор". Вы не представляете, как я был огорчен и расстроен.

Мой товарищ, Володя получил даже тройку, но меня это хотя и огорчило, но не так как моя четверка.

Хорошо, что в этом семестре экзамен был только один. И мы решили АГ пересдать.

* * *

Для пересдачи мы, к сожалению, были направлены к другому преподавателю, женщине. Когда мы в раздевалке, сдавая пальто, на вопрос гардеробщицы о причинах нашего внеурочного визита в институт рассказали об исправлении тройки и особенно четверки, она страшно удивилась и сказала, что на старших курсах мы такого себе уже не позволим.

...Пересдача шла не совсем успешно. Эта "математичка" поставила моему товарищу четверку, а меня за пятерку гоняла особенно яростно. Отличная оценка, к которой я стремился, предполагала по ее мнению абсолютных знаний. Гоняла она меня, я уж не знаю по каким учебникам, но не по нашим лекционным. И хотя я, как мог, отбивался, но по ее словам на пятерку не тянул.

Я в очередной раз был страшно огорчен, сразу невзлюбил эту даму и в последствии предмет, ею читаемый, также отнес к нелюбимым и получил за него такую же оценку.

Но мы все же "добили" этот предмет.

Чуть позже мы вышли на нашего старого преподавателя и почти без проблем получили свои пятерки.

Так у меня в зачетке по первому семестру было три строчки, две из которых была перечеркнуты. Учебу я начал все-таки с отличной оценки.

Кстати такие же оценки были у меня и во втором семестре, пока не подошло время последнего экзамена на первом курсе, по Психологии.

* * *

Этот предмет считался у нас общественным. Отношение к нему было соответствующим и подготовка тоже. Успешная сдача "Истории КПСС" была еще впереди. Этот же экзамен заставил меня поволноваться.

Все было как обычно: знаний мало, учебник (зеленого цвета) очень толстый, до конца непрочитанный. Преподаватель, хотя и понимающий ситуацию, мог бы поставить тройку и может быть даже четверку, но увидав в зачетке у меня одни пятерки и даже пересдачу четверки, не стал этого делать. Он предложил мне отложить экзамен на осень, и я, как понял позже, сдуру согласился.

Осенью я этот "хренов" экзамен сдал, кажется, на четверку. Но что я пережил летом, зная, что у меня "хвост"!

Этим летом у нас состоялось грандиозное путешествие по реке Чусовой, далее на теплоходе от Перми до Астрахани, еще один лодочный поход в дельте Волги. И все это время в рюкзаке я таскал тяжелый зеленый учебник, который открыл один раз на турбазе "Коуровка" на Чусовой.

Вот, что с нами делала когда-то молодость, ее максимализм и детская наивность.

"Одиннадцатилетку – за 10 лет!"

В сезоне 1965-66 гг. в средней школе было сразу два выпуска. В связи с очередной реформой страна переходила на десятилетку, и на этот раз выпускными должны были стать как десятые, так и одиннадцатые классы.

Я со своими товарищами закончил 9-й класс, летом поехал с И.К. Калабиным и его 10-ым классом в замечательную поездку: Ленинград, Прибалтика и игналинские озера. Я не помню, чтобы в этой поездке велись серьезные разговоры о переходе в его класс. Но 31 августа 1965 г. ИКК со своей ученицей Валей Стихутиной посетил троих своих будущих учеников: меня, Володю и Борьку.

Он сообщил, что мы переходим в его класс и 1 сентября садимся за парты с новыми одноклассниками и уже знакомыми по поездке одноклассницами. При этом кое-что из предметов нам предстояло сдать экстерном.

У меня такое ощущение, что это был уникальный случай в педагогической практике того года. Позже ИКК рассказывал какие трудности ему пришлось испытать, чтобы добиться этого перехода. Это решалось и на уровне города (т. Промыслов), и на уровне РОНО. В самой школе почти весь педагогический состав был против. Но вы не знаете нашего ИКК. Нет таких препятствий, которые бы он не смог преодолеть. Его воспитанники шутили: если нет препятствий, то он их сам себе создаст, но потом обязательно преодолеет.

Уж и не знаю, чем мы ему понравились: характерами, способностями или видимыми только ему нашими потенциалами, кто знает. В один институт после окончания школы поступали не только ученики его класса, коими мы стали, но и ученики нашего бывшего класса.

Я подумал, что об этом можно спросить дочку ИКК Татьяну. Может она прояснит мои сомнения. Так или иначе, я очень рад, что так все случилось, и я оказался в этом "калабинском" классе, а позже и в институте, который успешно закончил. Но возвращаюсь к выпускному классу.

При этом нашем переходе мы многое чего не доизучали из школьной программы. Кое-что нам простили: период Истории СССР (коллективизация, индустриализация), литература ("Война и Мир" и пр.), что-то по физике и кое-что по математике.

Последнее было не так страшно, и ИКК за несколько десятков минут рассказал нам и о логарифмах и о других категориях. Но один предмет нам никак не удалось обойти.

В аттестате должна была присутствовать оценка по астрономии, а мы ее не изучали, и делать этого в 11-м классе не собирались. Пришлось сверх программы общаться с преподавателем этого предмета.

Предмет этот, как и преподаватель, был не так прост, и нам пришлось здорово попотеть, чтобы его удовлетворили наши знания.

Он тянул до последнего, заставлял нас по несколько раз перерисовывать схемы солнечной системы и прочих далеких систем. Гонял он нас по учебнику и по одному ему известным конспектам, но в аттестат мы все-таки получили свои отличные оценки.

Нас пытались приобщить и к другим предметам, нами не изученным. Но все обошлось, и мы, все вместе закончили среднюю школу, при этом сдав многочисленные выпускные экзамены и почти сразу вступительные в институт.

Где, как было сказано выше, были и свои экзамены, и свои заморочки.

* * *

Закончить рассказ мне хочется на "иностранной ноте".

После окончания армейской службы, вернувшись на "гражданку", я почувствовал, что мне не хватает какой-либо учебы и ее экзаменов и зачетов. И с подачи Вовика (моего гитарного учителя) я поступил на курсы английского языка, где он уже обучался.

Не буду подробно останавливаться на этом, но отмечу, что время это было очень даже неплохое. Новые знакомые, новые ощущения и новый "английский", к которому я всегда не был равнодушен.

Предстоял экзамен по окончании курса.

Со своим преподавателем, замечательной женщиной, мы готовились к этой сдаче. Тексты, переводы, разговорная практика – все это входило в нашу подготовку, и было предметом сдачи на экзамене. Особенно я запоминал всякие "штучки" и разговорные выражения из английской практики. На экзамен я вышел во всеоружии и был готов сразиться с экзаменатором.

"Тексты" и "переводы" прошли нормально, предстояло устное собеседование.

И вот на первый же вопрос о моем здоровье и состоянии, я, ответив положительно, задал встречный вопрос. Я спросил: "And what about you?".

Это была моя "домашняя" заготовка, подмеченная у нашего замечательного преподавателя. И как всегда больше никаких вопросов мне не было задано. Ответ на свой вопрос я не получил, но оценку, как всегда в таких случаях, получил отличную.

Всех, сдающих зачеты, экзамены и прочие собеседования я призываю прислушаться ко всему здесь сказанному. Может быть, это вам когда-нибудь и поможет...

"Школьные годы, чудесные...", да и студенческие были не хуже, есть, что вспомнить. Юность, молодость – как это все было прекрасно. В те далекие молодые годы время и пространство были спрессованы в такую гремучую смесь, плотность и взрывоопасность которой не поддаются описанию.

Радость и переживания, любовь и дружба, учеба и работа, путешествия и поездки...

Возвращаясь в те счастливые времена, раз за разом, год за годом не перестаешь удивляться тому, как же нам, и мне в частности, повезло в наше юное молодое время.

А если вернуться еще в более раннее время?

Я говорю о своем детстве. Вернее, о своем Даниловском детстве...

Даниловка. 1951 г. Юрочке 1,5 года

"Даниловское детство"

Сейчас модно ругать дома, построенные в 60-е годы 20-го века. Сначала их называли "хрущевками", пятиэтажками, а сейчас – даже "хрущебами".

Думаю, нет, уверен, так говорят те, кто никогда не жил в домах, даже не домах, а настоящих трущебах-подвалах. Для нас же эти пятиэтажки стали настоящими хоромами, отдельными квартирами со всеми удобствами после удобств "практически во дворе", за содержимым которых приезжали самые настоящие "золотари" с соответствующими машинами.

Наша семья переехала в отдельную двухкомнатную квартиру в 1962 г. Это была какая-то сказка, несмотря на маленький коридор, небольшую кухню и смежные комнаты. А особенно, первый этаж, да еще и без балкона. Да, раньше были балконы и на первом этаже, об отсутствие которого наша с братом Мама переживала почти всю свою жизнь.

Наша 30-метровая квартира на четверых (Мама, Папа, брат и я) казалась прежде несбыточной и недостижимой мечтой. Конечно, со временем многое менялось, менялись и критерии удобств. Но я никогда не забуду первого своего посещения этой нашей первой квартиры на Волхонке-ЗиЛ, на Котловской улице, затем переименованной в Симферопольский бульвар.

А как же Даниловка, где я прожил почти 13 лет, где прошло мое детство и детство брата, где родились и жили многие мои предки?

Конечно, как всегда мы волей-неволей идеализируем прошлое. Нам не хочется ходить в детский сад, но учась в школе, мы вспоминаем о нем с легкой грустью.

Мы не очень любим ходить в школу. Но, вступая во взрослую жизнь, с нежностью и какой-то щемящей любовью в мыслях возвращаемся в добрые школьные годы.

Самое интересное, что никакие такие разговоры и наставления для следующего поколения – не указ. У каждого свои "заморочки" с прошлым, но основной смысл остается общим для всех.

Сегодня уже ничего не осталось от нашего даниловского двора с его сараями и своеобразными строениями. Подольские переулки, окружавшие наш двор, стали непохожи на прежние, если совсем не прекратили свое существование. По Даниловскому валу и дальше по Дубининской улице к Зацепе и Павелецкой площади еще ходят трамваи мимо Даниловского монастыря, когда-то заброшенного, а теперь ставшего резиденцией Патриарха. Да и называется он теперь – Данилов, а не как прежде.

Строения нашего двора были самой разной комфортности: поднятые над землей на метр или наоборот, почти вросшие в грунт. Наше жилище относилось к последним. Говорят, когда-то здесь размещался скот, хозяин которого владел всем нашим двором. Когда мне было около одного года, в этом помещении сделали ремонт, перестелив все полы, и пол у нас стал дощатый и крашеный. Первое, что я помню из детства, что само по себе удивительно – именно тот самый ремонт.

Я носил в малюсеньком ведерке песок, подавая его через окно, едва приподнятое над землей. Я едва мог заглянуть через это самое окно и видел отсутствие пола в комнате.

Эти окна, а их, кажется, было три, выходили в маленький палисадничек. Не помню, что там росло на грядках, но очень хорошо помнятся кусты Золотого шара или Золотого рога.

Желтые, на высоких тонких стеблях, они очень нравились родителям, особенно отцу. Да и мы с братом, когда вспоминаем детство, обязательно вспоминаем об этих цветах, золотых шариках ярко желтого цвета, не таких красивых, как другие садовые растения, но от этого не становящихся менее дорогими и любимыми.

Почти у каждого строения были свои палисаднички. Одни – больше, другие – меньше, за низким или высоким забором, за которым, как правило, ничего существенного не росло.

Рядом с нашим палисадником рос ясень. Тогда он мне казался очень высоким и красивым. Его сложные листья, скорее ножки для листьев, позволяли делать так называемые самолетики. Они не летали, но очень были похожи на самолеты своими "крылышками" и "элеронами".

Сам двор казался мне в те годы огромным, образованным жилыми строениями с одной стороны и непрерывным рядом сараев с другой. В сараях хранились в основном дрова для отопления жилых помещений, иногда продукты и другой хозяйственный инвентарь. Помнится, мы хранили там зимой купленное молоко. Оно замерзало, но не до конца, и когда его приносили из сарая, приходилось толстую верхнюю ледяную корку очень долго разбивать, чтобы добраться до молока. А иногда растапливали и саму корку.

В комнатах было холодно, приходилось часто топить печку дровами. Пищу же готовили на газовой плите. Позже и печки переделали на газовую "тягу", что ненамного увеличило температуру в помещениях, но избавило от проблем с дровами. Хотя с дровами было конечно интересней и уютней.

В этом нашем помещении с общим входом (дом 3, кв.6) жили две семьи. Наша: Мама, Папа, я и младший брат (разница в 4 года) и сестра Мамы, тетя Галя.

Другая семья состояла из дяди нашей Мамы, Николая Ивановича Гаврюшина, его жены, тети Сони, их младших детей. Старшие: тетя Надя и тетя Капа жили отдельно. Младшая дочь, Любаша и младший сын Евгений с женой и дочкой Верой жили вместе с родителями. Николай Иванович был крестным отцом нашей Мамы, а его сын Евгений – моим крестным вместе с тетей Галей. Поэтому мы их всех звали крестными, каждый своих.

Даниловка. 1955 г.

* * *

Я пишу об этом, полагаясь только на свою детскую память, не выясняя и не уточняя подробности. Может я ошибусь в деталях и наличие некоторых персонажей того времени, в той "даниловской дали". Думаю, это не так страшно, важнее само ощущение времени, очень далекого уже, но еще недавно казавшегося таким близким и родным.

Но только многих, о ком я упомянул, уже нет в живых. И этот рассказ, как память о них и о моем детстве, в котором они были.

* * *

Даниловское детство заполнено и множеством приятелей, соседей по двору. В первую очередь, это "шишковчики", иначе братья Шишковы, Володя и Сергей. Они, кажется, были близнецами, похожими как две капли воды. Мало кто их различал, не знаю как на счет их родителей. Я, к удивлению многих и самого себя, всегда отличал одного брата от другого. Что-то было в каждом свое особенное: или выражение лица, мимика, или какие-то особые привычки, или манера поведения. Короче, их удивительное сходство не заставало меня врасплох. Хотя, и я, но очень редко, все-таки путал их. Думаю, они специально что-то такое делали для своеобразной маскировки.

Старшим, и при этом заводилой, был у нас Володя Смирнов. Выходец из интеллигентной семьи, воспитываемый своей одинокой мамой, он казался нам большим интеллектуалом, знатоком всяких "премудростей". Почему у него не было отца, мы не знали и по известным причинам не спрашивали. Или я что-нибудь забыл за эти годы. Бывая у него в гостях или днях рождения, мы пили крюшон или крем-соду и разговаривали на "умные" темы.

* * *

Маленький замкнутый мир нашего даниловского двора... Вся наша детская и подростковая жизнь проходила под аккомпанемент трамвайных звонков. Трамвайные рельсы проходили рядом с нашими воротами и калиткой, которые отделяли наш двор от улицы.

По Даниловскому валу ходили трамваи двух типов: маленькие одно вагонные, похожие на сегодняшние, как нынешние автобусы на автобусы тех лет и высокие двухвагонные, деревянные, с высокой подножкой и большими-большими окнами.

Этот маленький мирок казался огромным, квартал требовал для своего обхода не один десяток минут. Вдоль трамвайной улицы, мимо завода "Искра", далее по подольским переулкам. Здесь мы бегали, гоняли на самокатах, позже на велосипедах, катали перед собой ныне уже забытые колеса при помощи изогнутых палок.

Выход за эти пределы уже был большим путешествием: в сторону Большой Тульской улицы и карандашного завода и в сторону Павловской больницы и разных Павловских переулков. В одном из Подольских переулков находились две одинаковые школы: 728-я и 729-я. В первой из них мы учились до переезда на новую квартиру.

* * *

Недавно, после посещения Даниловского кладбища, что недалеко от бывшего жилища, я исполнил давно задуманное.

Я прошелся по оставшимся переулкам, вышел к школьным зданиям, превратившимся в какие-то училища. Меня поразило, что казавшееся в детстве таким большим и продолжительным в пространстве оказалось на поверку совсем маленьким. Путешествие вокруг квартала заняло несколько минут.

Расстояние от того места, где когда-то стоял наш дом, во всех направлениях: до Павловской больницы, до даниловского рынка, до парка за зданиями школ, оказалось совсем небольшим. В детстве все было по-другому. И это тоже понятно и объяснимо: тогда "деревья были большими"...

Я обязательно буду возвращаться к воспоминаниям о даниловском детстве. Хотя, это будет и довольно тяжело по причине моего тогда совсем юного возраста.

И время, и жизнь тогда были совершенно другими. Я жил в том временнОм пространстве, делал свои первые шаги, начал ходить в школу, делал первые удары по мячу и другие спортивные упражнения. Смеялся и плакал, общался с друзьями, взрослыми. Позже, повзрослев, я часто слышал разговоры многочисленных родных на природе и в застолье о даниловском житье-бытье. Многое – забылось, а спросить о чем-либо из того времени уже некого. А как бы хотелось с кем-нибудь из них поговорить, повспоминать, спеть, наконец.

Увы, это невозможно, может быть только мысленно...

И только в зрелости приходит понимание, что вот тогда-то и было настоящее счастье...

Январь 2011. Ясенево

"Почти не о чем - 2"

"Зрелость, если хотите, можно определить как возраст, в котором человек осознает, что должен умереть... и принимает приговор без страха".

Р.Хайнлайн

Когда я писал о любви, мне казалось, что я в этом кое-что понимаю. Хотя кто-то и не согласится с моими размышлениями о "любить-нравиться" и выводами из этих размышлений. Но они открывают широкое пространство для новых размышлений уже самого читателя. А, может, у него уже готовы ответы на все мои вопросы. Каждый, думаю, счастлив и несчастлив в любви по-своему.

А вот, если говорить "о вечном", о котором надо все время "помнить", здесь житейский и прочие опыты могут забуксовать. И в этом вопросе каждый сам себе судья, прокурор и адвокат.

Вы уже конечно догадались, что я хочу поговорить о смерти. О том неизбежном, что всем нам уготовила жизнь, как это и не грустно осознавать. Замечу, я не буду касаться религиозных сторон этой категории.

Философский аспект этого вопроса также достаточно сложен. Предопределенность финала и его непредсказуемость противопоставлены некой неопределенности, судьбе, наконец.

И что было бы лучше: знать все наперед, то есть, ДЕНЬ и ЧАС или НЕТ?

Обычно о таких вещах говорят врачи. И то, в крайнем случае, и не тебе самому, а если и тебе, то в самый последний момент или когда очень попросишь.

* * *

... Прочитав выше написанное, я подумал, что прежде и не мог бы такого написать. Скорее всего, некий возрастной и психологический рубеж мною уже преодолен. Возможно, это связано с выходом на "передовые позиции" всех моих оставшихся родных. Мы, братья, сестры, жены и мужья стали следующим за нашими папами и мамами поколением, которому предстоит держать "свой удар", при этом оставаясь "надеждой" и "опорой" для следующего поколения наших родных и близких.

* * *

Человек очень мудро устроен по отношению к финальному аккорду своей жизни.

В раннем детстве он и не догадывается о том, чем все это кончится. Чуть позже он становится в этом отношении оптимистом: кто угодно, только не я. В молодом возрасте, уже осознав неизбежное, при подсчитывании возможных оставшихся лет, человек гонит от себя эти мысли. Тем более, цифры эти какие-то нереально большие.

Когда-то, двадцатилетним, думая о своем шестом десятке, не мог себе представить, что это будет в другом веке и даже тысячелетии.

Когда же человек начинает всерьез задумываться об **этом**?

Ясно, что тогда, когда он болен, неизлечимо, смертельно. Хотя, думаю, что и в этом случае надеется на продление своего срока.

Старый пожилой человек не может не думать об этом последнем мгновении. Но где эта граница, переступив через которую становишься пожилым? Или такое качество можно обрести в не таком, уж серьезном возрасте?

А может на такое понимание человека толкают какие-либо события в его жизни? Возможно смерть родного близкого человека или старого верного друга?

Скорее всего, к каждому взрослому человеку такое понимание приходит по-своему, и это не зависит от возраста. Но когда оно, к сожалению, приходит, вот тогда человек и вступает в какой-то другой отрезок своей жизни.

Это еще не старость, но, увы, уже и не молодость. Может это называется зрелость, может как-то по-другому. Но в любом случае это доставляет мало радости, к этому долго привыкаешь, а, привыкнув, начинаешь считать свои годки, оценивать свою прожитую жизнь, и то, что ты еще можешь сделать.

Процитирую еще одно высказывание Роберта Хайнлайна: "Ничто не свидетельствует о том, что жизнь не оканчивается после смерти. Ничем не обосновано и обратное. Ты узнаешь все сам, причем достаточно скоро. О чем же беспокоиться?"

Конечно, стараешься быть оптимистом. Плохо, когда это у кого-то не получается. Но в любом случае позади гораздо больше, чем впереди. Это грустно, с этим приходится жить, с этим приходится мириться. Конечно, не впадая в отчаяние, продолжая трудиться и отдыхать, творить и создавать, ошибаться и находить, любить и ненавидеть. За этими делами забывая обо всем печальном.

Но так уж мудро устроен человек. И это придает высокий смысл и его ошибкам и достижениям.

* * *

Более искушенный в этом вопросе читатель и более "зрелый" подумает, что написавший все это еще слишком молод, чтобы рассуждать о таких вещах. Но мне кажется, что тема подоспела очень вовремя.

Несколько позже этот самый переход к зрелости покроется возрастной "дымкой" и старость, простите зрелая мудрость, станет напоминать простую усталость. Некоторые признаки ее уже проявляются, но пока еще не очень сильно.

И есть еще и "пороховницы", и их содержимое, есть чем поделиться с родными следующего поколения. И пусть не назидательно и на собственном примере, но стоит показать, что в жизни много есть хорошего, что нужно сохранять оптимизм, в любых ситуациях оставаться человеком, передавать эту эстафету своим детям, а нашим внукам.

Мне думается, все эти мои "письмена" посвящены именно этому. Притом, что я никогда не претендовал на роль учителя и наставника. Но опосредственно, через свои опусы мне всегда хотелось донести до читателя то светлое и доброе, что, несомненно, было, есть и будет в нашей жизни и, надеюсь, в жизни наших потомков.

Многие непрофессиональные сочинители пишут подобные этим моим "запискам". И я думаю – гораздо лучше. Пишут и мемуары, и рассказы, и более масштабные произведения. Но практически исчезло когда-то очень популярное искусство. Я говорю об эпистолярном наследии.

Это не беллетристика и не мемуары. Это своего рода письменный диалог, который сейчас заменили другие средства общения. А ведь написание писем предполагает своеобразное умение, которое нужно оттачивать и которое позволяет на расстоянии ощутить присутствие твоего коллеги, друга по переписке. А главное, поделиться сокровенным, тем, что в обычном разговоре не всегда решишься высказать вслух. При этом, написанное в письме живет все-таки дольше, и ответственность за написанное гораздо выше.

Я тоже хотел внести свой вклад в это не очень ныне модное дело, но...

Николай. Игналина. Конец 80-х

"Неотправленное письмо"

Коливец, привет!

Это, наверное, первое большое письмо из нашей несостоявшейся переписки. Хотя, были немногочисленные письма армейские и в Москву и из Москвы. И, кажется, были письма, когда мы оба служили в ГСВГ.

Короче говоря, будем считать это письмо первым. Тем более, я сейчас не в Москве и есть время поделиться мыслями с тобой.

Чем дальше, тем все больше я осознаю, что мало уделял внимания своему младшему брату, т.е. тебе. Особенно это относится к периодам моего "разного" созревания, когда я бросился с головой во "все тяжкие".

Конечно, эти "тяжкие" были и легкими, и приятными, и притягательными, и переживательными. Но они породили и мое увлечение гитарой и песнями, их сочинением, что, я думаю, нет, уверен, ты очень одобряешь, будучи моим главным рецензентом.

Но, надо сказать, что этот период и для меня был очень напряженным. Пять лет учебы в институте, одновременно работа, сначала на "Чайке", а потом (и до сих пор) в ВЦ. Все воскресенья (полностью) у нас проходили занятия в институте на Пироговке. Кроме этого, два-три дня – учеба по вечерам.

Работа на Чайке, хоть и не очень напряженная, отбирала порой и субботы. А в ВЦ, сменная, в том числе и ночная, работа давали мало повода для наших общих встреч и дел.

Поездки, организуемые И.К.Калабиным, не давали нам возможности провести с тобой время и где-нибудь на природе. Но когда мы начали ездить самостоятельно, тут все изменилось.

Помнишь 1970 г., твоя первая, и конечно не последняя, Игналина! Тебе не было и 17-ти, когда это произошло.

Затем, наша служба в армии, моя женитьба и рождение Женьки – все это не способствовало нашему с тобой общению.

Я не оправдываюсь, а просто хочу объяснить случившееся в те годы. Хотя нет, конечно, оправдываюсь, и "нет мне никакого прощения".

Но, не так все и плохо, по-моему...

Вспоминается дача в Одинцово, нами снимаемая у тети Фани и ее мужа, Николая Ивановича, инвалида по зрению, но замечательного столяра. Мы жили там все лето, июнь – с мамой Олей, июль – с папой Павлом, а август – иногда и одни, опекаемые хозяевами или другими родными.

Мне запомнились почему-то года, когда мы сами готовили себе еду на керосинке, ходили за грибами и по возвращении раскладывали их на столе по сортам и величине и считали. Когда на выходные приезжал кто-то из родителей, мы докладывали и о наших достижениях.

Помню, как таскал тебя на плечах и "закорках" и при этом напевал какие-то песенки. Почему-то в памяти остались эти "концерты" в нашей любимой дубовой роще.

Помнишь, несколько лет назад мы с тобой съездили в Одинцово, и наш перекус был как раз на опушке этой рощи, она осталась на месте. Хотя, все-все изменилось до неузнаваемости.

Были мы с тобой и на наших любимых трех прудах.

Из них только "дальний" не очень сильно изменился. "Средний", что в лесу, совсем захирел и превратился в маленькое болотце. А "ближний", который был рядом с карьером, заросшим иван-чаем, превратился в регулярный пруд перед местным горсоветом, в пруд с гранитными берегами.

Мы мало нашли с тобой знакомого в эту нашу поездку. Но все равно я рад, что мы это сделали.

А наши любимые игналинские озера!

У нас с тобой было десять общих водных походов, и ты был самым главным моим игналинщиком, главным костровым, главным "молчальником", а в конце – воспитателем Женьки и Дамира.

Ездили мы с тобой и в Пицунду, в Лидзаву, к морю, где ты учил плавать моего сына.

И, что очень важно, съездили вместе в Пермскую область, на сплавные работы, на заработки. Правда, мало что заработали, но это не главное.

Конечно, мне в этом смысле повезло больше.

У меня были замечательные поездки и командировки по моей работе в ВЦ. Но, мне кажется, что и тебе есть чем похвастаться в этом плане.

Но больше всего мне запомнились наши с тобой "домашние игры". Наше увлечение игрой в настольный футбол привлекало и моих одноклассников: Валеру Чукарева, Вову Ширяева, Валеру Лавыгина. Мы проводили многочисленные серьезные турниры, в которых ты, как правило, выходил победителем. Жаль, что не сохранились те половинки школьных тетрадей, где мы фиксировали все результаты. Вот бы ты порадовался.

Как-то нам с тобой подарили железную дорогу: небольшую, с заводным (не электрическим) тепловозом, с вагончиками и вагонетками. Нас сразу не устроило движение состава по круглому и овальному замкнутому пути. Мы создавали разные конфигурации из рельс, но паровозик мог бегать и просто по полу. Это дало нам с тобой возможность создать нашу "Станцию **ЮК**ола" с нами же придуманным флагом (флаг опять же не сохранился).

Мы запускали наш заводной паровозик, заставляли его прыгать с трамплина, преодолевать различные препятствия. Много он у нас настрадался за время испытаний.

Кстати, о флагах.

Для наших дальнейших планов нам необходимо было сделать множество маленьких флагов разных стран мира. Это занятие дало нам возможность больше узнать об этих государственных символах. С тех пор, правда, появилось множество новых стран, многие исчезли с карты мира. Но все равно, то прошлое знание не прошло бесследно. А флаги эти нам были нужны для проведения всевозможных настольных и "напольных" соревнований в рамках придуманных нами олимпиад и чемпионатов мира.

Это были и соревнования по конному спорту, конькам, баскетболу, плаванию с использованием в т.ч. игральных костей. Но самым нашим любимым занятием с тобой был напольный футбол.

Игроки были шахматными пешками, в качестве вратарей выступали пластмассовые линейки. Ворота изготавливал ты сам из элементов металлоконструктора. И сам же изготавливал из марли, тюля или других материалов сетки для этих ворот. Этому ты придавал, как помню, особое значение.

В качестве "мячей" у нас использовались всевозможные пуговицы, фишки от настольных игр и прочая фурнитура. Совсем забыл, чем мы щелкали эти "мячи", заставляя их "летать" по полю и залетать в ворота. С тех самых пор пошло твое любимое выражение: "Это Бразилия!".

А вот футбол и московский Спартак нас с тобой связывают очень прочно. Долгое время мы ходили на футбол, чаще всего в Лужники, но посещали и другие стадионы. Мы – ярые болельщики нашей любимой команды. Последние годы она нас, к сожалению, не очень радует.

Начатую мной коллекцию значков, посвященных футбольному Спартаку, ты успешно пополнял долгие годы без моего участия, посещая разные места, где это можно было осуществить. Сейчас ты немного остыл в своих поисках, но коллекция получилась отменная.

Совсем недавно мы с тобой начали записывать на магнитофон наши воспоминания о футболе, о Спартаке, о нашем “болении” и о том времени. Предстоит еще много работы по обработке этого материала. Но это с моей точки зрения хорошее начинание.

У меня есть еще небольшая запись "интервью", которое я провел с нашей Мамой Олей. До сих пор жалею, что не продолжил эти записи. Их до неприличия мало, но и их тоже нужно обрабатывать.

Вот я и коснулся грустного.

Нет уже нашей мамочки, как ты ее называл. Очень быстро она "сгорела", буквально в два месяца. Рекомендации лечащего врача, помещение ее в больницу – после возвращения домой она прожила всего три дня. Ушел из жизни жизнелюбивый человек, оптимист, веселая певунья. Просто наша Мама...

Ты долгие годы после моей женитьбы и смерти нашего отца, Павла Ивановича, один жил вместе с мамой, всячески её опекая и ухаживая за пожилым человеком. В свою очередь, и тебе было, я думаю, комфортно с такой материнской опекой.

Так получилось, что личная жизнь у тебя не сложилась, и ты переживаешь по этому поводу. Да еще всякие "революционные" события, происходящие в нашей стране, не придают тебе дополнительного оптимизма. Все это действует на тебя не самым лучшим образом и подвергает новым испытаниям.

Выдержишь ли ты их? Не знаю.

Ты как-то воскликнул в разговоре со мной: "За что мне все это, я же не сделал никому ничего плохого?!"

Я долго думал над этим твоим вопросом. И о своей жизни тоже. Может быть, не делать ничего плохого – мало? А надо делать как можно больше хорошего, невзирая ни на что?

Но это уже философские рассуждения, а мы с тобой, как говорится, "университетов не кончали", и жить нам осталось не так уж и много.

И оценят наши поступки близкие и родные, другое поколение…

...если конечно о нас будут помнить или хотя бы изредка вспоминать.

Твой старший брат.

* * *

Это письмо не дошло до адресата, да оно и не было отправлено. Скажу больше, оно даже не было закончено при жизни брата, хотя предполагалось вставить его в очередную книжку.

Да, ушел из жизни еще один близкий мне человек, последняя ниточка, связывавшая меня с тем далеким даниловским детством, родителями, их родственниками, с прошлой жизнью.

Это неотправленное письмо как память, "последнее прости" младшему брату, только подтверждающее истину, что все надо делать вовремя, не откладывая на потом.

То же произошло и с одним моим стихотворением, посвященным брату и начатым еще при его жизни. Я хотел закончить его к одному из дней рождения Николая, но так и не успел. Заканчивать его уже пришлось не в грустных тонах, а в очень печальных и трагических.

* * *

Нам от детства осталось немного:
Монастырь за кирпичной стеной,
Да трамвайная рядом дорога,
Да заводик, совсем небольшой.

Переулков подольских – без счета,
Да и павловских было не счесть...
Детство манит к себе безотчетно,
Шлет из прошлого добрую весть.

Нам немного от детства осталось:
Запах сена, да роща дубов,
Два шоссе, три пруда, скажешь – малость?
Ну, а сколько там было грибов!

Пусть не детство, а юность, пожалуй...
Но не даст мне солгать мой дневник,
Хоть каких нам наград не пожалуй,
Не сменяем озера на них.

Нам немного осталось от детства:
Там и Тульская и Духовской,
Там родные, там Мама, Отец там –
Память жизни и скорби людской.

Неизбежность потерь... Поколенье,
Что уходит в назначенный час,
Дарит нам эстафету творенья
Новых судеб, характеров, фраз.

Нам от детства осталось... Осталось...
Да, теперь уж не нам, только мне.
Просто в детстве все вечным казалось,
Оказалось – конец по весне...

* * *

Мне ж от детства осталось так много,
Все не буду я вновь повторять.
Только светлую в детство дорогу
Без тебя не смогу отыскать...

9 апреля 2007 г.

Послесловие ко 2-ой части

Вот подошла к концу и вторая часть повествования.

Она не должна была так закончиться. Хотелось еще раз вернуться к рассказам о друзьях, коллегах, к воспоминаниям о родных.

Но после "Неотправленного письма" рука не поднялась писать дальше. Все откладывается на потом, это значит – будет третья часть.

За время написания 2-ой части ушел из жизни любимый младший брат (Рогов Николай Павлович, 18.12.53 - 09.04.06).

Наша "великолепная шестерка" уменьшилась до 4-х человек: умер Борька (Гаврилов Борис Михайлович, 31.12.48 - 18.08.06).

Не стало Миши Копытова (Копытов Михаил Анатольевич, 14.10.37 - 29.10.08).

В день похорон Миши ушла из жизни Танечка Христьяновская (Христьяновская Татьяна Васильевна, 20.05.45-01.11.08).

Этот период оказался каким-то очень печальным и трагическим. Скорбный список можно продолжить. Родные, друзья, коллеги – мой долг помнить о вас, рассказывать другим о вашей жизни, в том числе в своих записках. Я это просто обязан сделать и как человек, и как "летописец местного масштаба".

Другой вопрос, насколько хорошо мне удастся это сделать, но я буду очень стараться и за себя и "за того парня".

К тому же я не могу бросить начатое дело и буду продолжать его несмотря ни на что. Как и придумывание стихов и песен. А песен у меня уже 75 штук, но до сотни, мною запланированной, еще далеко, и нужно торопиться, чтобы исполнить задуманное.

Но все-таки самое трудное – это писать прозу.

Не могу здесь не процитировать замечательного писателя А.Рыбакова. Вот, что он писал о труде прозаика.

"Когда я был молодым человеком и только начинал писать, я был одержим, как всякий начинающий, придумывал для себя правила как писать, когда, в какое время, в какие часы, и я придумал такой девиз: "Чтобы писать, надо писать".

Девиз наивный, конечно, графоманский, но, все же, я до сих пор верен ему.

Писатель, особенно прозаик, – это рабочая лошадь, которая тащит в гору тяжело нагруженный воз. Или дотащит его до вершины, или упадет по дороге. И надо тащить, не обращая внимания на понукания, критику, хвалу и клевету".

...Так что нужно накапливать силы и темы, чтобы одолеть свою "гору" со своим "возом", и может быть успеть к "вершине", не обращая внимания на...

Конец второй части

Лето 1955 г. В детском саду

Характеры и судьбы
Часть третья

"Критик – это человек, который не создает ничего, но чувствует себя вправе оценивать работу людей созидающих. В этом есть логика: он судит непредвзято и ненавидит всех созидателей в равной степени".

Р.Хайнлайн

Предисловие к 3-й части

Предваряя очередную часть своего повествования этим эпиграфом, я ничего плохого не хотел сказать о тех, кто, конечно же, находит в моих писаниях множество недостатков.

Но и ничего хорошего в их адрес я говорить не буду. Что есть, то есть. Графомания с каждым новым написанным опусом во мне не унимается, и пока я не вижу, когда эта мания меня отпустит. Муки творчества и его сладость, сам процесс создания новых строк, абзацев и глав – все это необходимые составляющие труда "литератора".

Но вы понимаете, что я, ни в коей мере, себя к этой категории не причисляю. Я просто размышляю, вспоминаю, выдумываю иногда, и из всего этого и рождается что-то, что я, может быть неудачно, назвал романом. Ну, что ж продолжим размышлять...

Размышления – это одно. Процесс написания – совсем другое. Вот что писал об этом Виктор Конецкий в своем произведении "Никто пути пройденного у нас не отберет".

"...Конечно, много раздумывал о грядущем сочинении, но ПИСАТЬ ничего общего с раздумываниями и придумываниями не имеет. Если бы раздумывания с писанием имели бы много общего, все люди стали бы писателями".

Конечно, и у меня написанию предшествуют размышления, но я согласен, что писание – это особый процесс. И начало этого нового процесса, вы не поверите, относится совсем не к Звенигороду. В Звенигороде были только размышления и работа с магнитофонной пленкой, где были записаны наши разговоры с братом. На несколько дней я "погрузился" в прошлое, слушая себя и брата, как будто сам здесь и сейчас участвуя в этом разговоре.

Я не могу словами передать, какие я испытывал чувства, временами забывая, что это только магнитофонная запись. Смеясь вместе с собеседниками и заново переживая все перипетии и события прошлых лет, я вдруг спохватывался, и память об умершем брате заставляла прерывать эти разговоры, выключать запись и приводить в нужное состояние себя, свои эмоции, чтобы затем вновь погрузиться в незабываемое и невозвратимое.

Но этот разговор уже в печатном виде еще впереди, как и многое другое из задуманного.

А теперь несколько слов "о себе любимом".

Может быть, кого-то смущает эта моя фраза, которую я часто к месту и не к месту употребляю.

Вот здесь я хочу процитировать мною уважаемого Роберта Хайнлайна: "Если ты не любишь себя самого, другие тебе тоже не понравятся". Вы догадываетесь, что мне симпатичны как первый, так и многие другие.

Итак, о себе.

Из "вечно юного" я, волей-неволей, перешел в разряд "вечно молодых". Другими словами, я стал пенсионером, "разменял" седьмой десяток, получил Пенсионное удостоверение с соответствующим "довольствием" и "Карту москвича" с бесплатным проездом на городском транспорте.

Но пока свой родной ВЦ не покинул, тяну лямку системного администратора, но уже не один, а вместе с молодым специалистом Андреем (выпускником МЭИ).

И уже проблематично ответить на вопрос, кто из нас важнее "для современной истории" ВЦ, или кто будет "более этой истории ценен". Но чувствуя пока еще свою полезность и нужность, продолжаю нести трудовую вахту, надеюсь на пользу институту и "государству".

Тут я сразу вспомнил слова героя моего любимого фильма "Верные друзья", академика "Василь Василича Нестратова" (героя В.В. Меркурьева). Он говорил: "Беречь себя надо, для людей, для государства".

Вот я и стараюсь делать то же самое. Не знаю, сколько это продлится, но буду очень стараться, чтобы подольше. В любом случае жизнь продолжается, как и написание этого "романа".

В этой части будут "подняты" новые темы, но никуда нам не деться и от старых любимых: "От Омара до Хайяма", "Почти не о чем". "О друзьях" можно говорить бесконечно, вот и поговорим.

В этой новой книжке я хочу подробнее поговорить о своих самых близких родственниках, о своих предках, тех, кого уже нет в живых и о ком очень хочется вспомнить, вслух "помечтать о прошлом", помянуть, в конце концов, они того заслуживают.

В этом плане, думаю, будут уместны записи наших разговоров с Мамой и Братом, о второй я уже упоминал.

А главное, есть же воображение некая скрытая память, надеюсь, они тоже помогут.

Таким образом, "Даниловка" и "Даниловское детство" продолжаются. Но не буду забегать вперед, вы все сами прочитаете и оцените.

* * *

Прежде, чем перейти к повествованию, представлю на ваш суд свою "Автобиографию". Таковых было написано немного: при поступлении на работу, к очередной аттестации, при вступлении в разные "общественные" организации. Хотя чаще всего это были все-таки характеристики с указанием моих "достижений" и положительных качеств.

Кстати, чаще всего это все писалось моим начальником, надеюсь другом, Мишей Копытовым, в том числе и моя профессиональная характеристика на моей страничке на сайте ВЦ РАН (www.ccas.ru). Это уже современность, Интернет, всемирная паутина и собственно моя работа. Так с чего же все это "безобразие" началось...

Автобиография автора, с отступлениями, написанная непонятно зачем, может быть в назидание потомкам, может быть для удовлетворения собственных амбиций (не будешь же о себе писать плохо), а может быть для того, чтобы в концентрированном виде в качестве обобщения всего написанного ранее...

Пока дописывал заглавие, забыл уже, что было в его начале. Надо сказать, всё мною написанное, зарифмованное, спетое и сыгранное – и есть моя настоящая биография. Работа и отдых, детство и юность, молодость, зрелость и т.д., учеба в институте и приобретение профессии, дружба, любовь, обретения и потери – "были радость и грусть, было многое". И многое-многое другое. И все-таки...

Я, Рогов Юрий Павлович, родился 27 декабря 1949 г...

...вообще у нас почти все были "зимние": брат родился 18 декабря, тетушка Галя, сестра Мамы – 21 декабря, отец, Павел Иванович – 3 января. Вот только Мама, Солнцева Ольга Александровна "подкачала" – 1 июля.

...в Москве, в Даниловке. Первый адрес моего проживания - Даниловский вал, дом 3, кв.6, что между Даниловским монастырем и Даниловским же рынком...

...о своих родителях и других родственниках я расскажу отдельно.

Жили мы, скажем так, в плохих условиях, но с точки зрения материальной – по тем временам, более и менее, неплохо. Пока не родился младший брат Николай (1953 г.) семью обеспечивал Отец, инженер-конструктор ВИМСа, а позже и Мама, выйдя на работу (с 1955 г., п/я, магазин "Галантерея"), хотя жили мы довольно скромно и экономно...

...вот такому образу жизни я, наверное, научился у Мамы

.

В сентябре 1956 г. я пошел в школу (N 728). Мне не было и семи лет, но я уже прилично читал, был очень разумненьким мальчиком. Но главную причину моего "отдавания" в школу обосновала Мама: "Раньше пойдешь в школу – раньше начнешь зарабатывать деньги". Она как в воду глядела: я "с 16-ти лет за станком". И это несмотря на то, что я был очень маленького роста, и портфель мой "волочился по земле".

Учился я с переменным успехом, но четвертый, последний класс начальной школы закончил круглым отличником.

Как и многие школьники, я помню свою первую учительницу с 1 по 4 классы: Шануренко Антонина Прокофьевна.

По окончании каждого из этих 4-х учебных годов нам (может быть не всем) дарили книги, в том числе и мне. После первого класса Сказки братьев Гримм, а далее "Кон-Тики" Тура Хейрдала и "Ямал – край Земли". Четвертая книга в памяти не зафиксировалась, а из 4-х книг в наличие остались только Хейрдал и Ямал. Наверное, оттуда моя любовь к книгам и чтению?

5-й и 6-й классы помню плохо: большое количество учителей, кабинетов, предметов – все это признаки уже средней школы. Но помнятся активные занятия физической культурой, как во дворе, так и в школьном спортивном зале.

В сентябре 1962 г. я перешел в соседнюю 729 школу, но проучился здесь всего две недели. С Даниловки мы переехали на новую квартиру на Волхонке-ЗИЛ, и я пошел учиться в школу N 546, в 7-й класс.

После 8-го класса была неудачная попытка поступления в Радиотехнический техникум, далее возвращение в 9-й класс той же школы, самый приятный и беззаботный старший класс. После его окончания и замечательной поездки в Прибалтику и Ленинград (включая Игналину) был переход сразу в 11-й класс нашего любимого учителя, учителя математики, "классного папы", Игоря Константиновича Калабина.

В 1966 г. я успешно (но без медалей) сдал экзамены на аттестат зрелости, сразу, же поступил в МГЗПИ (педагогический ВУЗ) на вечернее отделение и одновременно на работу на завод "Чайка", переименованный позже в Опытно-экспериментальный школьный завод, что полагалось для вечернего обучения.

В апреле 1968 г. перешел в Вычислительный центр АН СССР (РАН), где и тружусь по настоящее время (на момент написания этих строк).

В 1971 г. окончил институт, и тут же был призван в ряды Советской Армии, где служил в ГДР (ГСВГ) и демобилизовался в конце 1972 г. В начале 1973 г. (3 января) вернулся в свой любимый ВЦ, в котором дослужился уже до должности Главного специалиста по ИВС (информационно-вычислительные системы).

Семейное положение – женат (с 1 июня 1974 г.), жена, Рогова Сакиня Мавлихановна (Неоманова), сын, Евгений, родился 25 марта 1975 г., пока не женат.

Родители умерли: Мама (1 июля 1919 г. – 23 июля 2002 г.), Отец (3 января 1913 г. – 25 марта 1981 г.), брат Николай (18 декабря 1953 г. – 9 апреля 2006 г.).

Награжден медалью "К 850-летию Москвы", что позволило мне стать "Ветераном труда" с соответствующими льготами.

Увлечения (хобби).

В юности увлекался походами, в основном водными (лодки, байдарки, плоты), вплоть до 1989 г. С 15 лет начал учиться играть на гитаре – до сих пор учусь. Сочиняю песни на свои слова и на слова других авторов, пишу стихи (очень мало) и всяческую прозу. Долгое время был книголюбом-книгоманом, до сих пор слышны отголоски увлечения.

Краткая характеристика: однолюб, не люблю революций и всяких перемен, конфликтов. Кажется, добрый, веселый, не злопамятный. Но может быть – "хороший мужик, но не орел"... (но это – по секрету).

* * *

Я думал, что биография будет длиннее, но как я уже говорил, все мои песни, стихи и книжки фактически – автобиография. Так что продолжим ее написание уже в следующей главе...

1949 г. Даниловка. Папа и Мама

Родословная

У каждого человека должны быть Папа и Мама (я имею в виду родителей). У них же в свою очередь, тоже по Маме и Папе у каждого. Так что и у нас с братом были две бабушки и два дедушки.

Но так уж вышло, что трое из названных выше умерли еще до нашего рождения. Мы же росли вместе (жили, правда, раздельно) с одним дедом, Александром Андреевичем Солнцевым (31.03.1895 - 17.10.1965), отцом нашей Мамы Ольги Александровны Солнцевой.

Его единственного мы называли Дедом, а бабушка, его первая жена и мама нашей Мамы (Мария Ивановна (Гаврюшина), 1899-1932) умерла очень рано, когда нашей Маме было 12-13 лет, и на ее руках остались еще два брата и две сестры, все младшие: Лида, Костя, Саша и Галя, самая младшая и тогда еще совсем маленькая.

О тете Гале (Галине Александровне Солнцевой), о своей любимой тетке я уже немного писал. Очень разные судьбы у всех детей нашего Деда.

Константин (1923-?) и Александр (1924-1982) женились и уехали из Москвы, первый – в Красноярск, другой – в Мурманск. Из Мурманска с женой и детьми дядя Саша приезжал в Москву в гости, а вот Константина я не помню, и может быть, даже не видел.

Лида (1921-1942) погибла во время Великой Отечественной Войны под Рязанью, подробностей от своих родных я как-то не слышал. Что интересно, в семье моего отца также было пятеро детей, насколько я знаю (из них одна сестра точно).

Следует отметить, что родню со стороны Мамы я знаю лучше, а родных со стороны отца тогда в живых осталось очень мало.

Одна из них родная тетка отца: Елизавета Федотовна Петрова. Мы ее называли тетя Лиза (почему-то не баба Лиза), а еще с подачи Мамы тетя Лиза-отцова. Была еще у нас тетя Лиза-дедова, но о ней чуть позже.

Вернемся к родным по линии Мамы, бабушки Марии. Здесь данных гораздо больше, чем по другим "линиям". Во-первых, со многими этими родными мы долгие годы жили вместе, встречались, праздновали и скорбели.

Во-вторых, здесь можно говорить о самом известном пращуре нашей семьи, прадедушке Гаврюшине Иване Дементьевиче (1871-1947), отце бабушки Марии. У Ивана Дементьевича кроме нашей бабушки было еще несколько детей от первой жены Гликерии (умерла в 1912 г.):

– Николай (04.04.1897-01.11.70), крестный нашей Мамы Оли, с которым мы жили вместе в Даниловке, а затем на Волхонке-ЗИЛ, ("Николай Иванович");

– Екатерина (1900-1982) (в 1-ом замужестве Лобанова), ее дочь Лиду, в замужестве Бируля (муж Николай Иванович Бируля) мы очень хорошо знали, часто виделись и дома и в гостях и одно время дружили с ее сыновьями, Николаем и Володей;

– Антонина (?-?) (в замужестве Глушкова, муж Андриан Никитич), их дети Валентин, Нина и Инна. Ниночка и Инночка, как их называла наша Мама, прожили очень сложную и трагическую жизнь с потерей близких, детей, но остались очень милыми и добрыми, последние годы своей жизни проживали вместе вдвоем, поддерживая друг друга, и умерли практически сразу друг за другом. Кстати, Инночка (Инна Андриановна) была самой младшей из всех двоюродных сестер нашей Мамы.

А сейчас я хочу прервать рассказ о своей родословной. Хотя это не совсем так и последующий "разговор" добавит к этим описаниям может быть и не очень много, но как, же дорог мне этот разговор.

...Еще раз хочу повториться: все надо делать вовремя, не откладывая на завтра. Есть вероятность, и очень большая, что не успеешь сделать то, что задумал...

Каждый человек – целая вселенная. И с его уходом из жизни эта вселенная умирает вместе с ним. Но вместе с человеком и его вселенной умирает что-то неуловимое, может быть не такое глобальное в космическом смысле, но редкое и только ему присущее. Это касается и его близкого окружения, которое теряет не только родного и любимого, но и какие-то вроде бы несущественные мелочи, связывавшие их между собой.

Какой-то эпизод, событие в жизни, о котором знали только они одни и о котором могли посплетничать только друг с другом. "А помнишь?" – хотелось бы сказать, но сказать уже некому и помнить теперь можешь только ты один. Так из жизни, но не из памяти исчезают минуты, дни, события, случаи, забавные эпизоды, мелодии, футбольные истории, радиопередачи.

И пусть в этом случае исчезает не целая вселенная, но от этого не легче и может быть это гораздо труднее пережить, так как об этом вспоминаешь постоянно, с этим надо жить и никуда от этого не деться...

Разговор с Мамой

Я давно хотел и много раз собирался записать, либо зафиксировать на магнитной пленке воспоминания Мамы о нашем с Братом детстве, о ее собственном житье-бытье, о нашей Даниловке, о родных и близких. Один, всего лишь один раз мне удалось получить мамино "интервью" и записать его на магнитофон.

Включил я запись не сразу, хотелось вначале разговорить Маму. А затем, незаметно, я включил магнитофон.

Запись получилась сумбурная, с повторениями, возвращением к уже начатым темам. И Мама, к сожалению, к этому времени не помолодела, и память и речь ее были не очень четкими. Не сразу она вспоминала очевидное даже для меня, а я, в свою очередь, задавал ей наводящие вопросы.

И оказалось, что в нашем разговоре, малоинформативном, была лишь одна удивительная история из маминого детства.

Эту магнитофонную запись я несколько сократил, позволив себе прокомментировать непонятные по разговору высказывания. Еще раз хочу подчеркнуть, очень жаль, что не продолжил эти свои исследования, да и Мама после этой нашей записи прожила совсем не долго...

Курсивом в этих записях отмечены мои комментарии.

* * *

.....

Мама: Улица идет, знаешь куда..., вот она идет..., линия идет в Бирюлево, недалеко...

Юра: Булатниково и т.д.

М: Да, да.

Ю: По Павелецкой... *(Далее разговор переключился на давнюю знакомую нашей семьи, Наталью Георгиевну)...*

Ю: А Наталья Георгиевна, она тоже жила там, на Даниловке?

М: Она жила там, где монастырь (*речь идет о Свято-Даниловом монастыре, мы его тогда называли Даниловский*).

Ю: Даниловский, что ли?

М: Не там, где наши похоронены, а где мы жили..., где "Искра" (*Мама говорит о Даниловском кладбище, что в Духовском переулке и о заводе "Искра" рядом с нашим домом, "заводик совсем небольшой").*

Ю: Там был какой-то проулок, там колонка была? (*где мы набирали воду*).

М: Да, да, там церковь была, где венчали, где крестили.

Ю: А где же там церковь была?

М: Потом ее закрыли (*так я и не понял, где была эта церковь*).

Ю: Выходишь из нашего двора, поворачиваешь налево... дальше начинается переулок к заводу "Искра"...

М: Павловская улица.

Ю: Какая Павловская? Разве это называлось Павловской? (*Я перепутал Павловскую улицу с Дубининской, которая являлась пропродолжением нашего Даниловского вала. Здесь мы долго это выясняли*).

Ю: Такая неказистая улица. А дальше справа больница была?

М: Да, больница. А тут был... там эти жили... солдаты.

Ю: Казармы... Это было дальше, с левой стороны от школы. (Параллельно *Павловской улице шла другая, Подольская, ныне Подольское шоссе, на которой находились Чернышевские казармы. Павловская улица и Подольское шоссе соединялись незадолго до Добрынинской площади, около завода Ильича*).

Ю: А как там всякие переулки? Подольские и другие? (*Мама долго вспоминает об этих переулках и об их количестве и говорит о трех таких переулках) ("переулков Подольских – без счета, да и Павловских было не счесть"*).

Ю: А четвертого не было, только три было?

М: 1-ый Подольский – наш, пересекал 2-ой Подольский, а у школы был третий, что выходил к казармам, к Люсиновской улице (*на вопрос о четвертом Мама четко ответила – нет*).

Ю: Нет, Люсиновская шла у универмага.

М: Я сейчас вспомню... (*вспоминаем вместе*).

Ю: По порядку: тут были такие – Мытная-Житная (*на самом деле Мытная*), дальше была Серпуховская, дальше Люсиновская, а дальше, наверное, была Павловская, или я ошибаюсь?

М: Вроде правильно.

Ю: А, значит, попал, так и есть! (*Конечно, ошибся в очередной раз, забыл Подольское шоссе, что между Люсиновской и Павловской*).

Ю: Что-то еще хотел спросить: Вот перед тем, как мы переехали в дом 3, кв.6, где я и Николай родились, где вы жили? Где ты родилась?

М: Я родилась в больнице Павловской.

Ю: Это я понимаю (*этот мамин ответ очень "улыбнул"*).

М: Где я жила вначале?

Ю: Да, куда тебя привезли после рождения?

М: Вначале я поехала к деду, где Инка жила (*это было гораздо позже*), где тебя от груди отучали (*пикантная подробность*).

Ю: Но где это было?

М: Это я сейчас скажу. Это надо было пройти к "Искре", там улица... переулок. Как улица-то называлась?

Ю: Тупик какой-то был.

М: Тупик? Вот – тупик.

Ю: Я не помню, как он назывался. Может – Подольский тупик (или Павловский). (*Далее мы пытаемся вспомнить название, но так и не можем этого сделать*).

Ю: Да, какой-то там был тупик, там Бирули жили (*сейчас это Даниловский переулок*).

М: Вот, вот... Во, во... (*Бируля – семья маминой двоюродной сестры*).

Ю: Значит, тебя привезли в тупик. В младенчестве?

М: Да... Нет, подожди, подожди. Я приехала вначале к отцу, к отцовой матери, к моей бабушке. Это 3-й Подольский переулок. (*После этого был спор опять о Подольских переулках. Упоминался переулок, на который выходил глухой забор рядом с нашей квартирой, а это был 1-й Подольский*).

М: (*некоторый сумбур в воспоминаниях, с грустью...*) А потом... Мать со своими сестрами, моими тетками... она была хозяйка такая, крестная моя, куда ты ходил маленький, дядя Володя тебя очень любил, а тетя Настя такая хорошая была... чего-то не поделили. А потом мать попросила отца, моего деда, взять ее сюда. Он, конечно, туда ее и взял, в тупик. А потом отец наш был в армии, жил в казармах. И крестный там был, Николай Иванович. И им от казармы выделили...

Ю: Сейчас сказали бы – от военкомата...

М: Раньше там хозяева жили, все отобрали (*речь о доме, где я родился*).

Ю: Так это было после революции же, что и тогда хозяева были?

М: Были, были... А здесь раньше жили козы хозяина (*Мама говорит о нашей квартире номер 6*).

Ю: Погоди, как-то ты перескочила. Вернемся назад. Что я хотел выяснить... Откуда корни пошли? Я понимаю, до далеких корней мы не доберемся, хотя тоже было бы интересно.

М: Дед мой был из Твери (тверской). Он был на войне... внешней (??). Он умер в 1947 г.

Ю: Он чуть-чуть не дожил до моего рождения.

М: Я сейчас скажу, когда он умер. Галина (*сестра Мамы*) уехала с отцом в Петропавловск на Камчатке, а дед очень переживал, зачем она (*Галина*) туда поехала (это было в 1947-48 гг.).

(*Затем Мама перескочила на эвакуацию, в другой Петропавловск*). И когда, значит, приехали мы, тетя Тоня начала комнату нам искать...

Ю: Это ты про какое время говоришь, про послевоенное что ль?

М: Нет, военное. (*Здесь Мама рассказывает о том, как ее вызвали в Петропавловск (Казахстан), а она должна была идти на фронт*).

Ю: А, дед. Какое отношение имеет дед к твоим нынешним сестрам, Инне и Нине? Он им тоже дед? А вы родственники по отцам или нет? То есть, у деда были две дочери? Одна была твоей мамой, а другая – их?

М: Было три дочери. Инкина мать, мать Лиды (*Бируля*) и моя мать.

Ю: А были у деда еще какие-нибудь дети?

М: Два сына, а третий потом уже, после родился.

Ю: Что, от другой жены?

М: От другой. Он женат дважды был. Бабка-то наша умерла в 1912 г., а он тут же почти женился. Родился сын Сергей.

Ю: Минуточку, значит, у него дочери родились еще до революции, т.е. твоя мама и мама Лиды, и мама Инны... они родились... давно, очень давно.

М: ...Камень-то какой у бабки был!

Ю: ...Памятники, они уже после смерти появляются... (*Мама восхищается памятником своей бабушке: "старинный", "там написано..."*).

М: Где-то за три года до смерти Вальки Кировой (*старинная подруга Мамы*) мы нашли этот памятник. А, там уже фамилию другую написали, а стихотворение старое осталось, такое стихотворение было красивое, это я сказать тебе не могу! (*Дальше про то, как "просрали" памятник и место) (Эх, знала бы она, что будет после ее кончины*).

Ю: Да, ладно, что там будет после тебя, после нас, после всех. Какие там будут памятники, какие места там, на кладбище, неизвестно... Так, вернемся к твоему... рождению. Т.е., вся родня в этом переулке и жила?

М: Дед – за церковью, а остальные – в переулке, где школа была. (*Снова возвратились в разговоре к церкви и монастырю, вспомнили о колонках, которые покрывались зимой льдом – обледенение*).

Ю: Так, значит, сначала тебя в Подольский, потом в тупик. Ты – маленькая. Потом ты повзрослела. И куда переехала? А школьницей где ты жила?

М: Как где, вот здесь.

Ю: В доме 3?

М: Да, здесь.

Ю: А когда ты переехала в дом 3? (*Разговор снова возвращается к трем дочерям деда. Упоминается тетя Котя, сестра моего деда, отца Мамы*).

М: Я была одна, первая, меня все так любили, один меня к себе тащил, другой... Я даже думала, куда же мне идти. Мама говорит, что она была самой старшей в своем поколении).

Ю: Да, был выбор...

М: Однажды я пошла к деду, а там утки, гуси...

Ю: Как в деревне...

М: Да. А меня так одевали хорошо, одна ведь я была, на всех одна. Одела я... а на меня эти гуси, ну, кто красное любит. Меня там всю искусали.

Ю: Красное-то вообще любят быки, ну и гуси, наверное, тоже.

М: Да. И гуси. Меня одна женщина выручила, довела до деда, деда отругала за то, что одну отпускают. А дед отвечал, что не думал, что пойдет одна... (*Дальше Мама вспоминает еще об одном своем детском путешествии*).

Андриан Никитич жил на ул. Полянка. (*Андриан Никитич – отец Инны и Нины, двоюродных сестер Мамы*). Меня взяли туда погостить, где ваш отец работал (*наш с братом отец, Павел Иванович работал на Полянке, в ВИМСе*). Так, там мне не захотелось жить. Может быть, мне что-нибудь не так сказали, я взяла и пошла домой...

Ю: Сколько тебе было лет?

М: (*смеется*) А мне было лет пять. Меня обыскались, по милициям ходили. Я сейчас уже забыла, кто нашел-то меня? В милиции нашли (*смеется*)...

Ю: Беспризорница...

М: И я этот момент помню, только не помню, кто меня довел...

Ю: Подкидыш...

М: Точно! А потом стали искать. Кто – чего. У меня столько приключений было... Я сейчас думаю, почему я не записывала, сейчас интересно бы было почитать...

Ю: Я вот потому и начал... писать эти самые... Потом может быть, кто и почитает, вспомнит наше время. Поэтому мне хочется выяснить, что произошло до меня. Значит все твои сестры, они моложе тебя?

М: Да, я – самая старшая. По всем, и по этой родне я старшая, и по отцовой. Там, где Митя (?). Все женились после отца.

Ю: Т.е., подольская жизнь – это по линии мамы, бабки моей?

М: Это – по деду...

Ю: Я понимаю, а вот по деду моему, Александру Андреевичу. А он откуда появился? Или он тоже здесь жил? Т.е., твоя мама с твоим отцом познакомились где? Они жили рядом?

М: Не совсем рядом, но... Я могу как-нибудь прогуляться туда...

Ю: Ну, там уже все... Какой-то ГОСЗНАК построили. Как-то я ехал на трамвае, что-то там сломали, что-то построили, но что-то осталось. Надо бы туда, конечно, съездить, посмотреть... (*конец пленки*).

* * *

Эта первая и последняя запись "разговора с Мамой", еще раз повторюсь, оказалась не очень информативной. Многое пришлось сократить, подкорректировать. Но мне особенно запомнился тот момент в рассказе Мамы, когда она потерялась на Полянке.

Уже не очень молодой человек с не очень хорошей памятью, да и здоровьем, сразу как-то "засветился", заулыбался, вспоминая свое далекое детство. Я такой Маму давно не видел.

Уже после ее смерти я еще раз попутешествовал по нашей с ней "малой Родине", Даниловке. Я прошел пешком от Даниловской площади по трамвайной линии, по Даниловскому валу мимо Даниловского монастыря, по Дубининской улице до Зацепской площади и, далее, до Павелецкого вокзала.

Выйдя на площадь Павелецкого вокзала, оглянувшись, я увидел церковь на Зацепской площади, напротив которой стоял двух-трех (?) этажный дом, в котором жила наша тетя Лиза, родная тетка Отца, Павла Ивановича.

Я не мог поверить своим глазам: от Зацепы до Павелецкой всего было ничего, не более 400-500 м, а то и того меньше. А в детстве, "когда деревья были большими", а небоскребов в этом районе еще не было, это расстояние казалось огромным.

Ну, это, как я уже понял, всегда так бывает...

Старинный дом на Зацепе
(сайт “Москва, которой нет”)

Старинный дом на Зацепе

Дубининская улица, Стремянный переулок, Зацепа – завораживающие московские, можно сказать детские названия.

Многие из тех, что будут упомянуты в этой главе, тогда мне в детстве были не знакомы. А может быть, я лукавлю и в том далеком даниловском детстве я о них знал, а потом в последующие годы забыл ввиду особенностей юношеской памяти и по причине малого общения с взрослыми родственниками. "Разговор с Мамой" – яркое тому свидетельство.

То далекое даниловское детство было не только даниловским, но и отчасти зацепским. Я к моему большому стыду редко, очень даже редко, вспоминал о нашей бабушке, тете Лизе. Мы почему-то так ее называли, хотя она была по возрасту, да и "по статусу" нашей двоюродной бабушкой и родной теткой нашего отца.

Ну, так уж случилось, и наша тетя Лиза (отцова) стала нашей с братом первой и последней, чуть не сказал кормилицей, детской воспитательницей. Воспоминания о ней остались самые светлые и чистые.

Она никогда не повышала на нас голос, а голос у нее был чуть низкий и бархатный. Я не знаю, из каких сословий были родные моего отца, но тетя Лиза была самым интеллигентным человеком из тех далеких родных, с кем мне довелось общаться.

Но давайте вернемся к тем старым московским улочкам, которые напомнят о моем, нет о нашем с братом, замоскворецком детстве.

Тетя Лиза жила напротив церкви Храма Фрола и Лавра на Зацепе. Вокруг этой церкви ходил трамвай "А" ("Аннушка") и здесь была конечная его остановка, "круг". Теперь-то я знаю, что на эту церковь выходил Стремянный переулок, на углу которого и стоял дом тети Лизы.

Так что этот дом фасадом выходил на нынешнюю Зацепскую площадь, а правым крылом на Стремянный переулок. Сзади дом выходил на Малую Пионерскую улицу. Из окна тети Лизы (единственного) можно было видеть здание какой-то фабрики. Теперь несколько слов о самом доме и квартире, где вместе с тетей Лизой проживало много других жильцов, квартира к тому времени была уже коммунальной.

Я точно не помню этажность самого дома, но тетушка жила на втором этаже и, кажется, был еще один третий этаж. Будем пока его считать трехэтажным.

Со стороны церкви (площади) в дом был, я думаю, парадный вход, но мы очень редко, мне помнится, входили через него. Чаще всего, и я это помню очень хорошо, мы пользовались подъездом номер 2 со стороны Стремянного переулка. Вот эти ощущения старой Москвы при входе в этот подъезд особенно ярки в моих воспоминаниях.

Какой-то особый запах, я бы сказал ретро-запах, появление которого я всегда ждал перед входом в этот подъезд – и подъезд никогда меня не обманывал. Уже в "зрелые" годы я, вдыхая запахи других подъездов, стал подозревать и тот зацепский в тех же недостатках. Но вы понимаете, эти подозрения здесь и сейчас хочется отвергнуть и снять окончательно и бесповоротно.

Старинный подъезд, такая же старинная лестница со старинными же перилами, дверь на втором этаже, тоже какая-то древняя и высокая – все это мы видели, когда поднимались на второй этаж к тете Лизе. Совершенно не помню, звонили или стучали в дверь – спросить некого – но дверь открывалась и мы попадали в крохотный коридорчик, всегда темный.

Слева была вешалка, тоже старинная, и сразу за вешалкой комната тети Лизы. Малюсенькая, а может очень заставленная, но все равно малогабаритная с окном напротив двери. Около окна огромный сундук – не помню, чтобы я его видел открытым – на котором я чаще всего сидел в этой комнате.

Около сундука стоял небольшой столик, к которому я спускался, когда у меня начинали затекать ноги. То ли я был маленьким, то ли сундук был высоким, скорее всего и то и другое.

За этим маленьким столиком собиралось немалое количество людей, это были или семейные торжества или праздники. Несколько слов об этих праздничных настроениях.

Конечно, всем и каждому нужен праздник, не исключение и маленькие дети. Мои детские воспоминания о праздниках – сплошной праздник.

Новый Год, 1 Мая, 7 Ноября, дни рождения – не так много, но это были для нас детей настоящие праздники. Праздничная елка зимой (это для детей и сейчас праздник), походы на демонстрацию, не участие, а в качестве зрителей, нам очень нравились. А застолье? Всегда с чем-нибудь вкусненьким, дефицитным, и конечно, с пением.

Помнится, что все пели замечательно, причем, абсолютно все. Подозреваю, это было связано с тем, что пели часто, в это время шло обучение, притирание певцов друг к другу. Нужно сказать, хоровое пение – замечательное дело.

В наше время старые праздники исчезают, появляются новые, и уже удел нового, нет, новых поколений оценивать их и по-своему радоваться наступлению этих праздников. Но я за новое поколение не беспокоюсь, у нас всегда умели праздновать, были бы желание и возможности.

Хотя мы все-таки праздновали лучше. Но так говорили нам и наши родители, "тем и прекрасна рань, что раньше жить предстояло, братцы, жить". Но вернемся на Зацепу.

Слева от окна в уголке у тети Лизы стоял большой иконостас, не просто икона, а подобие большого застекленного шкафа (горки), в котором стояло очень много икон и всегда, как мне помнится, горела лампада, со своими запахами и мерцанием.

Плохо помнится, но, кажется, небольшая старинная кровать стояла слева от входа, а справа было что-то вроде буфета с посудой. Но особенно запомнился мне полумрак этой комнаты, ее какая-то загадочность и ощущение какого-то другого мира, другой реальности и, конечно же, другого времени. Какой-то 19-й век...

Кроме тети Лизы в этой большой даже по современным меркам квартире проживало еще много жильцов – квартира была коммунальная. Из всех проживающих там я мало кого помню кроме, конечно, Федора Георгиевича, о котором я поговорю позже.

Комнат в квартире было 5-6, может быть 7, и все они выходили в большую залу, которая служила жителям кухней. Здесь стояли столы с утварью, находились рукомойник и туалет.

Но самое главное: в этой, ныне коммунальной квартире прежде жила одна большая семья моего отца, Павла Ивановича Рогова, его родители, братья, сестра и конечно тетя Лиза.

Возможно, тетя Лиза и родилась здесь, так как старший (первый?) брат отца, Михаил родился в 1902 г., а тетя Лиза – в 1897 г. Меня несколько удивило, хотя чему тут удивляться, что разница в возрасте моей бабушки, Александры Федотовны, и тети Лизы, Елизаветы Федотовны – 22 года (родились в 1875 и 1897 гг. соответственно).

В этой квартире жил в детстве и мой отец, возможно даже вплоть до своего "выхода в свет", история об этом умалчивает. Та, моей памяти кухня, скорее всего во времена детства моего отца была чем-то иным, и кухня его детства находилась в каком-то другом месте. Хотя в этой квартире могла быть произведена перепланировка.

Немного поправлюсь, не все комнаты выходили в эту самую кухню.

Комната тети Лизы и еще одна, находившаяся ближе к "черному" входу, выходили к кухне через маленький коридорчик. А главный вход в эту квартиру был именно в этой залекухне.

Федор Георгиевич, я даже не помню его фамилии (хотя, кажется, знал), был другом, приятелем нашей тети Лизы. Не помню его лица, но помнится, был он небольшого роста, не худенький и очень добрый и "мягкий", ну просто как наша тетя Лиза.

Но не только добротой запомнился этот человек.

Он был в некотором смысле помощником тети Лизы в нашем с братом воспитании. Он вел, поначалу только со мной, разные разговоры, чему-то учил, скорее всего, именно доброте и интеллигентности. С ним мы посещали самые разные московские музеи, он тратил на нас много своего времени.

Особенно я запомнил посещение вместе с ним Музея Реконструкции Москвы. С ним, а может быть и вместе с тетей Лизой мы ходили в театр зверей Дурова. Как сейчас помню поезд, в который садятся белые мышки, и поезд куда-то отправляется...

Дядя Федя умер раньше тети Лизы, не помню, в каком году. Но помню, как однажды в нашу квартиру на Волхонке-ЗиЛ (значит, это было после 1962 г.) пришла тетя Лиза и сказала: "Федор Георгиевич приказал долго жить", и тут же расплакалась. Для нее это был, похоже, не совсем чужой человек, была какая-то взаимная симпатия. Напомню, тетя Лиза не была за мужем, у нее не было детей, кроме нас, маленьких Юрки и Кольки.

Сама тетя Лиза скончалась в 1970 г. Сообщение о ее кончине в больнице первым услышал я по телефону. Все, что я мог ответить, это было слово "спасибо", мне было 20 лет и я еще не "привык" к потере близких и родных. Еще не один раз я оказывался первым "на линии", где сообщали об этом, скорбном.

Тетя Лиза (“отцова”) – Петрова Е.Ф. 1916 г.

Рассказывая о своих встречах с тетей Лизой, я не могу точно вспомнить, когда и где я и брат или только я один оказывались под опекой нашей тети Лизы. Вряд ли мы часто ездили к ней на Зацепу. Думается, она приезжала к нам, на Даниловку сидеть с "малолетками". Я оставляю за собой возможность исследования этого вопроса.

Последнее мое яркое воспоминание о Зацепе и об этом доме относится к лету 1964 г., времени окончания мною 8-го класса и поступления в техникум, что на ул. Щипок (или на одном из переулков рядом) (см. Ч.2 "Перекрестки судьбы"). Мы уже жили на Волхонке-ЗиЛ, а тетя Лиза на старом месте и дом этот пока еще стоял напротив той самой церкви...

Переулки нашего детства

Этого дома на Зацепе уже нет, рядом появились какие-то небоскребы. В помещении фабрики – какое-то училище. Пионерская улица, по крайней мере, существует, и я по ней проходил, как будто обходя вокруг несуществующего дома.

В бывшем здании радиотехнического техникума сейчас расположено какое-то другое учебное заведение, я там участвовал в заседании одного семинара. Правда, добирался я туда с другой стороны, со стороны Б.Серпуховской улицы (Метро Серпуховская (Добрынинская)).

Немного информации об улицах и переулках моего детства я "откопал", используя "всемирную паутину", о чем сейчас и собираюсь рассказать на примере того, как тетя Лиза приезжала к нам на Даниловский вал...

...Тетя Лиза садилась на трамвай (номер 3 или 49?) на Зацепской площади около церкви, что на пересечении Стремянного переулка и Дубининской улицы...

Стремянный переулок
(сайт “Москва, которой нет”)

Зацепская площадь образовалась в 19 веке, получила название по близости к улице Зацепа, названной так по таможенной заставе для досмотра возов с товарами у бывших Коломенских ворот (с 18 века). Расположена она напротив храма Фрола и Лавра на Зацепе. С запада на нее выходит Стремянный переулок, севернее расположен Павелецкий вокзал и одноименная площадь. Стремянный переулок возник как Фрололаврский переулок по приделу Фрола и Лавра церкви иконы Божьей Матери "Всех Скорбящих Радость" (известна с 1625 г.). Переулок получил свое название по некогда находившемуся в нем домовладению стремянного конюха Букина.

...Далее трамвай пересекал Жуков проезд и улицу Щипок...

Предположительно название Щипок произошло от того, что здесь, на таможенной заставе щипали ("щупали") торговцев, приезжавших в Москву с возами товаров (как и название Зацепа).

...Трамвай все время движется по Дубининской улице...

Эта улица была образована в 1922 г. объединением Коломенско-Ямской и Даниловской улицы, известной как продолжение улицы Щипок. Проходит она от Зацепской площади до Даниловского вала. К Дубининской улице примыкают: с нечетной стороны (восточной) – Жуков проезд, с четной (западной) – Стремянный переулок, М.Строченовский переулок, улица Щипок (в современных границах), 1-й Щипковский переулок и Павловские переулки (с 1-го по 3-й).

Улицу до 80-х гг. пересекало три железнодорожных переезда через линии, соединявшие завод Владимира Ильича (место первой работы Мамы) со станцией Москва Товарная (Павелецкая). В настоящее время сохранилось два переезда, один из них находится в нерабочем состоянии (пересечение с трамвайными рельсами без возможности проезда), второй продолжает использоваться, а может быть, уже и нет.

Дубининская улица получила прямое сообщение с Даниловским валом только в советское время, когда сады Павловской больницы были отданы под застройку (на планах 1917 г. показан лишь ломаный проезд по западному периметру больницы).

Трамвай пришёл на Дубининскую улицу в 1950 г., в разгар сокращения сети, заменив снятую линию по Большой Серпуховской. С 1959 до 1992 г. маршрут "А" ходил от Чистых прудов до Зацепской площади и разворачивался вокруг храма Флора и Лавра. В 1992 г. это разворотное кольцо по требованию РПЦ (Русская Православная Церковь) закрыли, а вместе с ним и "Аннушку". Маршрут "А" был восстановлен в 1997 г. с новой конечной остановкой у Калужской площади.

В наши дни Дубининская улица связана трамваем с центром города, Шаболовкой, Загородным шоссе, Чертаново, станциями метро "Университет", "Пролетарская" и др.

...Трамвай, громыхая по тем самым железнодорожным путям, вскоре поворачивает направо около Даниловского монастыря и выезжает на улицу моего детства – Даниловский вал...

Даниловский Вал – ранее часть Камер-Коллежского вала, проходит от площади Серпуховская Застава (Даниловская) на западе до Дубининской улицы на востоке. Нумерация домов ведётся от площади Серпуховская Застава. На улицу также выходят: с внутренней стороны Павловская улица и Даниловский переулок, с внешней Холодильный переулок и Староданиловский проезд (как продолжение Павловской улицы). Со стороны Даниловского Вала находится главный вход в Данилов монастырь.

Улица названа по Данилову монастырю и Камер-Коллежскому валу, частью которого являлась. Современное название – с 7 июня 1922 г., ранее называлась Даниловский Камер-Коллежский Вал.

Дома номер 3 на Даниловском валу уже нет, появился новый дом номер 1, Монетный двор Госзнака. Кстати, нет, не только нашего дома, но и двух кварталов между Подольским шоссе (ранее Подольская ул.) и Павловской улицей по Даниловскому валу. Три Подольских переулка, о которых мы говорили с Мамой ("Разговоры с Мамой"), тоже исчезли с карты Москвы. Хотя упомянутый Мамой 3-й Подольский пер., что перед моими школами 728 и 729 на новых картах (планах) назван 1-ым Подольским и выходит он на Подольское шоссе.

Мне на глаза попались старые карты Москвы, на которых этот переулок был тупиком и не соединялся с Подольской улицей. И я вспомнил, что в мои детские годы было именно так. Вообще, не зря мы с Мамой путались в этих переулках. На некоторых картах (в т.ч. и старых), наш переулок, выходивший на Даниловский вал, был под номером 3.

...Тетя Лиза сошла с трамвая и, вернувшись немного назад, вошла, скорее всего, в калитку, а может быть в ворота нашего дома, а вернее двора по адресу Даниловский вал, дом 3 и далее к нашей "квартире" номер 6, что в глубине этого самого двора...

Я позволю себе продолжить маршрут трамвая, на котором приехала к двум маленьким братикам тетя Лиза.

Трамвай оставляет слева Холодильный переулок и выезжает на площадь, которая имела самые разные названия. Мы в детстве называли ее Даниловской, а у нее, оказывается, было много других названий.

Первоначальное название площади – площадь Данилова Монастыря (по другим данным Даниловская площадь), полученное по близости к Данилову монастырю. В 1925 г. площадь получила название площадь Даниловского Рынка по находившемуся здесь рынку, а 12 мая 1956 г. стала Даниловской. Теперь эта площадь носит название Серпуховская Застава.

В результате своих изысканий я обнаружил, что нынешняя Даниловская площадь расположена неподалеку от Даниловского универмага, а "наша" площадь, что у Даниловского рынка, носит название Серпуховской Заставы и окончательно запутался в площадях, улицах и переулках.

* * *

Я уже писал, что те детские воспоминания не дают четкого ответа на то, где мы были чаще с тетей Лизой, у нас дома или у нее на Зацепе. Будем считать это единым процессом воспитания, ухода, "сидения", ухаживания и кормления.

Я сейчас вдруг подумал, а были ли какие-то материальные взаимоотношения между тетей Лизой и нашими родителями? Скорее всего, их не было, да это сейчас и не важно. А важно то, что хотя и воспоминаний о том "далеком" и не так много, но те которые остались, самые светлые, теплые и добрые.

* * *

В который раз повторюсь, сказав, что и дома 3 по Даниловскому валу, и дома тети Лизы на Зацепской площади уже нет. Адресом дома тети Лизы оказался Стремянный переулок, дом 2. Об этом я узнал опять-таки из Интернета, но совершенно случайно.

Осуществляя очередной поиск информации по интересующему меня району, я неожиданно натолкнулся на сайт "Москва, которой нет" (moskva.kotoroy.net). Там в разделе История были описания многих знаменитых исторических построек, исчезнувших с карты Москвы. Среди нескольких десятков таких домов оказался и дом номер 2 по Стремянному переулку.

Да, это был дом тети Лизы с описанием истории квартала и постройки этого дома. И самое главное, там было несколько фотографий (старых, старинных) самого дома, трамвайной линии и "круга", церкви на площади.

Я испытал непередаваемое волнение, радость от увиденного, но и некоторое неудовлетворение от того, что история дома в этом описании обрывалось на самом интересном месте.

Мне кажется, что я продолжу изыскания в этой области, тем более, данных о семье моего отца очень мало, и в этом направлении, может быть, что-то удастся "откопать". Хотя даже фотографии дома на Стремянном многого стоят.

А теперь я продолжу движение в другом направлении, совершенно неожиданном и пришедшем мне в голову при работе над материалом "Разговор с Мамой". Продолжу теперь разговор с Мамой рассказом о самой Маме...

* * *

Оформляя себе пенсию в конце 2009, начале 2010 г. я непосредственно столкнулся с тем, что мне пришлось разбираться со своей трудовой книжкой. Слава богу, что у меня было всего два места работы: завод "Чайка" (Опытно – экспериментальный школьный завод) и Вычислительный центр, сначала АН СССР, а затем РАН.

Замечу, что, несмотря на это, в пенсионном отделе возникли небольшие проблемы с расшифровкой моей трудовой книжки. Хотя с моей точки зрения и с точки зрения нашего отдела кадров все было совершенно правильно и без помарок.

Но все уже позади, мною пройдены все (надеюсь) инстанции и я уже получил пенсионное удостоверение и получаю "пенсию по старости", а трудовая книжка вернулась на свое место в отделе кадров моего ВЦ РАН. Сколько она еще там пробудет – мне неведомо

После кончины моих близких родственников многие их документы оказались у меня. Они пополнили мой архив исторических документов, свидетельств эпохи и памятных бумаг, повествующих о моих родных и близких.

Один из таких документов у меня сейчас перед глазами – это трудовая книжка моей Мамы, Ольги Александровны Солнцевой (01.07.19 - 23.07.02).

Листая трудовые книжки

Я часто повторяю, что я "с 16-ти лет за станком". Так оно и есть, поскольку на заводе "Чайка" я начал работать с 16 лет и 8 месяцев в должности слесаря-сборщика. Работа на станках тоже входила в круг моих обязанностей. Но Мама начала работать в еще более раннем возрасте, на что были свои веские причины.

Приводя записи из маминой трудовой книжки, я старался сохранить синтаксис и орфографию оригинала.

Трудовая книжка Мамы начинается с записи:

1. Завод им. Вл. Ильича, 29 августа 1935 г. Принята ученицей лаборанткой.

Запись звучит именно так. Таким образом, Мама пошла на работу в 16 лет и 2 месяца. Но уже через 5 месяцев в книжке появилась вторая запись:

2. 1 февраля 1936 г. Переведена на должн. лаборанта измерит. Лаборатории.

Скорее всего, это произошло после окончания испытательного срока или овладения навыками профессии. Ко времени поступления на завод Мама окончила десятилетку, что по тем временам было немало. Я же со своей стороны подчеркну, что Мама была очень "умненькая и разумненькая". Овладевая новой специальностью, Мама проработала здесь без малого шесть лет. После чего исторические события стали развиваться совсем не так, как бы этого хотелось. И как же это повлияло на судьбы всех моих родных старшего поколения!

Запись N3. 25 июля 1941 г. Освобождена от работы ввиду выезда в другую местность.

Это называлось - ЭВАКУАЦИЯ.

Вначале Мама и ее родственники (?) выехали в Татарию (с маминых слов – она была в Чистополе). Этот процесс занял некоторое время и породил в книжке следующую запись:

4. 1 апреля 1942 г. Принята в Кзыл-Юлдузский Райздравотдел на должность счетовода.

А далее начинается история, связанная с переездом в Петропавловск (Казахстан) (см. "Военная память", (Характеры и судьбы, ч.2)).

5. 20 июля 1942 г. Уволена в виду вызова на завод N239 г. Петропавловск (Зав. Райздравом (подпись)).

Завод N239

6. 19 августа 1942 г. Принята в 28 цех. Контролером изм. Лаборатории с окладом 580 руб.

И тут же появляется запись N7 (неполная) и как бы продолжение предыдущей (не совсем понятно):

7. ...августа 1942. установл. контро. мастером ОТК.

Вот так бы летело лихое время, как мелькают записи в трудовой книжке...

8. 23 ноября 1945 г. Уволена в связи с переводом на 782 завод г. Москва.

Очень интересна здесь запись на основании чего был произведен этот перевод.

...**Телегр. распор. Зам. Наркома НКСП тов. Сомхиз...** (*фамилия неразборчива).*

Менее чем через месяц в книжке уже появилась запись этого нового завода N782 НКСП (Народный Комиссариат Судостроительной Промышленности).

9. 10 декабря 1945. Зачислена контрольным мастером в ОТК с окладом 700 руб. в м-ц.

В промежутке между этой и последующей записями Мама успела выйти замуж за моего отца, Рогова Павла Ивановича (26 июля 1948 г.), и родить своего первенца, т.е. меня. Похоже, что я, еще не родившись, уже "работал" на этом заводе. Не знаю, были ли тогда "декретные" отпуска.

10. 7 февраля 1950. Уволена согласно поданного заявления по семейным обстоятельствам.

Как известно я родился 27 декабря 1949 г. Через месяц после этого Мама уволилась с завода и стала растить и выкармливать своего первенца. Помнится, я никогда не ходил ни в ясли, ни в сад. Я, как и Мама в детстве, был, похоже, любимцем моих родных, часто гостил у них (помните, у Мамы – "отучали тебя от груди").

Через четыре года у меня родился маленький братик, и Мама продолжала заботиться уже о двух отпрысках. Но через полтора года после рождения брата Коли Мама вновь вышла на работу, возможно по финансовым соображениям или по каким-либо еще.

И возвращаясь к зацепским воспоминаниям, я подумал, что тетя Лиза "сидела" с нами гораздо дольше, чем мне казалось сначала. Думается, это продолжалось и тогда, когда я пошел в школу (1956 г.), а брату не было еще и трех лет. Не случайно я эти события помню хорошо, значит, я был уже не совсем "грудным", а маленькому брату нужен был, конечно же, присмотр.

Хотя, по воспоминаниям брата (о чем рассказ впереди) он какое-то время, для него не очень приятное, ходил в детский сад и даже на пятидневку (шестидневку). Одним словом, "запутанная история". В общем, и, к сожалению, и в трудовой книжке об этом ни слова.

Но вот появляется следующая запись:

11. 11 мая 1955. Принята на Гос. Союзный завод п/я N1428 на должность контролера 8 раз.

Я очень хорошо помню этот номер завода, "от которого" я ездил в пионерлагерь в первый раз, не будучи не то чтобы пионером, но даже учеником начальной школы. Это было в 1956 г., летом, в год моего поступления в школу. В лагере была отдельная детсадовская группа, которая называлась "школьной".

Я не знаю, где располагался этот "секретный" завод, но после переезда из Даниловки на Волхонку-ЗИЛ Мама уволилась с завода.

12. 10 сентября 1962 г. Уволена по ст. 46 КЗОТ

Маме всего 43 года, два маленьких сына, 12 и 8 лет, школьники. До пенсии еще далеко и она устраивается на работу рядом с домом, при этом резко меняя ее профиль.

13. 22 мая 1963 г. Принята в Магазин N32 Торга Мосгалантерея мл. продавцом с матер. ответственностью.

С этого момента Мама становится известной личностью в нашем районе: магазин, товары, дефицит – включая учителей нашей школы N546. Но через 2,5 года Мама уволилась из магазина и поступила вновь на завод, снова на п/я (может быть это был тот же самый завод, но с новым номером).

14. 14 декабря 1965. Уволена по собственному желанию.

15. Предприятие п/я 2930. 13 декабря 1965. Зачислена контролером по приемке станочных и слесарных работ 27р.0164 (117 цех *(неразборчиво)***).**

Здесь сразу замечается несоответствие дат увольнения и поступления. Насколько я помню, Маму пригласил на этот завод, который находился недалеко от нашего дома на Волхонке-ЗИЛ, кто-то из старых коллег. Далее, появляется вкладыш в Трудовую книжку Мамы (от 13.12.1965).

16. 18 августа 1966. Уволена с предприятия по ст.46 КЗоТр.

После недолгого отсутствия Мама вновь возвращается в магазин N32.

17. 23 августа 1966. Зачислена в магазин N32 Мосгалантереи на должность продавца.

18. 4 сентября 1967. Решением квалификационной комиссии присваивается звание ст. продавца.

Следующие две записи о переименовании и переподчинении магазина и переводе Мамы.

19. Во исполнении приказа Управления Торговли Промтоварами за N29 от 22 мая 1969 г. Магазин N32 Торга Мосгалантерея передан с 15 сентября 1969 г. в Октябрьский Промторг с присвоением N27.

20. 15 октября 1969. Зачислена ст. продавцом м-на N27 Октябрьского Промторга переводом из торга "Мосгалантерея".

Период работы Мамы в магазине запомнился появлением в доме разного "галантерейного" товара, дефицитной текстильной продукции и модной одежды. У Мамы появились хорошие знакомые и в продовольственных магазинах (взаимообмен товарами), что также не осталось всеми нами незамеченным. Так что может быть и не очень большая зарплата в магазине компенсировалась вышеперечисленными преференциями.

21. 1 февраля 1975. *(с числом и месяцем "непонятка")*. **Освобождена от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию.**

Маме – 56, и после небольшого перерыва, не помню с чем связанного, она вновь поступает на работу в свой магазин.

21. *(именно такой номер)*. **30 июля 1975. Зачислить в штат магазина на должность ст. продавца**.

К этому времени уже я успел жениться (1 июня 1974 г.) и у нас с Соней родился мальчик, которого мы назвали Женей (25 марта 1975 г.). Не исключаю, что следующая (она же последняя) запись в книжке связана именно с появлением маминого внука. Хотя у Женьки была и вторая бабушка (Сонина Мама), а моей Маме к этому времени исполнилось почти 59 лет.

22. 31 марта 1978 *(было 1 апреля 1978 г.).* **Уволить по собственному желанию в соответствии со ст. 31 КЗОТ РСФСР.**

Мама после этого прожила еще много лет (скончалась 23.07.2002), радуя нас своим жизнелюбием, молодым задором, неиссякаемой энергией, замечательными песнями и, несмотря на все события в стране и семье, поражала удивительным оптимизмом. Светлая ей память...

* * *

А теперь вернемся к традиционным темам этого повествования. В данном случае имеется в виду тема Спорта. И речь здесь и сейчас пойдет не обо мне и не о моих "достижениях" в различных видах физической культуры. А будет простой и откровенный разговор двух братьев о футболе, о нашем Спартаке, о детстве и юности, о фалеристике и многом, что нас с братом связывало долгие годы.

Разговор получился более продолжительным и информативным, чем Разговор с Мамой. Хотя, по большому счету, назвать его диалогом нельзя. Брат Николай, "великий мой молчун", чаще всего отвечал односложно, и для того чтобы его все-таки разговорить приходилось находить темы, ему близкие и интересные. Иногда это удавалось и Никола “оттаивал”, а мне довелось услышать много интересного и незнакомого.

Футбольные календари

О футболе с Николаем

Юра: Ну, что ж, начинаем записи, к которым мы очень долго готовились, вернее долго стремились. Сегодня у нас 22 февраля 2003 г. Сидим мы сейчас с братом Николаем в его квартире, в Чертаново, на Чертановской улице. Время у нас сейчас - 14:30 (*подсказывает брат*). Хотим мы поговорить... Вообще эти записи будут очень продолжительными... *(оказалось не совсем так*). Поговорить о футболе, о нашей любимой команде "Спартак Москва", о нас, как болельщиках, о жизни футбольной, как мы "до этого дошли", как мы сейчас "обретаемся" в этой футбольной жизни.

С чего все началось? И почему мы болеем за Спартак? Может Николай лучше это помнит, честно говоря, я не помню.

Николай: Спартак – это Даниловка. Родились мы в Даниловке, район считался, как и Красная Пресня спартаковским, как говорил наш отец и все его друзья и знакомые.

Ю: Скажем так – 80-90% болели за Спартак?

Н: Да, о других я не слышал...

Ю: Вроде бы из многих книг, которые мы читали, мы знаем, почему Спартак считался народной командой. Началось все это как "Пищевик" и т.д. Понятно, если она народная команда, почему народ за нее болел. ЦСКА – это "конюшня", Динамо – вообще-то КГБ, милиция и пр. Вряд ли можно было предположить, что народ все это очень любил. А Спартак – это такая...

Н: Она считалась как бы рабочей, в принципе...

Ю: А с другой стороны, это же торгаши были, промкооперация...

Н: Рабочие, служащие...

Ю: Ну, все-таки не совсем рабочая команда, ведь неслучайно, что интеллигенция к этой команде была близка. М.б. это было попозже, потом. Понимаешь, как-то не совсем это рабочая, как-то странно...

Н: Рабочая – в смысле народная.

Ю: Вот это может быть. Потому что феномен непонятный, понимаешь. А возможно как раз именно и в этом противоречие. Потому что ЦСКА и Динамо – понятно, что это такое. А Спартак, по большому счету, это было непонятно. Вот мы сейчас с тобой смотрели эти значки... Про значки, про коллекцию - это у нас будет особый разговор с Николаем. Я думаю, что попозже мы об этом поговорим.

Значит, "Спартак" – само название возникло, ты сказал, в каком году?

Н: В 35-ом.

Ю: В 35-ом году. Во-во. Сейчас у нас есть такая большая книжка, называемая "матчасть", история Спартака с одна тысяча девятьсот...

Н: ...22-ого года.

Ю: Считается, что 1922 г. не то чтобы рождение Спартака, а рождение команды, которая стала в дальнейшем Спартаком.

Н: Это в последние годы стало считаться. Раньше считалось – 35-й. Сейчас что-то в моду... как-то стало модой считать – с 22-го.

Ю: Кстати, по этому поводу на гостевой книжке болельщиков Спартака (ВВ) – (*сейчас мы говорим об Интернете, времена новые, много компьютерных технологий, я сейчас очень часто в этот Интернет залезаю)* – были долгие споры о том с какого все-таки года...

Н: Я считаю – с 35-го.

Ю: И там было мнение, что нужно считать с момента, когда команда была названа именно так, но потом, не знаю по каким причинам, решили, что историю нужно вести не с момента названия. Важно, с какого времени она ведет свой отсчет. Ну, это все условно, возможно и 22-ой год не самый ранний...

Н: Возможно... в 17 веке тоже были предшественники (*оба смеются).*

Ю: Наверное, решили и взяли самое более или менее раннее. Так вот. Возвращаемся все-таки к Даниловке.

Я – Юрий Рогов, 49-го года рождения, мой брат Николай – 53-го. Вот с этих лет мы и жили в Даниловке, на Даниловском валу. И вот с тех пор и можно вести наш отсчет "болению" и игре в футбол. Потому что "болеть" – это одно... Мы же все-таки в футбол еще играли.

Н: Я начал играть в футбол, не зная еще Спартака *(оба смеются)*.

Ю: Я, наверное, тоже...

Н: Это точно...

Ю: А все-таки, Коль, когда же, если задуматься, первое упоминание о Спартаке. Я понимаю – о футболе, ну, мы сразу, как родились, мяч начали гонять. Что мы футбол знали – это понятно, что есть такая игра, что кто-то там где-то играет. Когда мы узнали, что проводятся чемпионаты – это особый разговор, к этому мы еще вернемся. А вот что есть вообще команды – футбольные, что они играют, кто-то соревнуется на высоком уровне – вот это когда мы могли узнать?

У меня такое ощущение, что это где-то 56-й год. Раньше? Сложно сказать. Правда, 56-й – мне 7 лет, тебе – 3 года. Наверное, в три года ты вряд ли мог понять...

Н: Что они соревнуются? Это 61-год. Раньше - нет.

Ю: Ну, это тебе 9, нет 8. Мне-то уже 12. Нет – я конечно раньше. Потому что... 56-й год – мне сложно говорить, но вот 58-й...

Н: Чемпионат Мира, ты слышал о нем? В 58-ом.

Ю: Чемпионат Мира? Скорее всего, нет. Конечно первый чемпионат Мира - это 62-й год, который я помню, который в памяти остался.

Н: "Чили – промочили", так говорили, писали.

Ю: Да, тогда уже подготовка была. Да, первый – это 62-й.

Н: Мы его не видели...

Ю: Да это так, и 66-й – не передавали.

Н: 66-й – передавали все матчи.

Ю: Радио или ТВ?

Н: ТВ, все матчи. Почти...

Ю: А я считал, что только радио. 66-й год – я был на Юге!

Н: Ты же Эйсебио видел?

Ю: К сожалению, не видел. Увы. Я не смотрел этот чемпионат Мира.

Н: Чуть ли не каждый матч передавали...

Ю: Да, это было чудесное время, 1966 г. (*Адлер, Веселое, после окончания школы)*. Тогда вернемся назад. Мы, конечно, не готовились к этим записям специальным образом. Значит, будем отталкиваться от 58 г. Мы его не помним?

Н: Я-то вообще не помню.

Ю: Да, это понятно. Так. Но минуточку... Помнишь Одинцово, кубок Европы, это какой же был год?

Н: 60-й.

Ю: Вот это я помню хорошо. Помню ночной репортаж... Нет, не очень хорошо. Но помнится, это был где-то час ночи по радио в Одинцово. Не помню, одни мы были или кто-то еще – Дед, Отец? Но это было, знаешь, где... не на террасе, а где-то... где у нас стояла керосинка, где-то был закуток.

Н: Это уже в доме...

Ю: Да, в доме. Форточка была завешана такой сеточкой, а может марлечкой, от комаров, наверное. И я это помню. Вечер, ночь, когда наши победили 2:1. Ну, мне так кажется, что я помню.

Н: А Дед был там?

Ю: Кто был – я не помню, к сожалению. Я хотел тебя спросить, помнишь ли ты это дело?

Н: Что "ночной"… я помню какое-то событие ночное...

Ю: Сколько же тебе было – 7 лет ? *(6,5)*, наверное, трудно вспомнить. Тем более, ночью.

Вот это я помню. Т.е., 60 год, кубок Европы – это я помню. Но за кого мы тогда болели, это я сказать не могу. Болели ли мы за Спартак?

Н: Я – вряд ли. Пока еще ни за кого не болел.

Ю: Да, надо сказать сразу... Поскольку Николай сказал, что все Замоскворечье болело за Спартак, мы не могли стать болельщиками какой-либо другой команды.

Н: Это не мои слова. Отец так говорил...

Ю: А, это Отец... Павел Иванович.

Н: В принципе, я согласен с ним... Ассоциации детства, вроде бы – да, Спартак.

Ю: Все-таки – Спартак. Хотя надо сказать, что Павел Иванович был у нас не совсем таким спартаковским. Он не был фанатом футбола, все-таки, да? По большому счету. Или был? Как ты считаешь?

Н: Когда я начал, он тоже стал фанатом.

Ю: Значит мы, его сыновья, дети его, к этому делу подвинули еще сильнее. А вот Дед, он не был болельщиком Спартака? (*Дед – Александр Андреевич Солнцев, отец нашей матушки, Ольги Александровны*).

Н: Да, ЦСКА, Торпедо. Сначала – ЦСКА, потом – Торпедо.

Ю: А все-таки, как это можно - болеть не за одну команду? Я тоже помню, эти две команды. А, конкретно, за какую команду болел человек? Неужели можно болеть за несколько команд сразу?

Н: Я могу пример привести в хоккее. Там Торпедо нет, в хоккее...

Ю: Была – Торпедо Горький...

Н: В Москве не было. Помню, у нас в школе в футболе болели за Торпедо, в хоккее – за ЦСКА.

Ю: В хоккее за ЦСКА – это проще объяснить, потому что ЦСКА – многократный чемпион, болеть за победителей всегда как-то приятней.

А ЦСКА был чемпионом, хоккейным, многократным. Там с ним только Спартак, потом еще Динамо – бились. Это я понимаю. Но как это Дед наш? Он же... это же футбол был – ЦСКА, Торпедо... Может он болел за ЦСКА – хоккейный и переносил свою любовь на ЦСКА – футбольный, а сам болел за Торпедо?

Н: Не думаю, что он за хоккей какой-то болел. Табличек он никаких хоккейных не вел, в отличие от футбольных.

Ю: Какая же все-таки у него любимая команда была? Торпедо или ЦСКА? Он вроде не был "армейцем", в смысле военным никогда.

Н: Я просто не знаю, откуда мы это узнали. Он сам, что ли говорил?

Ю: Наверное, от него. Да, это, кстати, тоже какая-то легенда, Коль. С чего это мы взяли?

Н: Может Отец нам сказал? Сам он вряд ли говорил, что болеет...

Ю: ...за две команды сразу? Как-то это вроде неудобно.

Н: Может это и была какая-то легенда?

Ю: Легенда? Я думаю, что – да. Может он вообще ни за кого не болел особенно? Я могу предположить следующее: он, к сожалению, не болел за Спартак, а поскольку не болел, то болеть можно за 5-10 остальных команд, сколько хочешь, главное – не за Спартак.

Н: Точно. Он не болел за Спартак, он даже смеялся, когда Спартак проигрывал.

Ю: Значит, он болел против Спартака?

Н: Против Спартака, да.

Ю: Значит, скорее всего, он был болельщик следующего типа: не конкретно за какую-нибудь команду, а конкретно - против. Почему, правда, против Спартака? Значит, он был далек от народа (*с улыбкой*), поскольку Спартак был народной командой (*оба смеются*). Вот что я подозреваю.

Хотя конечно непонятно. На ЗИЛе он не работал, в армии, не то чтобы не служил, а не был военнослужащим, в Динамо не служил. Может быть, он был тайным агентом? (*оба смеются*). Тогда понятно, почему – Динамо.

Н: За Динамо-то он тоже не болел.

Ю: Ах, да, не болел. ЦСКА, Торпедо. Только это он мог скрывать (*с иронией*). Может это камуфляж был – Торпедо, ЦСКА?

Н: Не... камуфляж – это Спартак (*оба смеются*).

Ю: Ну, да. Как всё... это верно. Да, мы, что-то, отвлеклись... к Деду, к Отцу. Важно, что 60-й год я помню, значит, как бы, я уже болел...

Н: А вот ваш поход с дачи на футбол, это какой год?

Ю: А трудно сказать. Возможно, это был первый поход на стадион, ну такой серьезный...

Н: Наверное, наверное... А в каком смысле – серьезный?

Ю: Ну, может быть был какой-то серьезный матч, хотя какой еще может быть матч, как не серьезный. Я, между прочим, даже не помню, что это был за матч... то ли сборные играли, то ли был матч чемпионата СССР.

Н: А меня не взяли, а я очень просился.

Ю: Ну, ты маленький, наверное, был, значит...

Н: Маленький? Не знаю, хотя... тогда не 60-й год был.

Ю: Раньше? Ну, ты и в 62-м г. был маленький. 9 лет – это тоже немного. Тем более, тогда ходило по 100 тыс. народа, там сберечь 9-летнего мальчика... Давай вот что сделаем. Будем вести отчет, когда мы в последний раз были серьезно в Одинцове. Мы же ездили из Одинцово, ты говоришь, на футбол. Кстати, ездили Я, Отец и Дед – втроем. Это было не позднее 62-ого, потому что в 62-ом мы последний раз были в Игналине, тьфу ты, в Одинцово (*смеется*).

Н: Похоже, 60-й был или 61-й.

Ю: Первый раз в Одинцово я был в 56-ом году, совсем маленький, перед школой. После этого... Жалко, конечно, что я не успел записать про Одинцово, с матушкой поговорить. Я с ней говорил, но, увы, забылось почти все. Она мне рассказывала про 56-й, самый первый. А дальше, скорее всего каждый год мы бывали там. Да, наверное, это 60-61 гг.

Вот тогда я в первый раз попал на стадион. Какой-то не очень интересный, с моей точки зрения, был матч.

Н: Мне кажется, какая-то сборная играла.

Ю: Вроде бы сборная, но я совершенно не помню. Помню, что было огромное количество народа и помню, отец еле-еле меня удержал, как он мне сказал, держал "кольцом" руки, а я в этом кольце сидел, ну не сидел – шел, шел.

Потом опять же легенда, что там кто-то тапочки потерял...

Н: Дед тапочки потерял.

Ю: Да, но подтверждения этому нет (*оба смеются*).

Н: Как он босиком-то доехал? (*смеются*).

Ю: Трудно сказать.

Н: Ну, он потерял, а потом нашел.

Ю: Может быть, потому что шли мы очень медленно.

Н: ...без тапочек как же он доехал?

Ю: Ну да, а легенда вот осталась... Дед потерял тапочки, а Отец меня держал в кольце рук своих, чтобы меня там не задавили. Вообще-то я тоже маленький был. Я в принципе маленький был, ростом-то я особенно большим не отличался. Поэтому это мог быть 60-й, 61-й – 11-12 лет, черт его знает.

Это, наверное, первый поход на стадион. А когда ты первый раз побывал на стадионе? Ты помнишь это?

Н: 64-й год.

Ю: 64-й?

Н: Шахтер. Лужники, с Шахтером.

Ю: Видишь, хорошо-то как, Спартак-Шахтер, 64-й. Чемпионат, Кубок?

Н: Чемпионат, 1:1.

Ю: Чемпионат... А я вот не помню, когда я был... После того памятного матча, из Одинцово, не помню, когда еще был следующий раз на стадионе. Ты помнишь хорошо, а я не помню.

Н: До этого была игра с Динамо. Мы с Отцом поехали на стадион, билетов не достали уже.

Ю: Во, времена были.

Н: Купили – на следующий, заранее, на Шахтер.

Ю: А, что, придавали билеты на следующий тур?

Н: Да.

Ю: Да, времена были!

Н: Народу, конечно, уйма была. 100 тысяч с Шахтером. Спартак-Шахтер, тысяч сто.

Ю: Народ на футбол ходил. Шахтер был командой, такой кубковой и он всегда боевой командой был.

Н: В тот год Спартак играл не ахти, 64 год, у него уже был спад после чемпионства.

Ю: 62 – чемпион, 63 – серебро.

Н: Начался спад.

Ю: А я вот очень хорошо помню. Я сам был на стадионе. Играла сборная, был какой-то официальный матч, то ли на Европу, то ли отборочные к Миру. Мы играли с Италией. Что это за год был, хоть убей, не помню. То ли это перед 62-ым, то ли перед 66-ым. Хотя вряд ли, думаю, что это было раньше, перед Европой. Вроде, наши выиграли 2:1, надо будет посмотреть по справочнику, на каком это я матче был. Возможно, это был 63-64 гг.

Хорошо помню, что было народу уйма, мы сидели на ступеньках с кем-то... (*предположительно, это был матч 1/8 финала чемпионата Европы, 13.10.1063 г. в Лужниках, более 102 тысяч зрителей, СССР-Италия 2:0*).

Н: С билетами?

Ю: Наверное (*позже я вспомнил, были с Валерой Чукаревым, по детским билетам*).

Н: Или так пускали?

Ю: Тоже плохо помнится. Но вот особенно хорошо я помню матч СССР-Бразилия, год 65-й или 63-й.

Н: 65-й.

Ю: 65-й все-таки... Вот это я помню просто чудесно. Мне уже было почти 16, хочешь – не хочешь, запомнишь. С Валерой Чукаревым... (*матч состоялся 4 июля 1965 г., СССР-Бразилия 0:3*).

Н: В газете Футбол помню снимок Пеле с Ритой Павоне.

Ю: С Ритой Павоне? (*оба смеются*).

Н: Как раз театр этот приезжал, Кантаджиро что ли?

Ю: Да, вроде. Что-то там с Сан-Ремо связано.

Н: Нет, это не Сан-Ремо, театр Кантаджиро.

Ю: Да, да.

Н: Джанни Моранди, Рита Павоне, еще кто-то...

Ю: В Зеленом Театре концерт был? Точно, под дождем. Это не футбол, это я про Кантаджиро (*смеются*). Это я помню хорошо, по телевизору передавали.

Н: 3:0, по-моему, Бразилия выиграла.

Ю: Да, да. Это особый матч был. Мы с приятелем школьным, Чукаревым... Как билеты мы покупали – это вообще рассказать, никто не поверит сейчас.

Когда за несколько дней мы поехали покупать билеты... Вокруг стадиона Лужники, вокруг забора красивого, который окружает Лужники, не стадион, а все Лужники, стояла огромная очередь, чуть ли не в два круга. Нет, два круга вряд ли, но полтора – точно. Я видел, замыкалась она... хвост на второй круг.

Стояли мы полдня, очень рано утром приехали, стояли-стояли-стояли и, наконец, подошли к очередям, к кассам на входе. А там оказывается куча "жучков", огромное количество. Наверное, это была очень выгодная "штука", дорогая.

Это мы потом уже поняли. Там занимали очередь по несколько раз, народ бегал и в очередях отмечался. Когда мы уже подошли к кассе (*туда пускали через милицию, кордоны всякие*), вышли к кассе нам каждому дали по маленькому талончику. Такой красивый талончик был. На каждый можно было купить два билета.

Мы естественно купили билеты на один талончик, мне и Валере и отошли от касс, а на руках – второй талончик. Тут к нам столько народу подбежало. И мы этот талончик за три (3) рубля продали (*смеется*). Это было очень дешево, но тогда мы его вообще выбросить могли. Но мы окупили свои билеты этой продажей, билеты стоили, то ли 1 рубль 50, то ли 1 рубль 30, такая была цена.

Н: Да, я помню, такая была цена. На международные матчи.

Ю: Это было давно. И футбольный матч я помню плохо. Во-первых, мы сидели где-то за воротами, не так высоко. Но хорошо помню, что голы забивались именно сюда.

Пеле – да! А как мы раньше их называли... Пеле - пЕле...

Н: вАва, дИди... (*смеются*).

Ю: Да, было такое. Единственно помню, когда вдруг по стадиону прошел такой ропот... шу-шу-шу. Что такое? Народ загудел. Оказывается, хотят Гаринчу выпускать. Как-то тогда Пеле – ну Пеле, Пеле. Ну, звезда. А Гаринча был загадочной фигурой.

И вот он больший вызвал восторг. Его сначала не было на поле. И помню, тогда этот известный бразильский массажист, лысый, ну который мячик утащил с какого-то финала ЧМ, он побежал по дорожке в подтрибунные помещения. "Гаринча, Гаринча!!!". Он на замену должен был выйти. Такой вздох по стадиону. Вот только не помню, вышел он на замену или нет (*смеется*).

Н: Ты был на матче Бразилия-СССР?

Ю: Да, именно на этом матче.

Н: Ты вроде сказал, что не помнишь на каком матче.

Ю: Нет, на этом матче я был точно, просто забыл, какой это был год, 63-й или 65-й.

Н: Я помню, что мы газету Футбол начали покупать с 64-ого. Значит это, скорее всего 65-й.

Ю: 65-й – это точно. Болельщиками мы были большими, уже болели, конечно, за Спартак, это ясно. А здесь, международный матч, надо попасть и вообще - Бразилия. 1965 г., тебе – почти 12. Почему ты не участвовал в этой эпопее?

Н: Я не любитель был на сборную ездить. И вообще как-то сборную не любил. Я болел только за одну команду, за Спартак.

Ю: Ясно, болельщик Спартака. Тогда, что ж, вернемся к Спартаку. Мы так немножко историю вспомнили. И все-таки, Спартак. Я уже тебе говорил, что, к сожалению, не сохранилась первая табличка чемпионата СССР по футболу, она была нарисована, вычерчена...

Н: В клетку, тетрадный, двойной.

Ю: Да, в клеточку... 1962 год.

Но, по-моему, это была табличка финальной части турнира, а не всего чемпионата. Там какая-то сложная схема была. Перед этим финалом Спартак был, чуть ли не на последнем месте. М.б. разница в очках была не очень большая. Но они выходили из разных групп с уже каким-то количеством очков...

Н: Такая же система была в 1969 г., когда Спартак чемпионом стал. Тоже было две группы, потом сколько-то команд выходило в финальную с очками, набранными с участниками своей группы.

Ю: Нужно все-таки посмотреть "матчасть" на этот предмет.

Н: В 1961 г. такой же был вариант, это точно. Там Киев, что ли стал чемпионом, первый раз? Да, точно Киев.

Ю: А там вроде Киев три раза подряд в те годы становился чемпионом. Или это было позже?

Н: Это было позже.

Ю: 64, 65, 66 – это годы, когда Маслов тренировал.

Н: Нет, 66, 67, 68.

Ю: А, вот так вот.

Н: В 65 – Торпедо, в 64 – Тбилиси.

Ю: Понятно. Но все-таки табличка была первая в 1962 г. Болеть мы начали, скажем, так, активно тоже в 62 г. Если это как-то связано с табличкой. Это можно считать некоей отправной точкой.

Я понимаю, это могло быть раньше, 61-й, 60-й годы. Но это как-то было несерьезно. Серьезно – это когда пишешь табличку, сам пишешь. Я думаю, что это было не с самого начала чемпионата, а то у нас было бы две таблички, а у нас была только одна, финальная.

Н: А кто ее писал, табличку?

Ю: Трудно сказать. Я считал, что это я рисовал. А сейчас я подумал, что вообще говоря, 62 год, мне нет еще 13 лет, тебе 9-ти. А у нас Отец был чертежником. Может быть, он все-таки это как-то... Ну, по крайней мере, он ее мог нарисовать-разрисовать. Первая табличка, как-то надо было все-таки сообразить, как писать, как рисовать. Это все непросто было. Может это все-таки он? А заполняли уже мы? Я, ты – я не помню.

Н: А что там было рисовать?

Ю: Ну, все-таки, понимаешь, сообразить... Это тебе сейчас кажется – что там было рисовать, а изначально надо было все-таки сообразить, как это, куда, чего. Хотя Дед же у нас эти таблички вел, как-то своеобразно, как-то хитро, по турам, необычным образом. Могли, конечно, у него подсмотреть. Поэтому, может быть, и мы рисовали, а не Отец. Хотя у меня сейчас появились какие-то сомнения.

Н: Скорее всего Дед, мне кажется.

Ю: Думаешь, Дед? Так сказать, "подмогнул". А может мы у него просто срисовали? Я не помню, чтобы Дед рисовал, не помню. То, что она, табличка, была – помню. Кто ее рисовал? Мне казалось, я ее рисовал, но сейчас что-то засомневался.

Н: Какими-то красивыми были цифры. М.б. все-таки Отец? Четкими такими прямо были.

Ю: Я тоже подумал, может быть все-таки он. Но по "легенде" это я писал. Хотя в принципе это мог делать и Отец. Красивые "двоечки", потому что "ноликов" было мало. Да, не было "ноликов", Спартак ни разу не проиграл в этой части...

(*Разговор зациклился на этой табличке*).

Ю: ...Значит это 62-й год, конечно. Будем считать, что это начало нашего, пусть даже не боления, а активного такого участия в жизни команды Спартак.

Н: А вот на счет Даниловки, то... мы же еще раньше болели, когда ходили на футбол.

Ю: Ах, да. Мы же с этого и хотели начать (*оба смеются*).

Н: Вот с этого и надо было начинать.

Ю: С чего надо было начинать?

Н: С Даниловки.

Ю: Ну, да, с Даниловки, конечно. Вернемся. Болеть – это одно, главное – это в футбол гонять, по мячу лупить-бить. А "бить-лупить" было и в Даниловке, и в Одинцово. Об этом мы еще поговорим особо.

Это – не боление, это – чисто спорт, футбол, без которого... Просто болеть... Но мы, в конце концов, не инвалиды, сидеть на диване, болеть и болеть. При нормальном здоровье надо еще играть в футбол. А в футбол мы начали играть очень рано, в Даниловке. Пацаны были, наверное, 6-7-летние или старше?

Н: Лет 7, я так начинал.

Ю: Точно, в 6-7 мы в Даниловке играли. Ходили мы играть с другими дворами куда-то... (*и тут Николай как раз и напомнил, как мы в очередной раз компанией старших ребят, 17-летних, ему-то, Николаю, было всего 4-5 лет, он с нами не играл, мы ходили играть куда-то во дворы*). Выиграли или проиграли, я не помню...

Н: Скорее проиграли, проиграли.

Ю: Да, да...

Н: Я вас утешал.

Ю: Да, точно (*оба смеются*), пришли грустные. И, вдруг, нам навстречу выбегает пацан, молоденький и говорит... Чего ты говоришь?

Н: Спартак выиграл!

Ю: Спартак выиграл!

Н: Но мне лет 8 уже было. Насчет возраста ты напутал что-то.

Ю: Значит, мне было уже 12.

Н: Да, вы же ходили играть черт те куда.

Ю: А нам уже было по 11-12 лет.

Н: Кто же 8-летних пустит.

Ю: Т.е., это был 60-61 г., опять же.

Н: 61-й, скорее всего.

Ю: И вот тут ты нас обрадовал, что Спартак выиграл. И что, мы все болели за Спартак? Все пацаны во дворе? Про тебя и себя я не говорю.

Н: Вот твой друг, Смирнов, что ли...

Ю: Смирнов, Володька Смирнов.

Н: ...я точно знал, что – за Спартак.

Ю: А "Шишковчики" , два брата близнеца?

Н: Они в футбол не играли, по-моему...

Ю: А с кем же мы ходили со двора играть?

Н: А может вдвоем?

Ю: Да, вряд ли, мы что, двое надвое играли? Да, это тоже вопрос. Но мы, же во дворе играли все вместе, мяч, то точно пинали, ты тоже пинал. Вдвоем... странно, там из ребят больше никого и не было, а они все-таки два брата-акробата.

Н: Может какие взрослые ходили с вами?

Ю: Вернее, мы с ними ходили (*оба смеются*). Это хорошо.

Н: Толик там какой-то еще был, старше.

Ю: Да, был. Мы играли от забора до забора.

Н: Это я помню, а с кем играл, не помню.

Ю: Там у нас круг лиц-то ограниченный (*смеется*).

Н: Я помню, сам один долбил этот сарай, помню, отрабатывал удар.

Ю: А с другой стороны было крыльцо высокое-высокое, как бы вторые ворота, напротив сараев. Да, интересно...

Н: Вот не помню, с кем играли в футбол во дворе, не помню...

Ю: Тем не менее, в 60-ом, в крайнем случае, в 61-ом, точно не в 62-ом - 62-ой очень хорошо помню... переезд из Даниловки на Волхонку-ЗИЛ.

Был лагерь (пионерский), перелом руки, и это было до чемпионата Мира, чилийского. А когда он был-то? Летом или осенью?

Н: Летом.

Ю: Так, Коль, чтобы подвести черту, поскольку заканчивается пленка (*45 мин*), можно считать, что... вообще говоря, в футбол мы начали играть очень рано, как все пацаны тех годов...

Н: Но не на стадионах (*улыбается*).

Ю: Ну, естественно, конечно во дворах. Мы профессионалами не были, даже ни в каких школах не учились. Даже не было потуг каких-то к этому. Или все-таки были? Куда-то податься на учебу в футбол, в спортшколу? Не помню.

Н: Это от родителей тоже зависело.

Ю: Верно. Тогда почему-то не отдавали особенно детей в какие-то школы.

Н: Детство было тяжелое, детсад на пятидневку, даже шестидневку, один выходной, в понедельник опять туда, в сад. Так детство проходило. А в детском саду никаких там мячей, футбола. Там вообще спорта не было, беготня какая-то. Воспитателям " по-хрену" все было.

Ю: Это до школы?

Н: До школы.

Ю: А в школе, в 728-ой?

Н: Ну, там сколько? Полгода всего проучился ... или...?

Ю: 53-год, а ты в 8 лет пошел, в 7 с небольшим, в 61-ом году ты пошел в первый класс, учился целый год.

Н: Да.

Ю: Потом лето. Летом я в лагерь поехал, а ты? Ты тоже в этом лагере был?

Н: Одну смену.

Ю: Где я руку-то сломал (*смеются*). Понятно. А до этого мы в Одинцово, что ли были? В 62-ом?

Н: В 62-ом, летом, да.

Ю: А последняя смена и была в лагере, где я первый раз руку и сломал, не участвуя ни в каких футбольных матчах, к сожалению. Так, значит, Коль, чего? Приблизительно, 60-62 гг. - это наше время, точней – не стоит ... (*кончилась пленка*).

Это только первая половина (одна сторона пленки) нашего разговора с братом о футболе и о многом другом. Впереди – продолжение этого разговора, в котором мы с Николаем постоянно возвращались к нашему даниловскому детству.

А я сейчас вернусь к рассказу о родных и близких, к своей родословной. По мере написания этого опуса и изучения документов, рассказ обрастает все новыми подробностями, и мои разговоры с Мамой и братом заставляют вновь и вновь возвращаться к тем далеким годам, да и не очень далеким, тоже...

Галина. 1953 г. (Солнцева Г.А.)

Родословная
(Продолжение)

Я хорошо понимаю, что в этой части "Характеров и судеб" почти каждая глава, так или иначе, затрагивает тему родных старшего поколения. То поколение заслуживает, чтобы о нем написать много добрых слов, а может быть и немного критических. Хотя, как говорится, либо хорошо либо ничего.

Я уже писал, что нам с братом в жизни довелось общаться только с одним родным Дедом, отцом мамы Оли.

Про тетю Лизу, тетку нашего Отца, Павла Ивановича и нашу двоюродную бабушку я уже кое-что повспоминал.

Теток и дядьев по линии Мамы и по линии Отца у нас было много. Самая любимая и близкая – тетя Галя, сестра Мамы, Солнцева Галина Александровна (21.12.29 - 09.05.98).

По этой же линии мы виделись, были знакомы с дядей Сашей, братом Мамы. А вот по линии Отца я видел только одного его брата Бориса, о ком вообще разговор особый.

Двоюродных бабушек и дедушек у нас с братом было огромное количество. Особое место среди них занимал дядя нашей Мамы, ее крестный, Николай Иванович Гаврюшин.

Крепкий плотный мужчина, с приятной внешностью – таким он остался в моей памяти. Все наши семейные застолья всегда украшало его присутствие. Нам на дни рождения он всегда дарил шоколад, его фирменный подарок. Он был немногословен, но всегда остроумен и трудно было представить наши посиделки без этого симпатичного человека.

Как я теперь понимаю, мне всегда хотелось быть похожим на дядю Колю. Когда мы еще жили на Даниловке, он был моим помощником в выполнении домашних заданий по математике. Скорее всего, решать задачки научил меня именно он.

Мне сейчас пришло в голову, что именно оттуда у меня тяга к точным наукам, именно в это время формировались мое отношение и интерес к решению всевозможных задач.

Возвращаясь к нашим посиделкам уже на Волхонке-ЗиЛ, куда мы переехали вместе с Николаем Ивановичем, конечно в разные квартиры, без него трудно было представить и застолье, и веселье, и песнопение. Другими словами, без него было намного скучнее.

В своем "Даниловском детстве" я упомянул о детях Николай Ивановича. Это три дочери: Надежда, Капитолина, Любовь (18.11.40-30.01.2001) и сын Евгений (24.02.27-03.12.88).

Дядя Женя, наш с братом крестный, был замечательным, веселым и жизнерадостным человеком. Он в каком-то смысле заменил нам своего отца. Теперь уже без Евгения за столом, в том числе и карточным, было не так весело. Он был женат (жена Рита), у него была дочь Вера, с которой мы росли вместе на Даниловке. Но на Волхонку-ЗиЛ они с ним не поехали. К этому времени их семья распалась, а сам он свою жизнь стал оценивать не слишком высоко. Хотя был он очень интеллигентным человеком, книгочеем, подарил мне кучу замечательных книг.

Он вместе с еще одной моей крестной, тетей Галей, которая тоже постоянно дарила мне книги, воспитывали во мне именно эту любовь к художественной литературе, к приключениям, романтике.

Самая младшая дочь Николая Ивановича, Любаша, была всеобщей любимицей. Мне помнится, она всегда была веселой, хохотушкой. Немного полноватая, похожая на румяного колобка и светловолосая, она излучала оптимизм, хотя жизнь ее тоже сложилась непросто.

Тетя Капа (Капитолина Николаевна) рано потеряла мужа (какая-то трагическая история), не имела детей, позже вышла замуж повторно, уже в зрелом возрасте. Второй муж скончался уже в мои зрелые годы.

Тетя Надя, самая старшая из сестер, долгие годы прослужила (проработала) в "органах", по всей видимости, имела высокое воинское звание (как-то я увидел ее фото в военной форме). За мужем она была также за работником того же ведомства, звали его Федор, фамилии его не помню, но все родные называли его просто Федя. Он умер тоже как-то нелепо. Пошел кататься на лыжах, и в лесу ему стало плохо – сердце. Так тетя Надя овдовела в первый раз. Второй ее муж, Аркадий Фишер, которого все называли Аркаша, был замечательный, и компанейский мужик, играл на гитаре и всегда был заводилой всех начинаний. Особенно это касалось работ на их семейной даче и последующего отдыха. Он как-то скоропостижно скончался и я уже не помню причины его смерти.

Тетя Надя и тетя Капа на момент написания этих строк здравствуют, но мы практически не общаемся, увы.

Их мама и жена Николая Ивановича, Софья Владимировна (Дроздова) (21.09.1898-10.01.73), сколько я ее помню, всегда была домохозяйкой и по очереди растила своих четырех детей. Что интересно, фамилии своим детям они давали разные.

Так, например, фамилия Любаши была Гаврюшина, а дядя Женя был Дроздов. Про тетю Надю и тетю Капу этого точно не знаю, как не знаю и причин, по которым давались такие фамилии. Это, с моей точки зрения, примечательный факт, о котором я не мог не упомянуть.

* * *

К сожалению, в моих повествованиях все больше встречается упоминаний (в круглых скобках) дат жизни и смерти родных, близких и добрых друзей.

Вспомнил мое "Почти не о чем-2", где я призывал себя и читателей относиться ко всему этому философски и с пониманием неизбежного.

И как же хочется пожелать всем веры во что-то светлое и хорошее, и чтобы это хорошее и светлое длилось и не кончалось: "И чтоб детьми подольше оставались дети, давайте долго жить на этом белом свете".

Я подозреваю, что все эти мои записи – почти не о чем. Но тут, я надеюсь, главное слово – почти. Потому что воспоминания и размышления о своих близких и родных, в особенности ушедших из жизни, не могут быть совсем уж "не о чем". Пока мы о них помним, пока они в наших сердцах, наших делах и мыслях, они остаются живыми и яркими личностями, какими они были при жизни. То же самое я могу сказать и о своем брате Николае, к "разговорам" с которым я и хочу сейчас вернуться.

О футболе с Николаем
(Продолжение)

Юрий: Продолжаем наши записи.

Сегодня 29 марта 2003 г., и мы продолжим разговор о нашем детстве. В детстве мы часто ездили в подмосковный город Одинцово. Там мы снимали... терраску, не знаю даже..., домишко...

Николай: Считалось – дача.

Ю: Да, это была дача. Практически у родственников, потому что очень хорошая женщина, тетя Фаня, когда-то была женой нашего Деда. Честно говоря, я не знаю, насколько она была его официальной женой, но уж гражданской – точно. Наша Мамка называла ее все-таки мамой в какой-то момент.

Дача была тети Фани, как мы ее называли (*улыбается*).

Так, ну и что? В связи с дачей, по поводу футбола? Что можно сказать об этой даче? Естественно вдвоем мы с тобой в футбол не играли (*смеются*)...

Н: Может мячик гоняли...

Ю: Может быть, если только в переулке, перед калиткой.

Н: Да.

Ю: Вот здесь мы могли ходить, но что-то не помню.

Н: Возможно в лесу, брать могли мяч с собой.

Ю: Типа – в дубовой роще и дальше. Да, могли. Но это к футболу имело отношение небольшое. Как, наверное, мы сейчас выходим к пруду, около которого ты живешь, где гоняем мяч. Хотя – другие времена.

А каким образом мы все-таки познакомились с местным населением? С теми же ребятами – Соловых? Как? Я плохо помню. С дачниками, где была девочка и родственники – это я могу представить. Мало ли – родители с кем-то пообщались, нас свели и т.д. А как с местными, ты не помнишь?

Н: Скорее всего через родителей, как еще.

Ю: Опять через родителей?

Н: Я думаю так. Так бы ты не пришел и не сказал, вот я, здравствуйте, можно с вами познакомиться?

Ю: А может так... нас познакомили с какими-то очередными дачниками где-то "в лесах" – это моя гипотеза – далее мы познакомились с детьми дачников же, соседей. И может мы вышли куда-то погонять мячик и там возможно к нам "подвалили" местные ребятишки. Так и познакомились.

Это может быть реально. Вряд ли у наших родителей были знакомые среди местных. Хотя, помнится, там была какая-то школа, у мамульки была знакомая учительница, предложившая меня устроить на практику.

Н: Нет, это совсем другое.

Ю: Да, но с местным населением все-таки были контакты. Не с дачниками, а с местными – контакты были.

Н: Единственный вариант, как они могли о нас узнать – они могли увидеть нас, когда мы играли.

Ю: Когда мы шпыняли этот мячик?

Н: Больше никак не могли их узнать, да.

Ю: Больше никак они не могли нас узнать (*смеются*). А подожди, какой мячик мы шпыняли? Еще одна интересная тема, какими мячами мы играли в принципе. В детстве, вообще. Красно-синие мячи, большие были – это я помню. Что было еще? Были ли другого типа? Кожаные – ладно, хотя бы из кожзаменителя. У тебя в памяти не осталось?

Н: Нет... Такими, в три полоски, мы играли, кожаными мячами. На даче мы такими же играли. Не красно-синими же...

Ю: А мы покупали их что ли, родители, отец?

Н: Ну, наверное.

Ю: Были уже "три полоски"? Но не ниппельные, в смысле, с этим... с соской, тогда еще ниппельных не было.

Н: С камерой что ль?

Ю: С камерой, ртом надували.

Н: Скорее всего.

Ю: Вот это другое дело. Понятно, не простые детские мячи.

Н: Нет.

Ю: А, солидные мячи. Понятно. Ну, значит, гоняли мы, гоняли, и нас где-то кто-то увидел, познакомились с кем-то, с детьми дачников, с детьми местного населения, появилось желание поиграть вместе (*смеются*).

Честно говоря, я не помню, как все это происходило, только предполагаю. А потом, поскольку народу набиралось много, и гонять на пяточке было неудобно, начали искать места побольше, площадочку, воротики поставить.

Н: В смысле, где роща, что ли?

Ю: Я не помню где.

Н: Нас могли видеть в роще уже, не здесь же.

Ю: А где мы начинали играть совместно? Мы с тобой могли играть в проулочке, в лесу, роще. А потом, трое на трое, четыре на четыре, где? Мы выходили в места какие-то другие. В том же лесу могли, конечно, там были поляночки. А могли ли мы сразу уйти в парк? Могли вообще-то.

Н: Мы пошли туда играть уже с ребятами, у которых собака была. Возможно, они нас туда и пригласили играть.

Ю: Может быть так, вполне.

Н: Вдвоем бы мы туда не пошли.

Ю: Наверное, конечно. Впятером, вшестером, не помню. Кстати, эта девочка тоже играла в футбол, была такая высокая, симпатичная. Не помнишь, как ее звали? Поди, сейчас вспомни (*смеется*). И нас, наверное, было человек пять-шесть, не больше, может быть даже 4-5. А тогда вопрос такой: в парке мы играли с местными ребятишками? С маленькими?

Н: Не знаю, местные или не местные, но они приходили к нам.

Ю: Поиграть?

Н: Да. А не мы к ним. Т.е., мы разведали это местечко и оборудовали под футбольное поле.

Ю: Оно было странное такое. Ворота – были деревья, да? А за воротами были, такое ощущение, стены. Бетонные, не бетонные, что-то такое. Было что-то огороженное.

Н: Что-то я не помню.

Ю: Было ощущение... замкнутая площадка. В общем, какой-то заборчик был там, маленький не маленький. Т.е., ты считаешь, что мы были активистами, да?

Н: Скорее всего, да. Считаю.

Ю: Может быть, мы приходили со своим мячом? Это же важно.

Н: Сейчас вспоминаю... мяч-то как раз был этих ребят, у которых – собака. Мы же вместе были. Мяч, по-моему, их.

Ю: А наш мяч...

Н: Может, у нас его и не было.

Ю: А во что мы тогда с тобой играли в переулке? Это, возвращаясь к началу разговора (*смеются*).

Н: А может и не играли (*громко смеются*).

Ю: Возвращаясь к началу разговора, можно сказать, что мы и не играли.

Н: Мы кидали банку из-под леденцов, это я помню. Дедову пепельницу. И куда-то ее закинули.

Ю: А как мы ее кидали?

Н: Ну, как...

Ю: Кидал и кто-то ловил... А, это – то же самое, что я делал в 11-ом классе, ластиком. Т.е., это оттуда пошло такое. Я плохо помню, что мы банку кидали. Из-под чего банка была?

Н: Из-под леденцов, что ли. Она пепельницей была у Деда. Заменяла.

Ю: С крышкой или без крышки?

Н: Без крышки, наверное.

Ю: А, это я помню. Как-то, на пальце ее – взжик... Знаешь, у меня даже ощущение осталось. Это я припоминаю!

Н: Потом куда-то закинули и так и не нашли. Дед ворчал все.

Ю: А знаешь, куда она улетела? Где школа, куда-то туда. Хотя через забор могли бы перелезть... Наверное, на чью-то дачу. Да, это интересно. Ну, ладно, это ясно.

Значит, начали играть там. Надо сказать, это мои первые яркие впечатления о том, как мы играли в футбол. То, что мы играли раньше в футбол на Даниловке, о чем говорили в предыдущих записях, я не помню. Куда, в какие дворы я ходил, куда мы ходили играть...

Н: Ты же один ходил, меня же там не было.

Ю: Да, вот я и не помню. Помню, как мы в хоккей ходили играть, на льду с мячом. Я на воротах, кстати, стоял. А про футбол – не помню. Зато, очень хорошо помню, как мы играли в том же парке. Помню, я тогда впервые почувствовал себя, не то, чтобы каким-то старшим, но каким-то наставником. Нет, не так. Каким-то... сейчас бы сказали капитаном команды. Вот так.

Н: Лидером...

Ю: Лидером? Да, да. И мы часто обыгрывали всех. Хотя, как сейчас помню, наша команда была маленькая какая-то, малочисленная. А приходили постарше и мы их обыгрывали. За счет организации, что ли? Может я свою лепту вносил в это обыгрывание?

Я думаю, что из-за этих дел-вещей меня и пригласили в местную команду, в одинцовскую, играть против команды лагеря. Вот тогда я впервые играл в большой команде, 11 на 11 на большом поле. Никогда не забуду, как голы в большие ворота залетали. 7 м на 2,5 – е-мое, думаю. В такие ворота, да не забивать, удивительно (*смеются)*. Хотя нападающим я не был. Как всегда я – в полузащите – любимое мое место было всегда. С тех пор моя любовь навсегда отдана игрокам этого амплуа.

И "Федя", и "Гавря" (*Федор Черенков, Юрий Гаврилов*), и все-все (*смеются*) остальные полузащитники, которые были и до и после...

В том же Одинцово, я припоминаю, играли и какие-то взрослые команды. Там были какие-то местные заводы, предприятия. Мне вспоминается – завод N2 и N6. И они разыгрывали... или участвовали в каком-то первенстве, уж и не знаю, московской области или каких-то других клубов физической культуры.

Мы тоже смотрели футбольные матчи, когда играли взрослые, настоящие футболисты. Мне запомнилась какая-то синяя форма, то ли 2-ой завод, то ли 6-ой.

Сейчас, я думаю, надо вернуться обратно на Волхонку, Нет, не обратно, а куда мы переехали в 1962 г. из Даниловки, что рядом с метро Каховская. Тогда мы уже вели табличку, болели за Спартак, и Спартак, ура, стал чемпионом. После этого мы уже начали регулярно такие таблички на миллиметровой бумаге... Кстати, эти таблички остались?

Н: Да, остались.

Ю: Надо будет потом посмотреть с какого года у нас эти таблички. Боюсь, что не с 63-го, я так подозреваю.

Н: С 64-ого или с 65-ого.

Ю: А мы еще могли тогда как-то раскочегариваться. 62-ой – это понятно, эйфория. А дальше уже начинается эпопея табличек и...

Н: В 63-ем не было табличек у нас.

Ю: В 63-ем – не было? А мы вроде там второе место заняли. Да, мы, наверное, еще "не разошлись". 62-ой год еще был годом Даниловки. А, может, потерялась где-то табличка?

Н: В календарь мы записывали, в маленький такой календарь.

Ю: Да, тогда каждый год издавался календарик, то ли на год, то ли на круг.

Н: На два круга, каждый календарь на один круг.

Ю: Кстати, у нас же были какие-то особо любимые календари, которые ты всегда искал – "надо купить именно этот", не помнишь?

Н: Нет, почему, как это... именно этот?

Ю: Ты говорил, то ли это издание БСА, то ли что-то...

Н: Да, это был самый лучший.

Ю: О! Об этом я и говорю (*улыбаются*). Что это за календарь был?

Н: Центрально-спортивный... Лужники им. Ленина.

Ю: Это когда уже стал большой формат, немного побольше, а не маленькие.

Н: Да, да, маленькие не помню, кто выпускал.

Ю: Московская Правда, что ли?

Н: Возможно. А "ФиС" – это уже большие. Похожие – на "Ленина", центрального стадиона.

Ю: А всегда гонялся ты за...?

Н: За "Ленина"...

Ю: А у нас остались календари, не выброшены?

Н: Все здесь! Да!

Ю: Удивительно! Все здесь?

Н: А зачем выкидывать.

Ю: А "желтенькие", 61 и 62 годов?

Н: Остались.

Ю: Надо будет посмотреть. Так. Таблички – табличками. Хорошо. А потом мы решили сделать некую... не табличку, турнирную таблицу, аналог чего? Аналог того, что мы видели на стадионе?

Н: Да, игрочки, которые по росту выстраиваются, в зависимости от занимаемого места.

Ю: Такая доска большая, у которой всегда собирались болельщики.

Н: Да, разговоры всегда велись.

Ю: Кстати, по поводу разговоров. Я что-то не помню, чтобы... мы принимали в них участие, может быть, мы больше слушали.

Н: Да нет, вряд ли.

Ю: Наверное, маленькие были, или скромность мешала.

Н: В основном на "Динамо" были эти летучки-то, а на "Ленина" особо не было.

Ю: А в Лужниках тоже была табличка.

Н: Табличка-то была, но не собирался народ, на Динамо в основном собирался.

Ю: А в Лужниках было даже две таблички.

Н: Да, первая и вторая лиги.

Ю: А на Динамо я что-то не помню.

Н: В основном из слухов и разговоров. Мы-то там конечно не собирались. Мы на Динамо редко бывали. Из прессы и т.д.

Ю: И мы по образу и подобию решили сделать такие же таблички. Из ватмана, щелочки, куда нужно было вставлять игроков. Игроков Николай делал сам. Там ведь еще была проблема с раскраской формы. Надо было четко знать, какая форма у кого. А откуда ты их взял? Тогда ведь особой литературы не было.

Н: Может быть и со стадиона, как-то старался.

Ю: В общем, это собирательный образ?

Н: Да, так.

Ю: И, наверное, еще какая понравилась, я так подозреваю. Такая красивая-красивая (*смеются*). А вот у кого была такая форма – поперек линия была – вот так? Надо будет посмотреть этих игроков, которые у нас сохранились.

Н: Ну, там "раскрас" то был какой-то странный. Тоже никто особенно не знал – на стадионе...

Ю: Не было такой жесткой привязки к форме.

Н: Типа, эмблема должна быть, а цвета... да и эмблемы то, наверное, не было ни у кого, кроме столичных команд, у Спартака.

Ю: Но все-таки "колер" какой-то был. Красно-белый, бело-голубой. А вот у ЦСКА, они всегда были красно-синие? Или они только сейчас такими стали?

Н: Раньше они были красно-синие, а сейчас?

Ю: Нет, сейчас их называют красно-синие...

Н: Да, красно-синие.

Ю: Спартак тоже бывает бело-белый, понятно. Вот Шахтер был какой-то оранжево-черный...

Н: Да, это традиционная...

Ю: А, вот Киев? Или тоже, как Динамо?

Н: Да... Торпедо – бело-черные. Раньше, помню, играли в любых цветах. Надевали, как я помню... в чем они только не играли.

Ю: Ну была своя форма, выездная.

Н: Есть – основная, есть – запасная, а так-то...

Ю: Кстати, я где-то тут прочитал, что у Спартака тоже есть такая запасная, бело-белая, красно-красная, красно-белая, а еще есть черная.

Н: В книжке (*матчасть*) все это есть.

Ю: Фирмы тоже разные бывают: Адидас, Умбро.

Так, ладно. Таблички эти были очень долго. Прекратили вести их, наверно, как это называется, "с распадом Союза" что ли или раньше?

Н: По-моему, да, с распадом.

Ю: С распадом. Когда, вроде непонятно...

Н: В 1991 г. я, по-моему, вел, должен был вести.

Ю: Это когда ЦСКА последний раз стал чемпионом?

Н: Ага.

Ю: А потом, когда спартаковская эпоха, российская началась, вроде мы никаких табличек не вели. Да, интересно.

Коллекция “спартаковских” значков

Тоже показатель. Ну, мол, чего вести и так все ясно, Спартак – чемпион, что уж там говорить. Да. А я так лихо хочу повернуть в другую сторону.

Я сейчас посмотрел на стеночку и увидел спартаковские значки. То, что мы болельщики Спартака – это не секрет, поэтому, вот что я хочу спросить Николай тебя... когда у тебя началась эта эпопея со значками? Немного отвлекаясь от всего этого дела. Н: Наверное... какой год? 88-ой, наверное, после того, как Спартак чемпионом стал в 87-ом.

Ю: Вот так да! А до этого... я, это, значки приносил?

Н: Я наткнулся случайно, на Арбате продавали значки, я увидел некоторые, которых у меня не было. Я купил, и с этого времени я "заболел"...

Ю: ...вот этим коллекционированием, да. А у меня вопрос: а что значит – "впервые увидел значки, которых у меня не было"? Значит, до этого у тебя были какие-то значки?

Н: Ты начал эту коллекцию.

Ю: Т.е., я что-то покупал. Не то, чтобы коллекция, а просто покупал спартаковские значки, как болельщик.

Н: Как сувениры.

Ю: Как сувенирчики. А вот это была как бы изначальная "штука", да. Ну, они были тогда в большом количестве, т.е. проблем не было в покупке. Думаю, я не воспринимал это как коллекционирование. Каких нет – покупаешь, новенький красивый значок. А потом и началось, ты говоришь в 87-88.

Ты переключился на это так поздно? Мне казалось, это было раньше, хотя что, это нормально. И чего, как ты доставал? В те времена не так-то просто стало покупать значки, как в мое-то время.

Н: В основном, на вернисаже, в Измайловском парке. Я как раз случайно туда зашел, как-то по интуиции. Гулял, гулял по Москве и набрел туда. Вижу, там народ стоит, продает разные сувениры.

Ю: Неожиданно, так. Это там, где всякие картинки и прочую, всякую?..

Н: Все, что угодно и много значков там было, продавцов значков. Как-то сразу наткнулся на чемпионский, 87-ого г., значок. Первый раз я погулял, потом еще решил съездить туда, и потом все и началось.

Ю: То есть, это довольно случайно все?

Н: Может быть даже и не случайно. Я это искал, что-то искал, т.е. хотел.

Ю: Желанье, т.е. было?

Н: После того, как я купил вот эти после долгого перерыва, значки на Арбате.

Ю: После этого и возникла идея вот так активно этим заниматься?

Н: Они мне просто понравились, значки. Потом много на стадионах я покупал значков перед матчами Спартака, в основном на Динамо, в Лужниках, на Локомотиве – редко, там мало было.

Ю: В Черкизове?

Н: Да.

Ю: А что, там просто кто-то сидел и торговал где-то в уголочке, на пригорочке, или это было на прилавках?

Н: Без прилавка, так просто.

Ю: То есть это такие собиратели были, любители?

Н: Если новые, то там продавцы были, которые продавали их – специальные люди. Но это было до последнего времени, сейчас это все (пока) прекратилось.

Ю: Нет, сейчас тоже издаются (делаются) всякие значки. Они малым тиражом, но может быть не такие как в твоем понимании, для твоей коллекции, потому что понятие – Спартаковский значок – это тоже разное, как я понимаю.

Ты ведь тоже некоторые значки отбраковываешь. То есть это не то, как бы. А по каким критериям ты их выбирал, т.е. вот этот нужен, а этот – какой-то не такой. Я помню, приносил, а ты говорил именно так.

Н: Критерии... футбольный, хоккейный и символика, которая может относиться к футболу и хоккею.

Ю: Спартака?..

Н: Да.

Ю: Футбольному Спартаку и хоккейному Спартаку?

Н: Т.е., "ромбик", он относится к футболу и хоккею – вот эти я собираю. А вот если какой-то там "разрядный", не поймешь к чему относится, я такие не собирал. Таких много было: волейбол, регби.

Ю: А качество значка... сделано на металле и т.д. или "фуфловское" какое-нибудь, это играло роль? Ну, на пластмассе или еще как?

Н: Пластмасса – нет. Только металлические. Пластмасса только для вида у нас висит.

Ю: И сколько в коллекции, скажем, супер-значков?

Н: Больше ста.

Ю: А под 150 подходит или нет?

Н: Может и подходит.

Ю: Ну, я понимаю, ходить, покупать, но потом стали появляться очень редкие значки. Это уже серьезное коллекционирование. Ну, например, "20 лет Спартаку" или... Скорее всего, они издавались именно в те годы, а не потом. Как их удавалось доставать? Тоже у этих людей?

Н: У продавцов также. Если он (значок) – старый, то это не значит, что он редкий. Может и новый быть редким. Зависит от тиража.

Ю: Понятно, зависит от тиража... а, например "20 лет Спартаку", хотя там тираж 100 тыс., тогда...

Н: Его я тоже видел не раз, может раза два видел такой еще. Который я один раз видел и не купил, я больше уже не видел.

Ю: Я подозреваю, что может у них тираж был и большой, но где они сейчас, то ли в земле, то ли еще где-то, где-то сгинули в домах. Были болельщики, кто-то покупал.

Н: Может кто-то и выкидывал.

Ю: Конечно, как сувенир покупал и..., даже если был большой тираж. Важно не какой тираж был, а сколько их сохранилось с тех пор.

Н: Ну, да.

Ю: Понятие раритета значка, насколько он ценен...

Н: Ну, такие сохраняются дольше, чем новые. Новые скорее выкидывают, быстрее. Эти хоть может...

Ю: Ну, в общем, да.

Н: Такие, в принципе, не выкинешь, не покидаешься.

Ю: То же самое на втором вымпеле, который здесь за твоей спиной, тоже двойные – не двойные, может не очень старые, новенькие, может их стоит выкинуть. А может тоже через несколько лет они станут такими старыми, что будут большим раритетом (*смеются*). А самый старый, с точки зрения издания, какой значок? Это "20 лет Спартаку"?

Н: Скорее, да, скорее всего.

Ю: А "20 лет Спартаку" - это какой год? 58-ой, что ли?

Н: 55-ый год.

Ю: А это точно 55-ого года, ты уверен, т.е. издание, изготовление?

Н: Я думаю, да.

Ю: Т.е. он такой старый?

Н: Угу.

Ю: Вряд ли это, ну не то, чтобы подделка, а вот...

Н: Нет, нет, там это на эмали...

Ю: Ну, это понятно.

Н: Сейчас такие, наверное, не делают, последнее время.

Ю: В Интернете все значки такими делаются, новые которые. И тираж у них совсем маленький, 100-150 экз. и почему-то делаются в Англии. Гладиатор Спартак, еще какие-то значки. Я тебе как-нибудь покажу. Я посмотрел, но что-то мне не очень... Может быть, тебе это будет ближе, как-нибудь посмотрим. Цены – да, так как ты и говорил, сколько это может стоить, так они и стоят. Порядок там – 100 рублей, вот такие цены. Но тираж маленький, понимаешь.

Н: А эти тоже предлагают, которые ты принес?

Ю: Нет, это я купил в магазине Спартаковском, на Спартаковской улице. А это я в Интернете посмотрел, там еще как-то где-то предлагают.

Н: Какие? Новые, что ль?

Ю: Да, новые, последних 3-5 лет. На вид они не очень, но, тем не менее... (*смеются*). Так что коллекция – штука серьезная. Практически... А нет таких значков, которые ты видел, а у тебя нет?

Н: Да, нет, ну штук 10, наверное.

Ю: Штук 10 – это много.

Н: Да.

Ю: Между прочим, стоит начать какую-то новую "игру" вокруг этой своей коллекции. Одно дело – двух не хватает, можно всю оставшуюся жизнь искать и не найти, а 10 – это все-таки проще в каком-то смысле, понимаешь. И вдруг под шумок 9 штук из 10 можно найти. Это уже очень интересно. Обидно, конечно, что один останется ненайденным.

Да, коллекция – вещь серьезная. Даже не знаю, у кого еще есть более полная коллекция спартаковских значков. Наверное, есть коллекционеры.

Н: "Профессиональные" коллекционеры...

Ю: Ну, да, конечно, нумизматы или как там...

Н: Фалеристы.

Ю: Да, фалеристы.

Н: Таких, наверное, много есть.

Ю: Ну, наверное.

Н: Наверное, значки, которых у меня не хватает, есть.

Ю: Может быть да. Но с другой стороны, собиратель, если он все собрал, то это уже не так интересно. Значит, он собирает и дальше или как-то углубляется... не только значки. А какие-то... эскизы значков.

Коллекционер – это дело серьезное. Но с другой стороны вряд ли намного больше, Коль, у кого-то больше есть значков, намного в смысле коллекции. Сам говоришь, десяти ты не видел, ну может быть еще десяти... редкие, которые ты не то, чтобы не видел, а если ты видел, а у тебя их нет, да...

Н: Да...

Ю: Ну, может быть 10, которых ты вообще не видел...

Н: Ну, может таких 100.

Ю: Может. А можно представить, что и за границей могли такие издавать еще. На той же эмали. Раритет. Уехал, например, в Америку болельщик Спартака и там заказал себе.

Н: Ну, раньше-то вряд ли такие делали. Может быть, сейчас придумали.

Ю: Ну, почему. Раньше тоже уезжали. Кто-то уезжал, кто-то убегал, там оставался, такие же были вещи. Фанат уехал. Я хочу сказать, что спрогнозировать, сколько значков в принципе есть спартаковских такого качества, о которых ты говоришь, нельзя. Их может быть гораздо больше. Еще 100 штук...

Тем более стоит продолжать эти "игры", потому что каждое новое приобретение "руку греет", душу жжет, и получаешь удовольствие.

Н: Наверное (*смеется*).

Ю: Болея за Спартак и покупая что-то свое... наверное. Я тоже приколол, оставил у себя 3-4 значка, двойных конечно (не из коллекции) на наш вымпел, который в Олимпийском покупали, оставил себе. Хорошо смотрится, чудно. Удачные выбрал значки, ровненькие все, хорошенькие.

Вот мы отвлеклись на эти... на коллекцию эту, фалеристическую. Думаю, что это было очень важно, с точки зрения понимания, насколько мы – спартаковцы, на сколько – спартаковец, собирающий эти значки. Это очень важно.

Ну, что сегодня мы, наверное, не поговорим о дальнейшем нашем... и о посещении стадионов и прочее. Думаю, это будут следующие записи. Возвращаясь, даже не в Одинцово, а в Даниловку, поскольку это параллельные курсы наших воспоминаний, я вдруг вспомнил, как мы в той же Даниловке играли в футбольчик, как всегда от сарая до забора, или от забора до ворот, выхода из двора. И как мячик, мы все-таки гоняли красно-синий...

Н: Красно-синий... в Даниловке…

Ю: Я не помню кожаного мяча...

Н: Нет, кожаного мяча не было в Даниловке.

Ю: А где был кожаный? В Одинцово был?

Н: Но это не наш был. Выяснили.

Ю: Да, да, согласен, не наш, но в Одинцово. Так вот, играли, играли в Даниловке, и мяч залетел за забор, а за забором у нас там был наш нелюбимый пес – Рекс, который этот мячик, стервоза, прокусил (*смеются*). И на некоторое время у нас игра тормознулась. Кто-то у нас даже рассказывал рассказ... Гав, гав, хрым-хрым, шшшшш... Рассказывал кто-то из "шишковчиков".

Кто-то очень хорошо в лицах рассказывал... удар, хоп и т.д. Точно не помню, кто рассказывал, но очень хорошо и точно не мы (*смеются*).

Если время там еще не закончилось – это тема для следующего разговора. Когда мы уехали на Волхонку-ЗИЛ. С самого начала мы где-то там играли в Футбол? В первое время, ходили ли куда?

Н: Никуда не ходили.

Ю: А около школы играли..., а еще где мы могли играть? А! В овраге могли играть... (*конец пленки*).

* * *

Через три года брата не стало. Больше таких записей мы с ним, к сожалению, не провели. И я даже не могу сказать, по каким причинам это произошло. С Мамой я просто не успел их продолжить, а вот с Николаем...

И грустно, и стыдно, и жалко. Жалко в первую очередь брата, который не сумел себя преодолеть, а я не смог ему в этом помочь. Эти записи постороннему человеку может быть не очень интересно читать, но мне они очень дороги. Я так и "слышу" "молчание" Коли и вижу его лицо, увлеченное воспоминаниями о нашем детстве, слышу наш смех, сначала негромкий, а затем все более заразительный. Повторюсь, когда я прослушивал эти записи, то был, по сути, третьим молчаливым собеседником, которому очень хотелось вставить что-то свое, неизвестное тем двоим. Очень хотелось, чтобы пленка не кончалась, жизнь продолжалась, и все были бы живы и здоровы.

Но, к сожалению, пленка кончилась и как всегда так неожиданно...

* * *

Мне не хочется заканчивать эту 3-ю часть также как предыдущую. Жизнь продолжается, продолжим и наши "исследования" и вспомним про нашего "Омара Хайяма".

На этот раз я вновь вернусь к сплавным темам, а в самом первом рассказе появится новый герой, не участвовавший в предыдущих "застольях". Ну, как новый? Назвать его совсем уж не причастным к этому "делу" рука не поднимется, я думаю, ни у кого из тех, кто его знает.

Поскольку я знаю его очень хорошо, моя рука сама собой начинает выводить очередные "каракули" по этой, мною любимой теме...

На сплаве. 1982 г.

"От Омара до Хайяма - 3"

Ах, сколько раз, вставая ото сна,
Я обещал, что впредь не буду пить вина,
Но нынче, господи, я не даю зарока:
Могу ли я не пить, когда пришла весна?

О. Хайям

Я уже писал, что эта тема – неисчерпаемая. Но стоит заметить, что, не обо всем можно, нужно и стоит писать. Какие-то события, с этим связанные, не очень интересны. Другие, по многим причинам, не стоит широко освещать, хотя любое такое событие можно и приукрасить и "подретушировать", что я часто и делаю.

Ну, так давайте продолжим эти приукрашивания и использование "писательских" приемов. И впервые по этой тематике упомянут мой друг Володя.

"3 дня в Сатке"

1971 год был интересен во многих отношениях. В этом году большинство моих однокашников окончили институт (МГЗПИ, 1966-1971 гг.). И очень многим предстояло провести более года на службе в СА.

Мы с Володей предыдущие два года попутешествовали по Игналинским озерам: сначала вдвоем, а потом в составе и во главе большой группы наших друзей.

В 1971 г. мы решили доставить себе более экстремальное удовольствие, путешествие на плотах по реке Чусовой. С нами поехал еще один наш товарищ, Валера Егоров.

Забегая вперед, скажу, что после завершения уральских приключений, мы, вернувшись в Москву, в тот же день уехали на Юг, в Пицунду и Лидзаву, в наши старые добрые края, где прекрасно отдохнули в гостеприимной семье Убилава.

Говоря об этой поездке и путешествии, также можно было коснуться омарохайямовских мотивов. Но может быть позже я и вернусь к этим моментам своей жизни. Здесь же я хочу вспомнить о том, что было между этим путешествием и поездкой на Юг.

Будучи на Урале и закончив несколько неожиданно наш поход на плотах, мы отправили нашего "третьего" в Москву, а сами (с подачи Володи) решили заехать в гости к его деду по материнской линии в город Сатку, что на Южном Урале. Чусовая – это не южный Урал, а только средний, так что до Сатки нам еще предстояло добираться.

Мы делали это сутки, при этом дожидаясь поезда к месту назначения еще почти сутки. Ожидание было связано с тем, что нужный нам поезд ходил один раз в день, а долгий путь к деду – с тем, что поезд останавливался "у каждого столба".

Читатель вправе спросить: а где же обещанный "Омар-Хайям"? Потерпите немного, все будет.

Встретили нас в Сатке как родных братьев, и сами мы были просто нарасхват. Кроме деда Паши, отца Володиной мамы, здесь проживало большое количество других его родственников, и всех их надо было порадовать нашим участием в местных застольях.

Кроме крепких спиртных напитков здесь присутствовала еще и бражка, которую все кругом производили в больших и очень больших количествах и хранили в не менее больших емкостях.

Эта брага напомнила мне пермятский квас на сплаве, но была более, если так можно сказать, прозрачной и без заметной взвеси. Но это был напиток для запивания, вроде кваса. А так, все было "сорокоградусное".

Я не помню, как все начиналось, но помню, хотя и с трудом, "продолжение банкета". Хотя нет, началось все с бани, где мы парились вместе с дедом. Вот там я увидел его мускулатуру наряду с очень худым телом. Эту мускулатуру он приобрел, работая на Магнитке (или каком-нибудь дочернем предприятии) и ворочая огнеупорные кирпичи. Кроме этих прелестей он обладал еще одним ценным качеством – мог долго оставаться трезвым, держать этот "спиртовой удар".

Из гостей и в гости он вел нас с Володей под белые ручки. Без него мы бы этого сделать не смогли. Хотя Володя считает, что это мы вели деда. О том, что разными людьми по-разному запоминаются одни и те же события, чуть позже.

Внимательный читатель обратил внимание, что я сказал: "и в гости". Попытаюсь объяснить.

Когда нас возвращали "из гостей" и укладывали обоих на большую высокую кровать – тут-то круг и замыкался. Хотя я никак не могу вспомнить, когда этот процесс начался. Но рано (может быть не очень) утром, проснувшись от соблазнительных запахов, но безо всякого аппетита, мы сразу садились за стол завтракать. Для поднятия аппетита – снова крепкие напитки, затем уже аппетитное поедание пельменей и другой замечательной снеди. Ну, а после очень непродолжительного отдыха и осмотра местных достопримечательностей очередное посещение еще "непосещенных" родственников.

* * *

Я неоднократно убеждался в том, что человеческая память – загадочная вещь.

Один и тот же эпизод, событие каждым из его участников запоминается по-своему, по-разному и зачастую само событие удивительным образом стирается из чьей-либо памяти.

Я, конечно, поговорил с Володей о нашем заезде 1971 г. к его деду. Кое-что он мне поведал, но ничего особенно нового не сообщил. Похоже, в данном случае мы с ним помнили одинаково и одинаково мало. Но когда мы в разговоре вернулись к нашему путешествию на плотах, вот тут-то наши "разные памяти" и дали о себе знать.

Когда я вспоминал о том, что после постройки второго плота нам пришлось заночевать на лавочке в парке Первоуральска, Володя с удивлением отверг это событие напрочь, чему я не просто удивился, а был совершенно ошарашен. Никакие мои наводящие вопросы и ответы не дали положительного результата. Ну, не приснилось же мне все это!?!

Когда же мы стали вспоминать наш поход по Юрюзани (1973), уже Володя поймал меня на другом "незнании".

По его словам, он с нами в поезде из Москвы до Усть-Катава (начало похода) не ехал, а встречал нас уже на станции. Он заранее поехал на Урал к дедушке выяснить местную обстановку (погоду, разлив, паводок и пр.), благо от Сатки до Усть-Катава совсем близко.

Но вот этот Володин "фортель" уже я совершенно забыл, но, все же, смутно стал вспоминать. Помог мне мой дневник (см. "Книжечка странствий"), в котором при перечислении участников того похода последним в списке был Володя. И около его имени имелась приписка: "слинял раньше".

Это подтверждало слова Володи, а вот кто же подтвердит мои воспоминания о ночном Первоуральске? Есть только один свидетель, наш третий товарищ по сплаву на плотах, но где его сейчас отыскать?

* * *

Но вернемся к нашим омаро-хайямовским делам.

В Сатке мы провели, кажется, три дня и, возможно три ночи. Почему так неопределенно? Да, потому что все это время, уж не помню, сколько дней, мы были в очень "воздушном состоянии", поскольку "с утра до вечера и без перерыва".

Ничего подобного такому продолжительному "подпитью" у меня не было. Даже свадьбы и какие-то большие юбилеи, празднование которых затягивалось даже на три дня, предполагали трезвые часы и минуты. Здесь же все было по-другому. А начало моему, а может быть нашему, отрезвлению положило катание на лодке по местному озеру (большому пруду).

Непосредственно с лодки я перебрался в замечательную водную стихию, получил колоссальное удовольствие, после чего понял, что нам пора возвращаться домой.

Мы, конечно, продолжили наши "омаро-хайямовские" приключения и в Лидзаве-Пицунде, но это уже совсем другая история...

"Семь часов по дороге ночной"

А вот название этой истории взято из моей песни "Интересная мысль", которая была посвящена поездкам на сплав в Пермскую область. Эта фраза из песни подверглась всяческой критике со стороны тех, кто был со мной на этих сплавных работах. Говорилось о шести часах, а не о семи. Я же со своей стороны готов был вставить и большую цифру (даже число), если бы мне это удалось.

Эту ночную дорогу со сплава помню удивительно плохо, но запомнил на всю жизнь...

Мой первый сплав на реке Весляне (в Усть-Весляне) – масса новых впечатлений, неплохой заработок, замечательный коллектив, в котором присутствовал и наш друг Леша. Ну, а где Леша там и "Омар-Хайям".

Именно в этот раз мы с Лешей, после дегустации пермяцкого кваса и винца из местного магазина (см. "Леша, сплав и банка горошка") успешно добрались до места, пункта нашего отправления домой. Хотя до дома еще далеко и предстоит долгая ночная дорога от Гайн-Харино (?) до Кудымкара-Менделеево (?).

Дорога предстоит трудная, как и наша с Лешей погрузка в грузовую открытую машину. Но это уже мы помним плохо, так как нас самих именно загружают через борт вместе с общим грузом и амуницией. И как бы это было хорошо проспать всю эту треклятую дорогу до самого конца. Но не тут-то было.

В самый неподходящий момент я проснулся или меня что-то разбудило. Быть может, весь хмель исчез под воздействием сильного ветра – машина ехала с очень приличной скоростью, а может, меня подняла сильная тряска в кузове – дорога вроде бы была ровная, но скорость...

Проснувшись (не окончательно) я обнаружил всех своих друзей спящими у борта, ближайшего к кабине водителя, там, по-видимому, меньше трясло. Но все места здесь уже были заняты, даже втиснуться было некуда. Снова заснуть никак не удавалось, оставалось где-нибудь "притулиться", прилечь или присесть.

Если прилечь, здорово трясет и бьет "любимое" тело о дно и о борта. Присесть можно только на доску, установленную поперек боковых бортов. Но сидя на этой доске, необходимо было крепко держаться за ближайший борт, и по возможности укрываться от сильного встречного ветра.

После пробуждения я испытывал и определенное чувство холода – меня почему-то знобило. Несмотря на то, что я в каком-то смысле немного "проспался", спать хотелось неимоверно, но вот заснуть, никак не удавалось.

Я, было, попытался пристроиться в ногах спящих товарищей, но эта непрерывная болтанка не очень способствовала процессу засыпания. У меня болела уже не только голова, но и все тело, особенно спина, и то, что пониже, а конца этим пыткам все не было видно. Окончание этих испытаний я как-то пропустил.

Но не успели они закончиться, как начались новые. Только это уже происходило в вагоне поезда, куда я попал, уже не помню как. Лежа на верхней полке и по известным причинам на животе, я с ужасом вспоминал об этом ночном кошмаре. Какие там "шесть часов", да даже и семь. Это было еще то испытание, и я ни за что бы не согласился менять слова в своей "замечательной" песне.

И хотя в вагоне-ресторане было и "хересу, пожалуйста!" и соответствующая закуска, я еще долго "зализывал" телесные и душевные раны, полученные мною на этой ночной дороге "длиной в целую жизнь", ну, по крайней мере, продолжительностью в СЕМЬ часов.

"Легенда о потерянном дне"

Сплавные работы в Пермской области, в Коми-Пермяцком национальном округе вызывают особые воспоминания.

Со временем я все чаще и чаще возвращаюсь к этим "летним отпускам", коих у меня было три. В отличие от моих походов все эти поездки были совершенно не похожи друг на друга. Это относится и к месту, где мы пребывали и работали, и к сумме заработка, и удовлетворению, которое мы получали от всего этого. Но начиналось все практически одинаково...

...Ярославский вокзал в ночь с СУББОТЫ на ВОСКРЕСЕНЬЕ, ожидание поезда и опаздывающих друзей-попутчиков, состав которых менялся от раза к разу – это все замечательное начало "нашего предприятия". Еще неизвестно, чем все это закончится, но как же хочется надеяться на лучшее. Новичков старожилы принимают в свою компанию осторожно, присматриваясь, хотя многих знают уже не первый год.

Мне, как впервые примкнувшему к "общему делу", пытаются придумать "сплавное" прозвище. Я сам предлагаю называть себя "Оффенбахом" (как-никак, композитор). Почему-то это не находит отклика в сердцах моих товарищей и своего продолжения в дальнейшем.

Кстати, это я говорю о том времени, когда поезд уже тронулся, и мы сидим в купе. Хотя нас больше, чем на одно купе, но уже "кружки на столе стоят" и "дымом все купе полно".

Мне кажется, что я где-то об этом уже писал, но может быть, повторюсь. Я – человек некурящий, так уж получилось, хотя конечно пробовал, баловался я этим делом, как и многие молодые люди. Но, в конце концов, я перестал заниматься данным "баловством" и на вопрос о том курю ли я, отвечал, что курю всего два раза в году, по дороге на сплав и обратно. Но это случалось, когда я ненадолго из купе выходил в тамбур.

В купе же происходили замечательные события. Напитки, куда же от них деться, были "в полном составе", все заранее было предусмотрено. Новички, в том числе и я, впитывали первую науку сплава, тосты произносились тоже замечательные, в особенности о том, чтобы "деньги были" и всякое другое. Застолье длилось, как мне кажется, бесконечно, но наступал момент (редко кто его помнил), когда все разбредались по своим местам – почивать.

Перед тем, как мне отправиться на сплав, Славка, один из героев моих рассказов, казначей сплава, предупреждал меня, что в поезде, по дороге в нужную нам область совершаются всяческие чудеса. Они происходят каждый раз, и объяснить это не может никто.

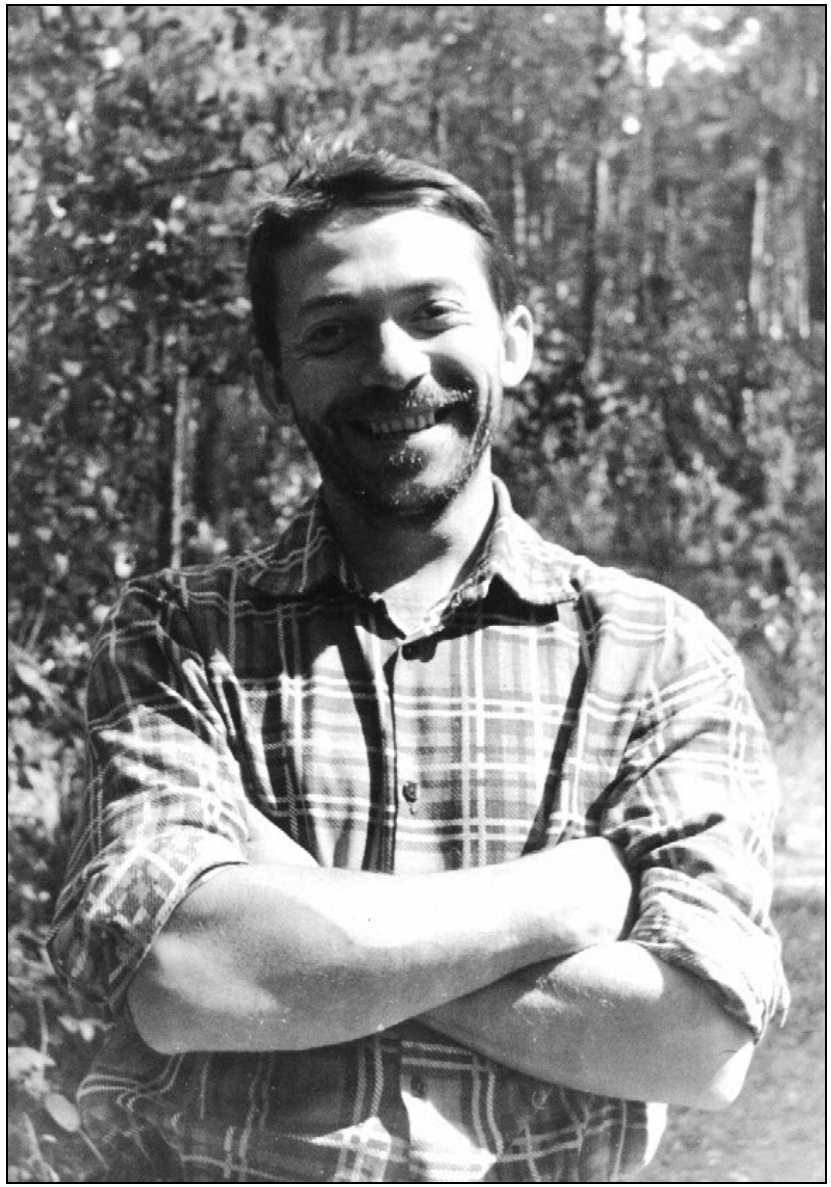
Всё, как и всегда со всеми, произошло и со мной. Забегая вперед, скажу, это повторилось трижды, так как я ездил на эти работы три раза.

* * *

...Еще довольно молодые годы, "пять недель без жены", к тому же "на задворках страны", то бишь, в глухих краях сейчас уже Пермского края – можно только порадоваться этому замечательному состоянию души и тела.

Но надо же, в конце концов, просыпаться и либо "поправляться", либо делать что-то еще, поскольку выходить еще рано...

...Но, оказывается, выходить уже можно, или хотя бы к этому готовиться, так как на дворе, как, ни странно, ПОНЕДЕЛЬНИК и ближайшее застолье еще нескоро. Главный вопрос у каждого, в том числе и у меня: "Куда подевалось ВОСКРЕСЕНЬЕ??? "



Еще не послесловие

...Вот подошла к концу и третья книга "романа", третья часть моих воспоминаний, размышлений, новых придумок и старых задумок.

Эти строки пишутся опять же в Звенигороде, в марте 2012 г., в "двукоечном нумере отеля "Атлантик", то бишь, пансионата "Звенигородский".

Так уж получается, что объем каждой части остается приблизительно одним и тем же. Но везде я присутствовал как основной персонаж. В данной же части я вдруг перестал быть главным героем и стал, нет, не второстепенным, а "равным среди равных".

Такой поворот может, конечно, не понравиться читателю, который лучше знает автора, чем тех, о ком он пишет. Но я все-таки стараюсь оправдывать нелегкое звание "летописца местного масштаба" и рассказывать не только о себе, но и о времени, в котором я жил. Эта книга о детстве, о моих родных, о которых я знаю не очень много. Но те, кто придут после нас, будут знать еще меньше. О каком "генеалогическом" древе тут можно говорить, когда я и сам не очень себе его представляю. Но хочется, же разобраться в том, что было "до" и в то время, когда ты и не предполагал, что будешь писать эти строки.

Не хочется, конечно, чтобы книга превращалась в краеведческое исследование, хотя от его элементов тоже никуда не деться. Роман претендует на некоторую художественность, поэтому я оставляю за собой право на выдумки и фантазии. Тем более, что иногда и правда (в моем понимании) выглядит как художественный вымысел с точки зрения участников описанных мною событий. Еще одно наблюдение.

О себе писать, как мне показалось, проще. Себя можно и пожурить и выставить в не совсем положительном виде, конечно "в разумных пределах".

О других, особенно близких родных, закадычных друзьях это делать ох, как непросто. А о тех, кого уже нет среди нас, тем более. Под рукой оказалась еще одна цитата из Виктора Конецкого, его работы "Вспоминая Салтыкова".

"Объясняться в любви к своему народу, рыдать у него на грудях от своей любви довольно простое дело. Но относится требовательно, судить строго и даже беспощадно – для этого нужно очень большое внутреннее напряжение, преодоление самого себя: попробуйте написать про свою мать что-нибудь плохое. Если попробуете, то поймете, как трудно судить и свой народ".

Так глубоко в своих суждениях я вроде бы не забирался, но может быть все еще впереди и в романе появятся и глубокие историко-политические размышления. Я и этого не исключаю, хотя за мной, по крайней мере, пишущим, этого еще не водилось.

Но если это и состоится, то не сегодня и не в ближайшей книге. Так много индивидуальностей и личностей мною еще не исследованы, а их характеры и судьбы не затронуты. И я предполагаю, мне еще не скоро удастся закончить свой роман в рассказах.

Еще один вопрос: а имеет ли он вообще право заканчиваться...

Послесловие

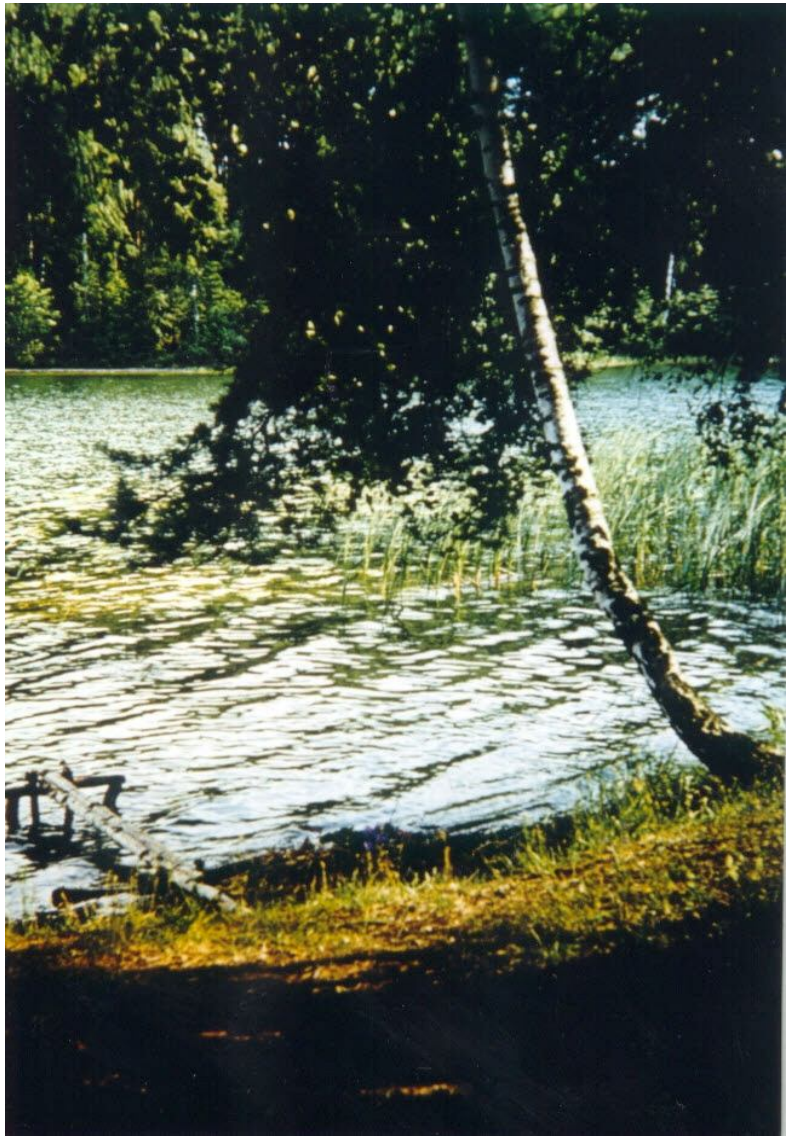
Как всегда я не выполнил всех своих обещаний, данных в предисловии.

Повествование как будто бы живет своей собственной жизнью. Не автор пишет его главы, а кто-то водит рукой "летописца" и пытается направить его мысли в нужном направлении.

То есть, все это пишется хотя и по долгосрочному плану, но каждый раз в процесс вмешиваются привходящие обстоятельства. "Всплывают" новые данные о событиях и людях, сами люди меняют свой статус, в том числе и жизненный. А что говорить о том, о чем я вообще много не писал. О моих родных со стороны жены, о сыне, о своих коллегах по работе.

Нет, конца моему опусу пока не видно. И это – хорошо. Тем более, мною не написаны еще 100 песен по моим долгосрочным обязательствам. Так что "есть у нас еще дома (и не только) дела", поэтому, естественно, "помирать нам рановато". И, главное, не к чему...

Конец третьей части



“Наша березка”

Из книги

“Моя Игналина”

Моя Игналина

Моя... Игналина. Это не просто два слова, это судьба, часть жизни. Это множество встреч и расставаний с ней, встреч – конечно радостных, расставаний – конечно грустных.

При встречах, стоя на берегу, подставляя голову влажному прохладному ветру, опуская обе руки в воды озера, как будто здороваешься с ней. А при прощании, медленно удаляясь и часто оборачиваясь, чувствуешь сзади её дыхание, а иногда, спеша на уходящий автобус, всё равно ощущаешь её прикосновение в попытке удержать...

Как давно мы с тобой не виделись, и увидимся ли когда-нибудь? Но все равно, Ты – моя, а я – навсегда, навсегда твой...

...Поезд нас куда-то мчит,
В окнах суета дорог.
Наш магнитофон умолк уже,
Он пропел уж все, что мог...

Начало

Я много раз знакомил тебя со своими друзьями и близкими. К ним ты относилась по-разному. То встречала дождями и холодом, то в следующий раз – солнцем и обилием плодов, то другими испытаниями и радостями.

Но, все равно, провожала всех чаще всего с грустью и "слезами" вечернего или ночного дождя.

Меня в первый раз ты, наверное, не заметила среди большого количества юношей и девушек, зато в следующий раз, когда нас было всего двое, мы познакомились поближе. С тех пор и возникли эти острое чувство близости и необходимость постоянных встреч.

Характер твой – непредсказуемый. То ты бываешь очень "ветреной", и это продолжается долго-долго. То вдруг разгонишь этими своими ветрами тучи, а затем усмиришь на несколько дней этот свой характер. То снова загонишь в палатку, хорошо, если еще новую, и продержишь там без завтрака, обеда или ужина. Или постараешься так нагреть все свои сферы, что для того, чтобы вновь почувствовать твою прохладу, приходится стоя по грудь в воде пить только что заваренный горячий чай. И так всегда, никогда не знаешь заранее, чего от тебя ждать, но всегда надеешься на лучшее. Хотя, что для тебя лучшее...

"Щемящее чувство дороги"

Всем любителям путешествий и авторской песни хорошо известна песня "Люди идут по свету", но мало кто знает её авторов. Это кстати относится ко многим туристским песням.

Но вернёмся к той, что упомянута здесь.

В этой замечательной песне есть строки: "...Счастлив, кому знакомо щемящее чувство дороги...". Кроме того, что это – прекрасные слова, они попадают в самую точку, когда мы поём о "щемящем чувстве дороги". Для меня долгие годы это чувство, как я его понимал, всегда присутствовало в самом начале "пути".

Проявлялось это следующим образом.

Войдя в вагон поезда, уложив вещи и усевшись на место, я с волнением ждал отправления состава. Наши поезда, в отличие, скажем, от немецких отправляются, не то чтобы незаметно, а, наоборот, с ощутимым толчком. И вот, как раз в этот момент я и испытывал это свое чувство. Одновременно с отправлением поезда у меня внутри начиналось что-то вроде вибрации. Все тело окуналось в какую-то негу, к горлу подступал комок, и все мое существо ощущало непередаваемое чувство радости. Это трудно описать словами, к тому же длилось это не долго, всего несколько секунд.

Не знаю, испытывал ли кто-нибудь что-либо подобное, сам я очень редко и очень немногим об этом говорил. Удивительнее всего было то, что, даже сознавая неизбежность этого состояния, и каждый раз ожидая его, я не терял остроту ощущения, хотя все это уже не было для меня неожиданным.

К сожалению все проходит, исчезло и это мое ощущение счастья. Когда это произошло и по каким причинам, мне не суждено узнать. Первое время я еще с волнением ждал, что оно вернется. Увы, этого не произошло. Возможно – это возраст, а может быть оно перешло к кому-то другому. Если это так, то я очень рад и немного завидую этому другому.

...Жаль, что теперь здесь
не наша страна,
Да и рубли здесь теперь не в ходу,
Но по ночам мне все снится она -
Берегом озера, молча, иду...

Литва и литовцы

Меня часто спрашивают: "А как к вам относилось местное население, литовцы?". При этом вспоминают, что по-русски с ними там не разговаривали и, вообще вели себя недружелюбно.

Это меня всегда удивляло, так как какого-то негативного отношения к нам мы никогда не испытывали. Надо сказать, что и особого радушия и гостеприимства с их стороны не чувствовалось – отношение было ровное.

Редко, но всё-таки встречались отдельные представители местного населения, то ли в силу собственного характера, то ли в силу не любви к русским, проявлявшие свою антипатию к приезжим. Таким представителем был мужчина, работавший продавцом в магазине в Палуше близ турбазы.

Он занимался этой деятельностью все годы наших поездок на озера. Странно, но работая около турбазы, где регулярно проживали приезжие, которые были постоянными его покупателями, он на своём лице всегда имел какое-то кислое выражение, а на вопросы отвечал сквозь зубы.

Особенно запомнился случай, когда я однажды покупал в этом магазине сахар. В Москве тогда этот продукт продавался в ограниченном количестве по талонам, но я об этом, прибыв в Прибалтику, почему-то забыл.

На мою просьбу, взвесить мне несколько килограммов сахарного песка, он сначала почему-то улыбнулся (это случилось вообще в первый раз), затем несколько секунд молчал и, наконец, не переставая улыбаться, сказал: "Сахар будете дома кушать".

Конечно, это единичный случай. Других подобных этому с нами не случалось, хотя может быть нам и повезло. В Литве живут люди разных национальностей, среди них литовцы, поляки, русские. Разные районы Литвы заселены по-разному.

От самих жителей я слышал, что столица Литвы – Вильнюс, а столица литовцев – Каунас. Игналина ближе к Вильнюсу, а в столице Литвы состав населения интернациональный.

Есть примеры и по-настоящему доброжелательного отношения.

Когда мы берем лодки для путешествия на лодочной станции возле турбазы, девушки и юноши, работающие здесь, проявляют именно такое отношение. На стоянке около Гинучая (о ней рассказ впереди) молодой человек, собирающий деньги за нахождение на этой автостоянке, разговаривал с нами просто дружески.

Заканчивая разговор о национальном вопросе (ясно, что это разговор сложный и отношение к нему индивидуальное), не могу не упомянуть о встречах и разговорах в других городах Литвы. Были они и в Паланге, и в Клайпеде, на Куршской косе и даже в Каунасе. По большей части это были профессиональные разговоры во время командировок, но не только ими ограничивалось общение.

Во всяком случае, привет всем моим знакомым жителям Литвы, а также и незнакомым.

"Знание языков"

На Жеймянисе, там где стоянка с самодельным столиком и лавочками, мы останавливались лишь один раз.

Поднявшись по узкой дорожке, ведущей от озера вверх по склону, мы очутились на поляне. В центре ее находился тот самый столик с лавочками. К этой поляне со стороны леса вела не очень накатанная машинная колея. Похоже, что с этой стороны, в которой располагалась железнодорожная станция, сюда наезжали туристы. Позже выяснилось, что это были рыбаки.

Место нам понравилось, и мы решили постоять здесь подольше. И как-то раз утром решили в ближайшем магазине пополнить запас продуктов. За дежурного в лагере остался я один.

За хозяйственными заботами я не услышал, как к нашему лагерю подъехали на мотоцикле с коляской двое мужчин. Один был молодой и здоровый, второй – постарше и, по всей видимости, начальник. Просто так к нам в таких ситуациях не подъезжали, и эта – не стала исключением.

Поздоровавшись со мной по-литовски, затем по-русски, они услышали и мои русско-литовские ответы. Я, как "сторожил" этих мест, конечно знал некоторые литовские выражения: здравствуйте, добрый день, спасибо, но не более. Поэтому нам пришлось разговаривать на русском.

Они были в униформе, и, как выяснилось позже – из лесничества. Им сразу же не понравился столик, который, по их словам, они уже неоднократно ломали, но он, как ни в чём не бывало, восстанавливался приезжавшими сюда рыбаками. Затем речь зашла и о нас.

Во-первых, мне прочли наставление, где можно останавливаться на озерах, а где нельзя, а также, что и когда можно собирать в лесу.

Я, конечно, слушал их как всегда, не перебивая, и обещал покинуть эту стоянку, и даже сломать самодельный столик. Забегая вперед, скажу, что последнее я, естественно, не выполнил.

В завершении разговора мне было предложено уплатить штраф. Это было менее приятно, но названная цифра была вполне приемлемая, и я полез в палатку за деньгами. В таких случаях я предпочитаю не спорить.

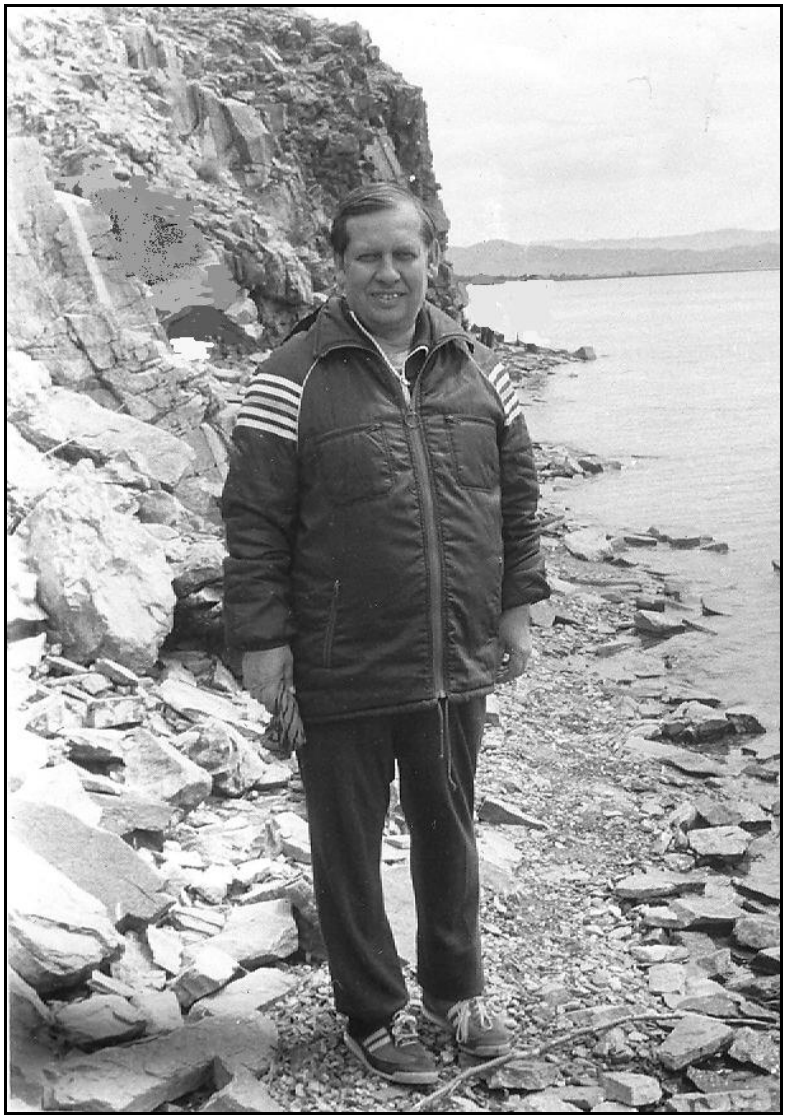
Увы, самая маленькая купюра, имевшаяся у меня, предполагала наличие у них разменной монеты. Это почему-то повергло их в смущение, и с их стороны поступило предложение поискать другую наличность.

Эти препирательства продолжались довольно долго. Я физически не мог выполнить их просьбу – все мелкие деньги ребята забрали с собой в магазин. Я так и сказал моим инспекторам и добавил, что когда мои друзья вернутся из Калтаненая, я смогу удовлетворить их просьбу.

Удивительная метаморфоза произошла с моими собеседниками. На их вопрос, откуда я знаю про Калтаненай, я честно ответил, что уже 20 лет езжу в их края и очень этим доволен. После этого на их лицах появились улыбки. К разговору о штрафе они больше не возвращались и очень вежливо объяснили мне, где лучше всего остановиться на Жеймянисе, на ближайшей от этого места стоянке.

Разговор продолжался еще несколько минут, и затем они уехали обратно по дороге в лес, пожелав нам хорошего отдыха.

К обеду из магазина вернулись мои друзья и услышали от меня эту историю. Как хорошо, оказывается, знать местный язык, а на худой конец – географию той местности, где ты путешествуешь. Во всяком случае, после того памятного события мои друзья и я часто вспоминаем, как меня выручило "знание языков".



М.А. Копытов. 1990 г. оз. Байкал

"Не морочьте мне голову" или "Бутылочки" (Из рассказов М.А.Копытова)

Когда я был молодой, я работал изыскателем. Изыскатели - это геодезисты, геологи, геофизики, по результатам работы которых, проектировщики что-то спроектируют, а строители что-нибудь построят. Изыскания обычно проводятся в экспедициях и во все времена года.

Сейчас те молодые далёкие годы вспоминаются с неподдельной грустью и радостной тоской. А тогда это была обычная жизнь обычных молодых людей, уехавших из дома, скучающих по дому и подолгу там не бывающих.

В экспедициях случалось всякое. Одну прелюбопытнейшую историю я вам сейчас расскажу.

Был у нас в экспедиции один очень интересный человек, буровой мастер, Вася Булкин. Он был гораздо старше нас, и было ему около 40 лет. Нам он казался глубоким стариком, хотя был очень живым и бодрым, во что с позиций нынешнего своего возраста очень легко поверить. У него была большая чёрная борода, заразительная улыбка и немного хрипловатый голос. И биография у него была очень интересная.

Он рано женился и вскоре, так случилось, с женой они расстались. Она с ребёнком Васи жила в районе Семипалатинска, и Вася регулярно высылал им алименты. В то же время у него была другая семья, где тоже подрастал ребёнок, девочка лет 15-ти.

Экспедиции не были прибыльным делом, и алименты, которые он платил первой жене, "били его по карману". Вася с нетерпением ждал того дня, когда ребёнку исполнится 18 лет, и закончится эта его повинность.

И вот, наконец, этот день настал. Вася отправился в командировку в район Семипалатинска, решив заехать к своей прежней семье, чтобы вручить подарки восемнадцатилетней дочке и, так сказать, торжественно отметить окончание выплаты алиментов. Эта поездка и встреча с родными так сильно растрогала его, что он вернулся в свою первую семью и стал платить алименты второй.

* * *

Прежде Вася работал в торговле, но по известным причинам бросил это прибыльное занятие и ушёл в изыскатели.

В экспедициях Вася держался особняком, и у него всегда были свои особые дела. Ездил он на буровой машине, бурил скважины частникам под воду, возил какие-то материалы. Словом, был у него свой маленький бизнес.

Часто из своих экспедиций Вася привозил справки о покупке в магазинах тары для проб воды из скважин. И, естественно, эти справки-квитанции предъявлялись к оплате в бухгалтерию.

В любой экспедиции смешно говорить о покупке пустых бутылок, так как тара всегда находится в избытке. Так что Вася и здесь имел свой небольшой навар. К тому же у него имелась солидная бумага, выдаваемая руководством экспедиции. В этой бумаге было написано, что в любом магазине ему обязаны продать неограниченное количество бутылок для геологических проб.

И вот, заканчивается очередная экспедиция, и Вася решает поехать за справкой в местный магазин и заодно сдать те бутылки, которые накопились в достаточном количестве на изыскательской базе.

* * *

В магазине никого нет. За прилавком – бойкая продавщица, королева тех времён.

Торговать водкой на периферии было делом особым. Водка всегда была в дефиците, а иногда вводились и сухие законы. В общем, продавщица этого товара была человеком известным и специфичным.

Итак, Вася подходит к продавщице и полушёпотом говорит ей:

– Здрасьте, здрасьте, не могли бы Вы мне дать справку о том, что я у Вас купил пустые бутылки.

Продавщица смотрит на него непонимающе. Вася ещё раз повторяет ей свою просьбу.

– Какие бутылки? Не морочьте мне голову. Вы у меня их покупали? – спрашивает продавщица.

– Да, нет. В том то и дело, что не покупал. Но что Вам стоит дать такую справку. И поставить на ней печать, – добавляет Вася.

– Товарищ! Не морочьте мне голову и не мешайте работать, у меня и без вас полно дел.

Вася понимает, что на этот раз справку взять не удастся.

– Ну, а сдать Вам бутылки можно? – переходит он к следующему этапу операции.

– Какие бутылки, товарищ? Сначала – какая-то справка, теперь – бутылки. Не морочь мне голову!

Вася тоже переходит на повышенные тона.

– Я вас человеческим языком спрашиваю, сдать вам бутылки можно?

– Ну, можно, можно, – не снижает тона продавщица.

Вася командует рабочим заносить ящики с бутылками в магазин, а продавщица, в свою очередь, командует им заносить ящики в сарайчик при магазине. Вася притормаживает этот процесс, что вызывает новое возмущение продавщицы.

– Что вы здесь командуете! Я здесь хозяйка! – Она рассчитывается с Васей за посуду.

У Васи уже созрел новый план, и он заявляет продавщице:

– Теперь продайте мне эти бутылки. Да, да! Продайте, – опережает он новое её возмущение всего на несколько секунд.

– Ка-ки-и-е бутылки?!!

– Ну, вот эти, которые перед вами стоят.

– Вы издеваетесь, гражданин! То – какая-то справка, то – вы сдаёте бутылки, то – теперь ещё что-то. Не буду я больше для вас ничего делать!!

– Нет, гражданка, товарищ продавец, вы должны мне продать эти бутылки. – И Вася лезет в карман за своей бумагой.

– Что это я тебе должна? Ничего я тебе не должна!

– Нет, должны! Это ваши бутылки?

– Теперь мои!

– Так вот, продайте мне их!

– И не подумаю!!

– А вы не имеете на это права!

– Что значит, не имею права?

– А вот, то и значит! – И Вася достаёт свою замечательную бумагу, на которой чёрным по белому за подписью очень больших начальников (это была важная государственная экспедиция, связанная с военными) написано, что "её подателю, Василию Булкину, необходимо неукоснительно продавать бутылки для очень важных государственных работ".

Продавщица видит важную государственную бумагу с солидными печатями, ясный взор её туманится, и инициатива на время переходит к Васе. Под мелодичный звон посуды и эта операция успешно проворачивается. Бутылки возвращаются Васе, а деньги – продавщице.

– Минуточку! – продолжает Вася. – Я – человек государственный и мне необходима справка о том, что я у вас купил бутылки.

Это вызывает у продавщицы новый, еле сдерживаемый приступ злобы. В конце концов, после некоторых препирательств продавщица закрывает магазин и идёт в подсобку выписывать справку.

– Не забудьте поставить печать, – кричит Вася ей вслед.

Получив и проверив справку, довольный Вася прячет её в бумажник, и начинается заключительный этап операции.

– Простите, а Вы, уважаемая, принимаете бутылки?

Окончательно сбитая с толку и потерявшая голову продавщица отвечает утвердительно.

– Тогда примите у меня эти бутылки, – добивает продавщицу Вася.

Переставшая что-либо соображать, она приобретает эти бутылки. Рабочие перетаскивают их куда-то в сарай. И Вася уезжает без бутылок, но со справкой, оставляя, наконец, в покое полностью деморализованную продавщицу.

Вот, такая история!

P.S. По-моему, суперзамечательная история!! (Ю.Р.)

Музей мёда

Это словосочетание в представлении читателя, наверное, ассоциируется с неким большим сооружением, в здании которого размещаются многочисленные экспонаты, так или иначе связанные с мёдом, его добычей и переработкой. Конечно, нельзя здесь обойтись без пчёл, их ульев и всего прочего. Сразу на память приходит Музей янтаря в Паланге.

Ну, во-первых, это мы его так называем – музей мёда. Официальное его название гласит Музей древнего пчеловодства.

Во-вторых, это всего лишь одно небольшое деревянное сооружение, по-нашему, изба. И, в-третьих, всё самое интересное находится вне стен этой избы. Но об этом чуть позже.

Так уж получилось, что в этот музей мы добираемся от Гинучая, хотя от стоянки на Пакасасе он ближе. Узнали мы об этом музее, будучи на Алмаясе по традиции отсюда же совершаем поход к этой игналинской достопримечательности.

По грунтовой дороге вдоль стоянок, в направлении, противоположном Гинучаю, мы отправляемся в довольно длительную прогулку. В течение нескольких часов мы путешествуем по лесным дорогам, огибаем залив озера Алмаяс и двигаемся в сторону озера Пакасас. Оставляя его в стороне, держим курс на селение Стрипейкяй, где и находится наш музей.

Подходя к музею, мы проходим под импровизированной деревянной аркой и приближаемся к чудесному резному столбу, на котором проступает название музея на литовском языке.

Сразу за этим приземистым и необхватным столбом возвышается деревянный забор. Он не сплошной, а как будто недостроенный и сделан не из досок, а из жердей. За забором именно та изба и другие предметы экспозиции под открытым небом. Вот эти экспонаты представляют особый интерес.

Музей меда

Деревянные ульи различной формы украшены резьбой. Некоторые из этих ульев – действующие. Не знаю, как пчёлам в них жилось и живётся, но вид их необычайно радует глаз. Здесь представлены и традиционные формы в виде маленьких домиков и более древние, в виде деревянных колод. Но все они – настоящие произведения искусства.

По территории участка протекает ручей, впадающий в небольшое озеро, которое находится в стороне от этого хуторка. Через ручей перекинут изящный мостик, а рядом располагается колодец с "журавлём".

При первом посещении музея мы решили, что его территория ограничена рамками этой усадьбы. Но это оказалось совсем не так. После того, как мы переходим через мостик и выходим за пределы отгороженного участка, мы попадаем в лес, на тропу, которая идёт вдоль берега озера среди старых могучих деревьев.

Здесь под открытым небом уже настоящий музей древнего пчеловодства. На деревьях видны благоустроенные ульи-колоды диких лесных пчёл и приспособления в виде гигантских палиц для отпугивания от мёда медведей и других лесных воришек.

Вдруг на одном из лесных склонов замечаем несколько человеческих фигур, которые, прикрыв ладонями глаза, за чем-то очень внимательно наблюдают. Подойдя поближе, мы видим, что это вновь деревянные скульптуры. Они, по всей видимости, изображают тех самых людей, что занимались в прошлом бортничеством. Но настолько здорово выполнены эти скульптуры, настолько они органично вписываются в местный пейзаж, что просто хочется снять шляпу перед их создателями и сфотографироваться среди этих фигур, почувствовав и себя древним пчеловодом.

После этого обратная дорога к "дому" кажется и короче, и веселее. И вспоминая это нелегкое путешествие, мы даём себе слово в следующий раз снова посетить этот замечательный медово-пчелиный уголок.

Игналинские озера. Вид с Лысой горы

Дороги, которые мы выбираем

Много раз я задавал себе один и тот же вопрос: случайно ли, что из многочисленных видов туризма мною был выбран именно водный?

В какой-то степени это так.

Отдельные пешие походы, которые больше были похожи на пикники, не в счёт. Первым же настоящим было путешествие на лодках по игналинским озёрам.

Уже позже, объясняя этот выбор, я приводил следующие доводы. Во-первых, при таком путешествии не приходится тащить на себе весь груз. Во-вторых, рядом с рекой или озером природные ландшафты, как мне кажется, более живописны. И, наконец, здесь присутствует и спортивный элемент – пороги, волоки, да и работа на вёслах. Но окончательно убедила меня в не случайности моего выбора одна любопытная история.

Когда мой сын ещё учился в школе, в 9-ом классе, у него была замечательная учительница физики, она же классный руководитель. И без того дружный класс в это время особенно сплотился.

У них проводились замечательные классные вечера, соревнования "что, где, когда", в которых принимали участие и родители. Сама учительница была страстной походницей, и рано или поздно ученики класса должны были это почувствовать.

И вот настал день, когда должен был состояться их первый пеший поход с ночёвкой. Для этого учительнице необходимы были помощники. Я им и стал, так как однажды при анкетировании родителей на одном из родительских собраний обмолвился об этих своих пристрастиях.

И вот, я собрал свой огромный шарообразный рюкзак, явно не предназначенный для пешего похода. Захватил я с собою и гитару по просьбе учительницы, которая хотела продемонстрировать ребятам все светлые стороны походной жизни.

На рейсовом автобусе мы выехали за пределы города и через час вышли на пустынной загородной остановке. Путешествие началось.

Я шёл замыкающим, а впереди, разбираясь с картами местности, шли самые отчаянные ребята, которым помогала учительница. Среди них, кстати, был и мой сын.

Сначала карта вела нас по дороге, затем почему-то увела нас далеко в сторону от этой дороги. Через некоторое время мы подошли к небольшой, но очень полноводной речушке.

Просто так её нельзя было перейти – нужно было искать переправу. Вы правильно подумали, переправу нашел я.

Огромная труба неизвестного назначения соединяла два берега. Переход через эту большую трубу не должен был вызвать особых затруднений. И вскоре первые члены нашего отряда оказались на той стороне. За ними последовали и остальные.

Но уже первые, перебравшиеся на тот берег, вдруг начали суетиться, отмахиваться руками и даже повизгивать. Оказалось, что кто-то на том берегу задел осиное гнездо, а может быть, оно уже было кем-то задето раньше, а осы только и дожидались, на ком они могут отыграться.

К счастью оказалось, что дети почти не пострадали. Зато укушенным оказался я. Осы мне попали под капюшон и под лямку рюкзака, но, скрипя зубами и не подавая особого вида, я поплёлся за остальными.

Была ранняя осень, темнело быстро, и требовалось побыстрее дойти до первой стоянки, отмеченной на карте. Так что слово поплелся, здесь явно не подходит.

Мы стремительно продвигались через какое-то селение, попавшееся на нашем пути. Здесь необходимо было запастись водой. Были наполнены два больших котелка, и вам конечно ясно, кто их понёс.

Уже в полной темноте, пробираясь через какие-то колдобины, мы наконец добрались до места.

После этого начались традиционные хлопоты: дрова, костёр, палатки и ужин, за которыми я как-то забыл про свои болячки.

Тем более, после ужина мне довелось поиграть на своей любимой гитаре. У костра ребята пели песни, и я с удовольствием наблюдал за их раскрасневшимися одухотворенными лицами.

Но пора было укладываться спать – впереди нас ждал трудный день. Все были распределены по палаткам. Неохваченными остались трое: учительница, одна девочка, которая попала к нам в последний момент, и ваш покорный слуга.

Спать предполагалось в самодельной нейлоновой палатке и в самодельном же нейлоновом мешке. Это нейлоновое хозяйство в переноске было очень легким и предназначалось именно для пеших переходов.

На самом деле спальник состоял из двух мешков: внутреннего и внешнего, и я надеялся, что в них не будет слишком холодно. Правда, мне было не совсем ясно, как мы будем лежать в этих мешках втроём.

Но всё разрешилось само собой. Пока мы с учительницей укладывали с трудом успокаивающихся детей, наша девочка уже улеглась, и нам оставалось только лечь по обе стороны от неё. Как вы сами понимаете, я чувствовал себя не совсем ловко и долго не решался забраться в мешок, хотя усталость и забытые, было, укусы уже начали сказываться на моей работоспособности.

Но когда я уже решился лечь и подошёл к нашему спальнику, то увидел спящую девочку, которая полностью завернулась во внутренний мешок, стараясь, наверное, оградиться от окружающей её среды. Мне ничего не оставалось, как влезть во внешний мешок и молить бога, чтобы ночь не была очень холодной.

Я жестоко ошибался. На дворе, да и в лесу стояла осень, а не лето, и осенние ночи – это осенние ночи. Кроме того, привыкнув за последние годы спать в походах на надувном матраце, я с удивлением почувствовал под собой жесткий складной пенопластовый коврик, который конечно был очень лёгкий, но совсем не мягкий.

Вдобавок, я боялся во сне по всем выше перечисленным причинам прижаться к своей соседке. Так что спать мне очень быстро расхотелось и я, подремывая, с нетерпением ждал рассвета.

И вот он, наконец, наступил. Я выбрался на белый свет, и вскоре, стали просыпаться и остальные. Потом был завтрак, сборы и продолжение путешествия.

Карты всё-таки были очень странные. Почему-то они предлагали идти не по ровным местам, а обязательно по буреломам и буеракам. Хорошо ещё, что на ней предусматривались привалы. Но их я помню смутно, также как и обеденную стоянку.

Дело шло к вечеру, и, в конце концов, мы выбрались на шоссе и, сев в автобус, отправились домой. Можно было немного расслабиться и вновь вспомнить о своих болячках.

После этого автобуса был ещё один, городской, и мы, наконец, добрались до нашего микрорайона. Некоторые ребята пошли в школу, чтобы отнести походный инвентарь, а я, попрощавшись со всеми, пошёл домой.

Дома жена для обезболивания дала мне несколько таблеток димидрола. В течение последующих нескольких дней, в которых я всё время находился в каком-то полусонном состоянии, мои физические, но не душевные раны окончательно зажили.

Я думаю, что этот поход, безусловно, ответил на вопрос, поставленный мною вначале. Гораздо приятнее уложить свой большой рюкзак вместе с матрацем в лодку и плыть, куда глаза глядят, подальше от всех этих берегов, куда все-таки приходится, увы, причаливать.

До свидания, Игналина ?

На вопрос, поставленный здесь, кажется, нет точного ответа. Может быть, последнее расставание было самым последним, и впору говорить о прощании.

А может быть, всё-таки...? Да, нет... А если, всё же, когда-нибудь...

По крайней мере, хочется верить, что младшее поколение игналинщиков ещё окунёт свои руки в озёрную воду, пройдёт старыми маршрутами, может быть откроет новые. А может быть, эта ниточка не прервётся, и уже их дети будут наслаждаться той же красотой. Надеюсь, что она сохранится.

Нам же, старым игналинщикам остаётся надеяться, что кто-нибудь нас отвезёт в качестве пассажиров на берега Лушаса, к Мейронису, на гинучаевский берег. Где мы сможем вдохнуть забытый нами аромат сосен, голубики, багульника, ощутить вкус ягод. Глядишь, и блины с черникой пожарим, и собьём ногой нелюбимый нами перечный гриб, который на деле окажется белым...

Может быть, удастся искупаться на Пакасасе, посмотреть новые экспонаты на берегу скульптур, снова увидеть нашу берёзку на Жеймянисе, разобраться с загадочным Балуошасом.

Может быть, может быть...

Но что-то я увлёкся воспоминаниями о будущем. Хотя мечтать, как говорится, никому не запрещено, так что давайте мечтать и не терять надежды.

И всё же, не смотря на грустные ноты, звучащие здесь, я счастлив, что судьба дала мне возможность побывать в этих местах. И хотя продолжение этой истории проблематично, было бы гораздо печальнее, если в моей жизни не было бы этих озёр, не было бы МОЕЙ ИГНАЛИНЫ...

Рифмы и Звуки

Рифмы 1973-2008 гг.

Ворониной Е.Д.

Ах, как хочется сказать
Страшно много теплых слов
И ужасно добрых снов
Страх-агенту пожелать.

1973-74 гг.

Ковалевой Г.И.

Первая из трех, а может
Первая из всех она:
Любящая мать, жена,
Дочь – а будет тещей все же.

1973-74 гг.

Копытову М.А.

Все, что написано пером,
То – не для топора,
Дороже сказанное в нем
И злата и сребра.

* * *

И уваженье и любовь
Пусть слышатся в строках,
Пусть чувствуется вновь и вновь
И в мыслях и делах.

Представить – сколько было их,
Таких октябрьских дней,
Холодных, теплых, снеговых,
Но все ж других теплей.

Был и четвертый, и восьмой,
Бывало, дождик лил,
Был день, что вспомнится порой,
И самый первый был.

Пока ж нам вместе коротать
Почти что жизни треть,
Мы будем вместе дни считать
И вместе молодеть.

А если нам когда-нибудь
Расстаться суждено...
Да нет, ступить на этот путь
Нам, видно, не дано.

Так будьте ж с нами и без нас
Таким, какой Вы есть,
Пусть только счастье знает Вас,
А ясных дней не счесть!

* * *

Все, что написано пером,
То – не для топора,
Дороже сказанное в нем
И злата и сребра.

Москва-Октябрь 1977 г.

Чечеткиной А.А.

Почему ты грустишь временами,
И зачем ты смеешься порой?
Эх! Помчаться б сейчас с рысаками !?
"Монитор" не пускает родной.

1979 г.

Мартыновой Лене

Тебе завидуют, о молодость, о юность,
Но чтоб сознаться вслух – наоборот.
Не верь им, милая, вот вновь весна вернулась,
Твоя весна, твоя весна идет.

1979 г.

Никишовой Г.В.

И снова автобус нас мчит по шоссе,
По улицам города, вдоль тротуаров,
И Пушкин недаром ведь в полной красе
Раскрылся нам в Вязьме в своих мемуарах.

1979 г.

Христьяновской Т.В.

Сейчас известно каждому – на книги
Работать нужно долго и всерьез.
Все так и есть – ты в "высшей книжной лиге".
И даже для тебя "зарплата" не вопрос.

1979 г.

Ковалевой Г.И.

Почти как исповедь читается программа,
Программа – что, вот строй людей несет
Отчеты, планы. Любящая мама
Все перетерпит, все перенесет.

1979 г.

Липатовой Е.Ф.

Сын – вылитая ты,
Вы с мужем так похожи.
Зачем же столько красоты
Для мальчика Сережи?

1979 г.

Дунцевой О.А.

Заправив бумагу, все взвесив
И выкурив что-то в себя,
Бумажки по лентам развесив,
Сидишь, на экран ты глядя.

1979 г.

Ольшевской Г.С.

Кому кроме Вас повезло "быть за Дедом"?
И кто кроме Вас двух взрастил сыновей?
И потчует кто всех с собакой обедом?
Спасибо, великое ей от людей!

1979 г.

Арнаут А.Н.

Женщина строгая, волос в пучке,
В левой колода и в правой руке,
Но и улыбка пробьется порой:
"Время, девчонки, идти нам домой.

Сцена другая: прическа не та,
Чай на столе и конфета у рта.
Радостно, вдруг все кругом замолчат...
Время! И грусть наполняет девчат.

1980 г.

Ерешко А.В.

Ты сидишь на семинаре рядом с кем-то,
Разговариваешь с кем-то кое о чем.
Пожелаю я сегодня счастья в чем-то,
А о чем? Не догадаться нипочем.

Но не буду задавать тебе загадки,
Со словами не со всеми я в ладу.
Шура, милая! Играть не буду в прядки:
Поздравляю!
Преклоняюсь!
Жажду!
Жду!

1980 г.

Виталиевой Т.Н.

Как легендарная царица
Ты далека, вблизи – редка.
Когда же с трона к нам спуститься
Сызволите – не те века?

Дочурки – прелесть, сами – тоже,
Поздравить нужно разом всех.
Но забывать не стоит Гошу –
Он обеспечивал успех.

1980 г.

Сабуровой Н.С.

Дорогой наш товарищ, Наташа!
(А кому-то Наталья Сергеевна).
Хорошо, что Вы все-таки – н а ш а,
И, что знаем мы это – наверное.

В суетных приключеньях так просто
С Вами встретились мы неспроста,
Всей "машинной" работы Вы – остов,
В ней горите Вы, как береста.

Но не так, как она – быстротечно,
А свободно, легко, как она.
И сказать нам всем хочется: "Вечно
Светит пусть и во все времена".

Что же было до Вас? – Мы не знаем.
Как работали мы? – Да, никак.
Но с приходом Наташи, считаем,
Снова ожил наш старый "Диспак".

Но довольно уж слов о работе.
Что же дома? – Чудеснейший сын,
Вновь в квартире просторной живете,
Дочка с внучкой и с мужем родным.

Да, совсем и не круглая дата,
"к-вадратная" даже чуть-чуть
И к другим обращаясь: "Девчата!",
К ним причислить себя не забудь.

Кто с тобою на "Вы", кто иначе,
Все же нет равнодушных к тебе.
Много есть в Вас отличнейших качеств,
Пожелать их Вам множить в себе.

1984 г.

Тюрину В.Ф.

От Москвы до самого Урала,
От Балтийских вод до чайханы
Знают Днепр, Катунь, лазурь Байкала,
Знают все – родились снова Вы.

Почему в заморских дальних странах,
Там, где прототипов зреет ряд,
На простых и на цветных экранах
Всех дисплеев – цифра **50**.

Все в тревоге, вдруг да испарится
Там у них желанье повторять,
Доморощенное возродится
И начнет кириллицей вещать.

Как вещает вот уж лет немало
Наш и Ваш "Диспак" на БЭСМ-6,
Сколько версий здесь перебывало,
Сколько снято их, увы, не счесть.

Что сказать – трудна была дорога,
Диссертаций масса позади,
До вершин еще совсем немного,
Да, работы много впереди.

Что работа – главное здоровье,
Чтоб работать – Вам нельзя хворать.
И, недаром, спорт для Вас – подспорье
В схватках тех, где нужно побеждать.

Побеждает, все-таки, команда,
И хотя ее Вы – капитан,
Забывать болельщиков не надо
Верных, неспособных на обман.

Здесь у нас таких, отнюдь, не мало.
Если нужно, на замену мы
Выйдем, и во что бы то ни стало,
Постоим за честь своей земли.

Да, конечно, и "Диспак" не вечен.
БЭСМ-6 – и ей настанет срок.
Только верим в то, что бесконечен
Этот ряд машин, программных строк.

* * *

"ЭВМ" – а вовсе не "компьютер",
"автокод" – а не "ассемблер", нет,
Тюрин наш, а не какой-то Кнут, там,
Счастья Вам, второй полсотни лет.

1987 г., Москва, Ордынский тупик

Евтушенко Ю.Г. 50 лет
На музыку Марсельезы+Интернационала

В эти славные дни перестройки,
Демократии сложные дни
Родились эти самые строки,
Не могли не родиться они.
Потому, что и ЗАВом и ЗАМом
Вы ведь были, причем не плохим,
Ну, а став завтра самым и самым
Оставайтесь надолго таким.

Ведь Вам не шестьдесят,
И выборы гласят:
Что "против" только двое,
"За" – семь плюс пятьдесят.

На стезях славной оптимизации,
На компьютерных славных путях
Вы прославили организацию,
И себя, и своих работяг,
Подключается кооперация
И другие отделы зовут.
Интеллекта инвентаризацию
Все от Вас с нетерпением ждут.

28 декабря 1988 г.

Баскову Е.И.

На музыку песни о Ленинграде

Отчего и зачем все мы здесь собрались?
Эта наша судьба, берег наш, наша жизнь!
Если ты с малых лет другом БЭСМа слывешь,
Ты поймешь меня друг, ты поймешь.

340VT – до чего он хорош,
Я на клавиши жму, не PC, ну так что ж.
Если ты с малых лет другом БЭСМа слывешь,
Ты поймешь меня друг, ты поймешь.

Есть у нас "БРЗ", есть у нас "БРС",
Есть у нас и у вас замечательный "БАС"ков.
Если ты с малых лет другом БЭСМа слывешь,
Ты поймешь меня друг, ты поймешь.

Но пора и о нем – он наш друг и собрат,
Тьма энергии в нем, смел и дерзок тот взгляд.
Если он с малых лет в Ленинграде живет,
Он поймет меня, друг, он поймет.

Да ему “шестьдесят”, а не “семьдесят пять”,
В сюда мы пришли, чтоб поздравить, обнять…
Нас ведь ждут впереди много славных побед,
Вместе мы – в этом главный секрет!

февраль 1990 г.

Брату Николаю

"...Названия литовские запомнить
очень сложно,
Но позабыть еще трудней
забыть их невозможно".

"От Москвы до Бреста
нет такого места,
Где бы не болели за Спартак
– вот так!"

Жаль, что теперь здесь не наша страна,
Да и рубли здесь теперь не в ходу,
Но по ночам мне все снится она –
Берегом озера молча, иду...

Берег, палатка, закат и дожди;
Ну, а костер – как не вспомнить его.
– Скоро обедать? – Чуть-чуть подожди.
Что тебе хочется больше всего?

Сесть на автобус и в город "слетать",
И посмотреть, что в киосках лежит,
После весь "вечер на рейде" стоять...
Это от нас, право, не убежит!

Да, это так! И так было не раз!
Что ж, остается валюту копить.
Ведь не прожить ей, лазурной, без нас,
Так же, как нам без нее не прожить!!

* * *

Дальше! Теперь у нас новый Союз.
(Я о футбольном сейчас говорю)
О перспективах судить не берусь,
Так же, как ты лишь Спартак я люблю.

Что ж – чемпион! Хоть и новой страны.
Первый! В анналы футбола вошел!
Новый Спартак и не старые мы,
На тренировку сам Федя пришел!

Что ж, не впервой начинать нам с нуля.
(Правда, теперь не такой уж и ноль)
Не оскудеет футболом земля
И не приестся болельщика роль.

Видно на то и болельщики мы,
Эта команда для нас создана,
Да и не надо иной нам судьбы
От Николая до Старостина.

декабрь 1992 г., Звенигород – Москва

К 18-летию сына Жени

За то, что ты есть и за то, что ты здесь –
Такой как ты есть и с нами,
Такой вот большой и такой небольшой
Спасибо, во-первых, Маме.

Наверное, стоит здесь вспомнить о том,
Что был ведь еще и папаша...
Но это – второе, об этом – потом,
В другом суть истории нашей.

Ведь дело все в том, что тебе, а не нам
Сегодня, увы, восемнадцать,
Что детство уходит, и к этим годам
Тебе лишь в мечтах возвращаться...

А помнишь деревню, гусей и цыплят,
Горох, огород, Фатимашку?
Да! Это ведь вам не Москва, не Арбат,
Здесь можно, совсем – без рубашки.

А как без походов представить его?
В палатке, в байдарке и в лодке.
Тебе же ведь было четыре всего,
А ты вместе с нами – "в середке".

Наверное, будет и что-то еще,
И будет, конечно, впервые,
Да, будет и холодно, и горячо,
Дороги и судьбы иные.

Три школы сменил ты, а прежде – детсад,
Но все это рядом, под боком.
Ты славно учился лет 10 подряд,
Хотя не скучал по урокам.

Но это, как видим, еще не конец,
Грядет и иная забота,
Но верим, и здесь будешь ты молодец,
Лишь только была бы охота.

Чего пожелать тебе, Гешка, сынок
(Евгений, конечно, теперь уж)
Ведь это у детства "последний звонок",
Поверь! Ну, да ты не поверишь.

* * *

Будь сильным и добрым, настойчивым будь,
Практичным, покладистым в меру,
Конечно – веселым, поэтом – чуть-чуть,
Люби, и надейся, и веруй!

25 марта 1993 года

Г.М.Михайлову

В деревенской тиши,
Под созвездием льва
Появился наш львенок.
Такие дела!
Вот такой вот счастливый
Момент и для нас,
А иначе б не вышел
Сей славный рассказ.

Ну, конечно, Москва,
Ну, конечно же, ВУЗ,
И ВЦ, наконец,
Закрепил наш союз.
Эти годы,
Как солнца лучистого свет,
Им, прошедшим так быстро,
Забвения нет.

Как ни вспомнить Ташкент,
Местных рынков развал,
"Экспедицию",
"Кофе в постель" и Байкал,
Феофанию, Днепр.
Обо всем не сказать,
Да словами все это и не описать.

Как-то так незаметно
И зрелость пришла,
Позвала к руководству
И должность нашла.
И как было не просто
На этом пути
И друзей не терять,
Да и новых найти.

Шли года,
Пролетело уже шестьдесят,
Есть, что вспомнить, друзья,
Оглянувшись назад.
Был и энтузиазм,
Были блеск и задор,
Были молоды мы –
Ну, о чём разговор.

Так давайте же, право,
Не будем стареть,
Песню жизни своей
Надо радостно петь.
Ну, а если когда
И взгрустнётся – тот час
Бросить всё, улыбнуться
И вспомнить про нас.

Москва 16 августа 1996 г.

Г.М.Михайлову

На Мелодию песни "Август"

Скоро осень, за окнами август,
От забот побелели виски.
Но знаю, что я не избавлюсь
От какой-то счастливой тоски
По годам, когда были **Большие Электронные Счетные эМ** [1]
А мы были совсем молодые,
И наивные были совсем,
И наивные были совсем.

Но списали последних Мэйн фреймов [2],
Оживили дремавших ТиПи [3],
Озадачили преданных Френдов [4],
Чтоб Нетворк [5] к Интернет [6] подцепить.
Вот и всё,
Мы в сетях Ворлд Вайд Вэба [7],
Вот и всё,
Мы в транспьютерной мгле,
Но как хочется звездного неба
И увидеть "шестёрку" во сне,
И увидеть "шестёрку" во сне

16 августа 1996 года

[1] БЭСМ – семейство отечественных ЭВМ
[2] Main frame – универсальная ЭВМ
[3] TP (Twisted Pair) – "витая пара"
[4] Friends – друзья, коллеги
[5] Network – сеть (компьютерная)
[6] Internet – глобальная компьютерная сеть
[7] World Wide Web – всемирная "паутина"

Копытову М.А.

Мой старший товарищ (Мы оба Быки),
Начальник (Неважно то, впрочем),
Велик он и прост (Это так, мужики),
Высок (Но, признаться, не очень).

Посмею сказать, между прочим, что он –
Спортсмен и болельщик со стажем.
И пусть он не тренер и не чемпион,
Сам факт ведь участия важен.

Чуть-чуть он артистом не стал и чуть-чуть
Не стал он, друзья, футболистом,
Но был уготован другой ему путь
Картографа-геодезиста.

Так смело и честно нёс службу он ту,
(Как всё, что он делал). Когда же
Нести её стало вдруг невмоготу,
Он выбрал ВЦ (К счастью, скажем).

И он обеспечивал, сопровождал,
(Несёт и поныне ту ношу),
И может не раз про себя он сказал:
"Когда же я всё это брошу?"

Он стал президентом всей КЭВМ БЭСМ-6
(Оставшись простым зав. отделом),
Московско-таганское что-то в нем есть,
Московско-ВэЦэшное, в целом.

Ну, с чьим обаянье сравнится его?
(Тут скромно, друзья, умолкаю).
Вопрос риторический, и на него
Ответа, ну право, не знаю.

Да, если попробовать объединить
Союзом фамилии наши,
Ну как тут нам Ильфа с Петровым забыть,
И Осю, и Шуру, и Сашу.

SUN-техник – по жизни, член-корр. по уму
(Я б даже сказал, академик),
Я премии Нобеля б отдал ему,
Все сразу, без всяких полемик.

Он муж и отец, старший сын он и брат,
Недавно стал свёкром он, правда.
Он стать бы и дедом, наверное, рад
По должности, а не взаправду.

Михал Анатолич! Надёжа ты наш!
(И здесь я, друзья, закругляюсь)
Очков полтораста вперёд всем нам дашь,
И мы их возьмём. Не стесняясь!

14 октября 1997 г.

Сонечке

Как хотелось придумать мне песню,
Чтобы было в ней грустно и весело,
Чтобы было в ней грубо и ласково,
Чтоб в ней было про всё и про нас с тобой.

И про то, что могли мы не встретиться,
Только в это никак мне не верится,
И прекрасно, что с нами случилось вдруг!
Ты согласна со мной, мой желанный друг?!

Но не вдруг и не просто по случаю
Мы нашли ту березку плакучую,
Мы нашли наше сказочно-светлое,
Только наше, для нас лишь заветное.

И пошли мы с тобой рука об руку,
Той дорогой прямой как по облаку.
Были радость и грусть, было многое.
Не разжали мы рук той дорогою...

...И как будто бы снова по-прежнему
Я держу на руках свою нежную.
Ты – невеста моя, я – твой суженый,
Хоть давно уж с тобою мы муж с женой.

Так придумать мне песню хотелось,
Чтобы в ней о любви только пелось,
Чтоб была замечательной песня,
Песня песней, всех песен чудесней!!

* * *

И недаром та девушка русая
Не досталась банкиру безусому,
Она выбрала парня усатого,
Гитариста со средней зарплатою.

20 сентября 1998 г.

* * *

Звенигородские мотивы,
Звенигородские друзья,
Все было чинно и учтиво,
И даже спел однажды я.

То оттепели, то морозы,
Как тут здоровье сохранить?
Лекарства пить, а в светлых грезах
Так и покрепче что-то пить.

Быть может в загородном доме
И скучновато было Вам,
В Москве, в полувечерней дреме
Вас вновь потянет к деревам.

Все было чинно и учтиво,
И кто-то скажет: "Так нельзя!"
Звенигородские мотивы,
Звенигородские друзья.

Звенигород, 1999 г.

Сонеты

к Д.О.А.

Сонет № 1

Да! Были мы 20-летними
Когда повстречались с тобой.
Меж теми годами и этими
Десятки прошли чередой.

С тобой мы близки прежде не были?
Но близкими были, о да!
И были те наши и небыли
Останутся в нас навсегда.

Поймем ли когда-нибудь прошлое?
Что будет – не предугадать.
Но помнится, все же, хорошее,
И это у нас не отнять.

Промчались потоком полвека...
Но хочется вновь в ту же реку.

24 августа 1999 г.

к К.Г.И.

Сонет № 2

Я мальчик был, Вы – молодая леди,
Я старше стал, Вы – леди до сих пор.
Огонь, вода и сладкий голос меди –
Все ль позади? Иль впереди – простор?

Я стал другим. А Вы? А Вы – все та же,
Все тот же голос, серебрист, высок,
Глаза все те же, тот же взгляд и даже
Походка та же – звонкий каблучок.

Давайте жить. И плакать, и смеяться,
Почаще вместе, изредка поврозь,
Не уставать друг другом восхищаться,
Чтоб очаровываться не пришлось.

Вершины лет. Вдаль устремился взор.
Но как же хочется спуститься с этих гор.

3 сентября 2000 г.

к Т.Е.И.

Сонет № 3

"То ли имя – Река, то ли ветер слегка
Стал верхушки деревьев качать".
"Улыбнется Река, и воде родника
Вечно радугой в брызгах сверкать".

Как трудно снова о тебе писать, Река!
И пусть давно Ты изменила... русло,
И новые твои прекрасны берега,
За волн игрой следить совсем не грустно.

Но грусть нежданная приходит между тем,
Навеянная юности годами.
Для песен много есть прекрасных новых тем,
Но прежние вовек пребудут с нами.

Качает, как и прежде ветер дерева,
Как прежде радугой родник сверкает,
Лица коснулись паутины кружева,
И синь небес сквозь их ажур мелькает.

Прошли года, и ус мой стал седым,
Да над водой твоей лишь серебристый дым.

24 декабря 2002 г.

к О.Г.С.

Сонет № 4

За нашими детьми и внуков чередой
Идут и правнуки. Как время быстротечно!
Пока же каждый день меж Небом и Землей
Мы все в делах, как будто все мы вечны.

И что же нам с того, что все это лишь миф –
Измерен век у всяк из нас живущих.
И этот век, как час, в котором ты Калиф
Иль бард из бардов в этот миг поющих.

Какой же в том резон и в чем глубокий смысл
Всех наших бед и радостей, конечно?
Да, просто, чтоб в глазах звездой горела мысль
Как прежде ярко, радостно, беспечно...

А чтоб детьми подольше оставались дети,
Давайте долго жить на этом белом свете.

31 марта 2003 г.

к Р.С.М.

Сонет № 5

Я вновь хочу тебе поведать о любви,
Признаться в ней, как это делал прежде,
Как это повелось меж близкими людьми
И чуждо не любившему невежде.

Тебя любили, безусловно, до меня.
Был увлечен и я. Не раз, замечу.
От необдуманных поступков нас храня,
Судьба нам подарила нашу встречу.

Я понимаю, нам то лето не вернуть,
И все могло иначе обернуться,
Но предначертан нам был тот счастливый путь...
А жаль, что те мгновенья не вернутся!

Последняя любовь, она не первая, конечно,
Но те прошли, закончились, а этой длиться вечно...

20 сентября 2003 г.

к Б.Р.М.
Б.А.А.

Сонет № 6

Как суженых себе мы выбираем?
Никто не знает. В том числе и я.
Не сразу пусть, но как-то понимаем
Что вот он – мой, и вот она – моя.

Вот так и вы, случайно иль не очень,
Нашли друг друга много лет назад...
Давайте о годах не будем, впрочем,
Вперед давайте устремим наш взгляд.

Вперед... А почему-то тянет в юность,
В ту рань, где безрассудство правит бал,
Где девушка Та вновь Вам улыбнулась,
Где вновь за Вас был поднят Им бокал.

Любовь и дружба, праздники и будни,
Святое детство, старости удел.
И повторятся это долго будет,
Жаль, что без нас, всему ведь есть предел.

Стоп! Никакие то не зрелость и не старость.
Хотя... до первой и не много вам осталось.

11-13 февраля 2005 г.

к Е.А.В.

Сонет № 7

Я влюблен был всегда. Почему-то.
А в тебя почему-то вот нет.
И не в возрасте дело как-будто,
И не в мизерной разнице лет.

Но со мною случалось такое,
Когда я безо всяких причин
Женских чар, так лелеемых мною,
Для других оставлял я мужчин,

Тех, кто старше, мудрей и ядреней,
Тех, кто знает, что хочется им.
Оставаясь для них посторонним,
Был другими, быть может, любим.

Ну, а ты? Будь же благословенна
И божественно так хороша.
Как мужчина, скажу откровенно,
И солгать не посмеет душа:

"За собой оставляю я право
Быть твоим навсегда.
К черту нравы!"

16 мая 2006 г.

к К.М.А.

Сонет № 8

Да, мы – Быки! И рядом с нами Девы!
Сей статус никому не изменить.
Там был с тобой на Вы – те годы – где вы, где вы?
Но их нам ни за что не позабыть.

Простая рифма. Что еще тут скажешь.
По сути, так. Ну, так тому и быть.
Так слово за слово и год за годом вяжешь,
Но в том клубке оттенков разных нить.

Ты – в экспедициях, а я ходил в походы,
Пустыни, степи, реки и леса...
Но, несмотря на каверзы погоды,
Звучали звонко наши голоса.

В компьютерно-программной круговерти
Во все года ты был наставник мой,
Да и не только мой. Уж, вы поверьте –
На службу шел он как к себе домой.

Стареем мы, взрослеют наши дети,
И с каждым годом годам вопреки
Мы все дороже ценим годы эти,
Когда мы были просто "старики".

Вот лет твоих багаж... Он будет побогаче,
Ну, старше ты чуть-чуть... Как может быть иначе.

14 октября 2007 г.

к Т.А.А.

Сонет № 9

Если б был я волшебник, чудес господин
Или джин, ну пускай самый маленький,
Я тебе бы принес миллион... Нет, один,
Пусть неброский цветочек, но Аленький.

И хотя это дело отцов, женихов
За морями искать Небывалое,
Я бы смог, я б сумел, раз – и был бы таков,
Но достал бы заветное Алое...

...Только вот говорят – это сказки, дружок.
Но закройте глаза и увидите
Этот остров и этот волшебный цветок.
Ну и как? Увидали? Вот видите!..

Ты ж сама, как цветочек тот маленький,
Симпатичный, загадочный, аленький.

13 июня 2008 г.

Памяти Брата

Нам от детства осталось немного:
Монастырь за кирпичной стеной,
Да трамвайная рядом дорога,
Да заводик, совсем небольшой.

Переулков подольских без счета,
Да и павловских было не счесть...
Детство манит к себе безотчетно,
Шлет из прошлого добрую весть.

Нам немного от детства осталось:
Запах сена, да роща дубов,
Два шоссе, три пруда – скажешь малость?
Ну, а сколько там было грибов!

Пусть не детство, а юность, пожалуй...
Но не даст мне солгать мой дневник,
Хоть каких нам наград не пожалуй,
Не сменяем озера на них.

Нам немного осталось от детства:
Там и Тульская и Духовской,
Там родные, там Мама, Отец там –
Память жизни и скорби людской.

Неизбежность потерь... Поколенье,
Что уходит в назначенный час,
Дарит нам эстафету творенья
Новых судеб, характеров, фраз.

Нам от детства осталось...
Осталось...
Да, теперь уж не нам – только мне.
Просто в детстве все вечным казалось,
Оказалось, конец по весне...

* * *

Мне ж от детства осталось так много,
Все не буду я вновь повторять.
Только светлую в детство дорогу
Без тебя не смогу отыскать...

9 апреля 2007 г.

Избранные песни 1966-2011 гг. (авторские тексты)

* * *

Если бы мог бы я рисовать,
Я бы тебя рисовал.
Если бы мог бы стихи я писать,
Их о тебе бы писал.
Если бы мог бы я песню сложить
Ее бы тебе отдал,
Все мысли и краски, и звуки, и цвет –
Все бы, чем я обладал.

Вот и год пролетел без следа,
Новый год наступил.
Вспомни, кто радость принес мне тогда,
Кто мне грусть подарил.
Радость и грусть были рядом со мной,
Она бы была со мной...
Радость хотел бы делить я с ней,
Грусть оказалась сильней.

"А" 1966 г. Адлер-Веселое

Страна Грина

A_m **G**
Плыл корабль в Зурбаган,
F **E**
В Лиссе бросал якоря,
A_m **G**
Гез – его капитан
F **E** **A_m**
Все объездил моря.
A_m **G**
Пусть тебе ветер бьет в лицо,
F **E**
Ты ведь не одинок,
A_m **G**
Носишь ты имя Фрези Грант –
F **E**
Друга средь бед и тревог.

G **F** **E** **A_m**
Жди же и верь, будет день среди дней:
G **F** **E** **A_m**
Встретишь ее и узнаешь о ней.

F **E** **A_m**

Пусть далеко берег, где и твоя
Может Асоль тебя ждет.
Если ты жив, то надежда твоя
И вера твоя не умрет.

Знай, если счастье встретишь вдруг,
Смело за ним иди.
Радость с тобою поделит друг.
Только любовь не дели...

Может быть, парус и твой одинок,
Может быть трудно тебе.
Друга упрямо средь бед и тревог
Ищешь на быстрой волне.

"A_m" **1967 г.**

* * *

Это мы поем для Вас,
Будьте счастливы без нас,
Может быть еще когда-нибудь
Вы и вспомните о нас.

Когда-то кончик шпаги сломав
И грудь свою обнажив,
Как на турнире рыцари
Сражались мы за них,
За одну улыбку их.

Эта песнь встревожит Вас,
И спадет улыбка с глаз.
Обязательно когда-нибудь
Вы и вспомните о нас.

Когда на море шторм утих,
И парус побежден,
Непослушный трос уложен,
Море, словно чудный сон,
Но мы помним лишь о том...

...Что мы будем петь для Вас,
Как бы ни бросало нас,
Как бы далеко Вы ни были,
Каждый день и каждый час.

"A_m" **1967 г.**

*** Мечтателям ***

"...остров тот вечно рядом,
он в сердце живет твоем".

Э.Асадов

G H_m C D
Хватит грустить, веселее, товарищ!
G H_m C D
Веселой песней развей свою грусть.
G H_m C D
Ведь ты, наверное, точно не знаешь
G H_m C D
Что и зачем нужно знать наизусть.

G H_m C D
Где-то есть остров, где-то есть сказка –
G H_m C D
Не доплывешь и на корабле.
G H_m C D
Туда за жар-птицей, в погоню за сказкой,
G H_m C D G
Туда, повинуясь подруге мечте.

Там двери настежь открыты пред вами,
И улыбается солнце в стекле,
Звезды с луною сияют над нами,
А ветер только рябит по воде.

И Елисеи по острову скачут,
Чтобы любимых своих разбудить.
Там даже Золушки часто не плачут,
Когда им трудно кого-то забыть.

И старика океан к себе тянет
Не для старухи, чтоб рыбку поймать.
Ведь горизонт уж давно его манит,
Не разучился старик наш мечтать.

Пусть этот остров в седом океане,
Его не видно и в тысячу глаз.
Он, как и остров Романтики, рядом,
Всегда он с ним вместе в сердце у нас.

"$G_\#$" **1967 г**.

*** Дороги ***

Дороги, дороги, дороги
Снова зовут за собой.
Так много, так много дороги
Желают нам счастья с тобой.

В дорогу, в дорогу спешите
Навстречу друг другу смелей.
Так часто, так часто в дороге
Счастье находит людей.

Но есть и другие дороги,
Вернее, лишь тропы во тьме.
По этой по пыльной дороге
Не топать ни мне, ни тебе.

Дорога и в море уходит,
Следов не оставишь на ней.
Но волны и в море находят
Счастливых и верных друзей.

"$G_{\#}$" **1967 г.**

*** Планета Юных ***

Между Марсом и Венерой,
Между злом и красотой
Есть планета во Вселенной –
Мы на ней живем с тобой.

Пусть Меркурий ближе к солнцу,
Горд Сатурн кольцом своим,
А Юпитер-похититель
С диском Солнца в спор вступил.

Свет звезды, давно угасшей,
Манит нас, к себе зовет.
С голубой планеты нашей
И туда сигнал придет.

"A_m" **1967 г.**

*** Походы I ***

G_m A A_m

D_m
Поезд нас куда-то мчит,
D G_m
В окнах суета дорог.
B D_m
Наш магнитофон умолк уже,
B A
Он пропел уж все, что мог.

D_m
Кружки на столе стоят,
D G_m
Дымом все купе полно,
B D_m
Взгляды ни о чем не говорят,
B A D_m
Каждый думает свое.

B A D_m

Часто вспоминаем мы
Край озер – прекрасный край.
Лунная дорожка на воде
Манит нас куда-то вдаль.

Мы летим за песней вслед,
Мы хотим ее догнать,
Чтобы после тихо у костра
Спеть ее и помечтать.

Дождь шумит над головой,
Пусть "до нитки" мокрый весь.
Скалы, мели, таши, острова,
А вода и там, и здесь.

Пусть он самый трудный был,
Пусть мочил и пусть топил,
Ну, а если, вдруг, придется снова так,
Что бы ты тогда решил?

...Вот уж и в обратный путь,
Слышен стук колес опять,
Но по старой дружбе здесь в Москве
Будем кружки поднимать.

"A_m" 1967 г. Игналина - р.Чусовая

* Увези меня *

Увези меня, увези меня,
Не забудь, возьми с собой.
Как хотелось бы эти ливни мне
Хоть один собрать рукой...
Для тебя, для тебя, знаешь
Капельки ладонь серебрят.

В этих капельках счастье,
А в ладонях – смех.
Ничего что ненастье,
Крыша есть у нас для всех.

Словно свет луны... Отражаясь в ней,
Тайну полночи мне хранить.
Впереди у нас масса новых дней,
Надо их уметь любить...
Как тебя, как тебя, знаешь,
Смех твой, как журчанье ручья.

В том журчании радость
Для тебя, для меня,
И недолго осталось
Ждать заветного дня,
Когда капельки счастья
Мы сумеем собрать,
И причем здесь ненастье –
Нас ведь не испугать.

"D_m" 1968 г.(?)

* * *

Маленькое фото милого лица...
Снова ждешь ее ты, как любви гонца,
Пусть не скучно будет тебе со мной,
Стань скорей, пожалуйста, моей судьбой.

Песня, быстрее лети,
Песня, ее ты найди,
Чтобы потом в тишине
С ней ты вернулась ко мне.

Для меня нужна ты, как вода в пустыне,
Твоя улыбка сказочней, чем на деревьях иней.
Что хочешь думай про меня, мне это все равно,
Но станешь ты моей судьбой, уж это решено.

"C" 1968 г.(?)

* Снегурочка *

Что-то не досказано мною и тобою,
Что-то не допонято зря,
Скоро наметет сугробы снег суровый,
Ведь не ждет он декабря. (Но не будет здесь уже меня)

Но все это время я с тобою рядом,
Замру улыбкой на твоих губах,
Прикоснусь я нежностью снежинок
На твоих щеках. (Может просто так)

Знаю те снежинки сразу не растают,
Теплы они, хоть и частицы льда.
Будешь ты снегурочкой живою,
Ведь зимою родилась она.
(А не сказкой для меня)

"A_m" **1968 г.(?)**

*** Быть любимой ***

Быть любимой и любить,
Быть любимым, может быть...

Но я б завидовать стал другим,
Что стоят у твоих колесниц,
Окунувшись в твои глаза,
Заблудившись в лесах ресниц.

Скажет да, а может, нет –
Кто откроет тот секрет...

Но пусть волшебник махнет рукой,
Заклинанье свое позабыв,
Пусть оставит тебя такой,
Так загадку и не решив.

"D_m" **1968 г**.

*** Милая моя нежность ***

E_m A_m H_7 E_m A_m H_7

E_m $F_\#$ H_7 E_m
Что скажешь ты, что ты сможешь сказать,
$F_\#$ H_7 E
Когда смогу я тебе доказать...

A_m D G C_7
Как я люблю дороги,
A_m $F_\#$ H_7 E_m E
Мне бы сейчас за моря,
A_m D G C_7
Но, милая моя нежность,
A_m $F_\#$ H_7 E_m
Как я люблю тебя.

Как пахнет ветер!
Как шепчут кусты!
Поверить нужно, поверишь ли ты…

Как я люблю дороги,
Ночь и рассвет у костра,
Но, милая моя нежность,
Как я люблю тебя.

Наверное, я слишком много хочу
И лишь свои же цветы я топчу...

Я все равно люблю дороги,
Рано бросать якоря,
Но, милая моя нежность,
Как я люблю тебя.

"Em" **1969 г**.

*** Время ***

Бьют часы и раз, и два,
Четверть бьют и полчаса.
В полночь все двенадцать звезд –
Время мечтаний и грез.

В дни разлук и дни тревог,
В стороне ли от дорог
Вспыхнут зори – ночи нет,
Время разбудит рассвет.

Время – деньги, говорят,
День бежит за днем.
Встрече с каждым днем я рад,
Пусть идет в мой дом.

Ведь у времени свой счет –
Не о с т а н о в и т ь,
Время, все-таки, идет,
И ответ наш: "Быть!"

"$F_{\#}m$" **1969 г.**

*** Тайна словаря ***

D_m F G D_m

D_m G F G A
Так в каких словарях мне искать тебя,
D_m G F A
На каких перепутьях встречать...
G_m D_m
То ли имя – река...
G B
То ли ветер слегка
F B A D_m
Стал верхушки деревьев качать.

B A D_m G_m B A D_m

У меня за плечами немного пока,
Не горбатый же я, наконец...
Пусть притихла река,
Но уж солнца рука
Подняла над тобою венец.

Ведь прозрачней и глубже тебя не найти,
Не найти, да и нужно ль искать...
Улыбнется река,
И воде родника
Вечно радугой в брызгах сверкать.

"D_m" **1970 г. Игналина-Москва**

*** Струны на гитаре ***

Раньше у Амуров были стрелы,
Но забыв колчан на небесах,
Полетели дружно делать дело,
Но не лук у них в руках.

Струны на гитаре,
Словно тетива,
Звуки – те же стрелы,
В цель несут слова.

Вот еще двоих сразив умело,
Ранив глубоко и горячо,
Доверяют нам и просят смело
Лечь головку на плечо.

И слагают снова дети неба
Сказку про неё и про него,
Может это быль, а может небыль,
Мы не ведаем того.

"F_m" 1971 г.

*** Походы II ***
(из неоконченного)

D_m A_7
Ветер шелестит в листьях,
D_m A_7
Строчки наползают в письмах:
G_m A_7 F B_7
"Здравствуйте, мои хорошие,
Ноги у меня промокшие..."

Снова, как вчера, капает,
Воду собирай шапкою,
Шаркают комарики крыльями,
Кажутся себе сильными...

"D_m" 1971 г.

* * *

Я давал себе зарок –
Толку что давать.
Может смог бы...
Но не смог я тебя понять.

Потому что ты пишешь стихи,
Потому что пишу их и я...
Только рано кричат петухи,
Только мало люблю я тебя.

Прошлое, в пути устав,
Бросит тень свою,
Улыбнется, услыхав,
То, о чем пою.

Потому что ты любишь стихи,
Потому что люблю их и я...
Но недаром кричат петухи,
Вот они разбудили меня.

* * *

Как будто это было и не раз,
В короткий миг коснется счастье нас.
И в тот же миг подхватит и умчит,
И, словно птица, память закричит.

"F_m" **1972 г**.

В.Ширяеву

E_m $F_\#$ H_m (4 раза)

E_m **H_m**
Когда усевшись за столом,

E_m **H_m**
Мы вспоминаем о былом,

E
О других краях,

G
Карты в руки взяв,

A
Смотрим пристально,

C
Видим мысленно...

E_m **$F_\#$** **G**
И вот уж далеко наш дом.

Какой уж раз все об одном:
Идти, иль не идти вдвоем,
Встретить солнца луч,
Не бояться туч,
Быть с волной на "ты",
Выйти из воды
Сухим. "А может вчетвером?"

Но что-то вериться с трудом,
Что тяжелы мы на подъем,
И опять без нас
Кто-то в этот час
Смотрит пристально,
Видит мысленно...
И вот уж далеко их дом.

...но вновь усевшись за столом
мы вспоминаем о былом...

"H_m" **1973 г.**

* * *

H_m
Гитара разбита,

C
И пьян гитарист,

E_m
Счета все закрыты,

$F_\#$
И падает лист.

C A H_m
Чувства, как руки в замке,

D E A
Может быть вышел тот срок,

C D E
Слово зажав в кулаке,

A C H_m
Пальцы разжать ты не смог.

A D $F_\#$ H_m E_m $F_\#$ H_m

Тех, что поднимают
Ресницы с трудом
Средь нас не бывает.
И схватки потом.

Чувства, как руки в замке,
Кто-то распутал клубок,
Выйдя вперед налегке,
Долго один ты не смог.

И словно зайчёнок
С искринкой в глазах,
И все нипочем,
И журавль в облаках.

Чувства, как руки в замке,
Бьется, как рыба, висок,
Если рука, то в руке,
Если бросок, так бросок.

Сегодня премьера,
Сегодня аншлаг,
А завтра, наверное,
Выбросишь флаг.

Чувства, как руки в замке,
Где-то уж выступил сок,
Снова кипит в котелке
Зелье надежд и тревог.

"H_m" **1973 г**.

*** Солнышко ***

Н.С.М.

E A_m D_m
Вот и хлынул дождь, и грянула гроза,
E A_m D_m
Чуть прикрытые зрачки в ее глазах,
A_7 Dm G_7 C G_7 C
Чуть изменчивый их цвет, движенье рук,
D_m E_7
Их прохлада и огонь, и сила вдруг.

D_m A_m
Солнышко ясное
D_m G_7 C
В облако прячется,
D_m E F
Девица красная
D_m E A_m
Молодцу нравится,
D_m E A_m
Облако белое
D_m E A_m
Дождем да прольется,
G F
Яблоко спелое
D_m E A_m
С яблони просится.

Получается не так уж все легко –
То ты близко, то ты снова далеко,
То обижу я тебя, то ты меня –
Не сердись ты на меня, любовь моя.

Не грусти и не печалься никогда,
Даже если в этот дом придет беда.
Хочешь песню эту грустную вдвоем,
Как ты хочешь, хочешь весело споем.

"A_m" **Весна 1974 г.**

*** А прочее неважно ***

Соне

G A G A D

D **$F_{\#}m$**
Покрыты лесом берега:
H_m **$F_{\#}m$**
Вода их напоила.
G **A**
Благословенна та река,
H_m **G**
Что нас соединила!

H_m **$F_{\#}m$**
Благословенно море то,
G **E_m**
Что нас согрело дважды!
$F_{\#}$ **H_m**
Все то благословенно, что
G **A H_m**
Сдружило нас однажды.

Но случай не бывает слеп,
Он ищет, кто достойней.
Так в чистых добрых пальцах хлеб
Вкусней и хлебосольней.
Так в одиночку босиком,
А так на крыльях вместе,
А время будто бы бегом,
А будто бы на месте.

И там, где вместе рядом шли
Шальная ночь и утро,
Там сказочное мы нашли
И потеряли будто...
Что за прозрачною стеной?
Там губ улыбка влажных,
Ночь, утро, день и вечер мой,
А прочее – неважно...

"D" 1976 г. Рига-Москва

*** Интересная мысль ***

A_m
Снова в поезде мы,
F
Снова счастливы мы!
G
Впереди пять недель,
E
Пять недель впереди!
A_m
Пять недель без жены
G_7
На задворках страны,
D_m
Но мы в этом себе
H_7
Отказать не должны.

D_m G_7
Интересная мысль,
C F
Интересная мысль,
D_m E
Только тут не ленись,
A_m A_7
Только тут не ленись!

D_m G_7
Разгибаем "крючки",
C F
Распускаем "пучки",
D_m E
И ломаем багры,
A_m A_7
Разбирая "костры".
D_m G_7
Поразмяться б с пилой...
C F
Только тянет домой,
D_m F
Но опять семь часов
E A_m
По дороге ночной.

То ли Кама, а то ли
Весляна видна,
Берег – наша страна,
Речка – наша жена.
Здесь "баланы" катать
Или дружно шагать
Вместе с песнями-танцами:
"Бедный мой мать"

Не подвеска – "КаэСка!",
Турбина! – не винт.
Ну-ка встали все резко,
Кто спит, кто не спит.
И вот так каждый день.
Только ***"котать"*** не лень,
"Но даешь все равно,
мастер, наш трудодень".

Ну, а как за столом
Мы себя поведем?
Я уверен, и здесь
Снова не подведем!
Вспоминаем Москву,
А поем об одном:
"Снова в поезде мы...",
Остальное потом...

"A_m" 1980-1981 гг.

*** Пятеро в лодке ***
(Походы-III)

Женьке

A F#m D E A F#m D E Am

Am C
Пятеро – в поезд, пятеро – в дизель,
D E
Да! Про такси мы с вами забыли,
Am C
Дальше – в автобус, после – пешочком,
D E
Юрку – на базу! Лодку – "на бочку"!

A
Пятеро в лодке,
F#m
Пятеро в лодке,
D
Четверо сбоку,
E
Женька в середке.
A
Ну а в палатке,
F#m
Также как в лодке,
D
Четверо сбоку,
E
Женька в середке.

Кто-то на веслах, кто-то "на пузе",
Кто-то весь в мыле, а кто-то в картузе,
По "Амазонке", по "Амазонке",
Кто-то толкает, кто-то в сторонке.

Кто за черникой, кто за грибами,
А кто за водою и кто за дровами...
Но вот мы поели и вот мы "отпали",
Время настало для тети Гали.

Спирт на исходе – "сухо" живется,
Нам возвращаться лишь остается.
Лодка – у базы, ужин – с грозою,
Утром – в автобус (да со слезою),
Снова на дизель, вновь на вокзале,
Все! Но не все мы вам рассказали...

"Am" 1986-1992 гг.

*** Игналина ***

Брату Николаю

D_m **A_m**
Жаль, что теперь здесь не наша страна,
D_m **C**
Да и рубли здесь теперь не в ходу,
F **C**
Но по ночам мне все снится она –
G_m **A**
Берегом озера молча, иду...

D_m **G_m**
Все-таки это
B **C** **D_m**
Наша любовь и мечта,
D_m **G_m**
Лето за летом,
B **C** **D_m**
Так и промчались лета.

Берег, палатка, закат и дожди...
Ну, а костер – как не вспомнить его.
– Скоро обедать? – Чуть-чуть подожди.
Что тебе хочется больше всего?

Сесть на автобус и в город "слетать",
И посмотреть, что в киосках лежит,
После весь "вечер на рейде" стоять...
Это от нас, право, не убежит!

Да, повезло нам, что в этих краях
Мы побывали с тобою не раз.
Только закрою глаза, а в глазах
Берег, палатка, закат... – но без нас.

Да, это так! И так было не раз!
Что ж, остается валюту копить.
Ведь не прожить ей, лазурной, без нас,
Также как нам без нее не прожить!!

"A_m" **декабрь 1993 г.**

"Прощание с "Моряком"

H_m E_m $F_\#$ H_m
Прощаться надо нам, друзья!

E_m A D H_7
Уже сморил кого-то сон,

E_m $F_\#$ G E_m
Поделать ничего нельзя –

H_m G $F_\#$ H_m
Таков уж времени закон.

H_7 E_m $F_\#$
Вот, также ей без моряка,

H_m G
Как и ему без маяка,

E_m $F_\#$
Но мы споем наверняка,

H_m H_7
Пусть через год.

E_m $F_\#$
Дружище, вот моя рука,

H_m A G
А как нежна ее щека!

H_m G
Ну, что ж обнимемся. Пока!

F# Hm
Дорога ждет...

G $F_\#$ H_m

Да, на глазах не видно слез,
Но за улыбкой прячем грусть.
И на незаданный вопрос
Ответ – все повториться, пусть.

И пусть не дуются ветра,
Не обижается прибой,
Но возвращаться нам пора,
Но как не хочется порой

"Варианты"
(Вот, также ей без моряка,
Как и ему без маяка,
И как мы все без "Моряка"
Протянем год?)

"H_m" 2003 г.

"На мелодии песен "Варяг"
и
"Раскинулось море широко"

Наверх вы, товарищи! Ждем вас, друзья!
(Я знаю, с собой принесете).
Ведь нам расставаться надолго нельзя,
Найдете, придете, споете.

Мы тоже попробуем спеть что-нибудь,
Ну, вот, например – "про походы" [1],
А кто-то, уверен, успеет вздремнуть,
Готовясь к докладам "по ходу". Но...

Давайте, не будем!... Про все ЭйчПиСи[2]
И про ЭмПиАй [3] – ну, не будем!
Про кластеры[4]? Нет, боже нас упаси,
Про "ядра"[5] и "нити"[5] забудем.

А где-то "дымит" ненасытный БлюГен[6],
Но в ТОПе-500[7] перестройка...
А ты наливай, не задерживай, Генн...
Ты Юра?!?! Ах, да! Ну, так спой-ка.

Я вовсе не бард, даже не менестрель
И не миннезингер с вагантом,
Увы, – не Садко, безусловно, – не Лель,
Куда мне до этих гигантов.

Как много вопросов к себе самому,
Не факт, что дождешься ответа,
Вот только, друзья, одного не пойму
За что каждый год мне все это.

"Ну, ты, прям как Визбор!" – хоть кто-то б сказал,
Пусть в шутку сравнил с Окуджавой,
"Десятым" Высоцким никто не назвал:
Не буду я петь вам, пожалуй... Но...

Вот Саша[8] пришел – будто не уходил,
И с ним "На Качелях"[9] мы снова...
А там кто-то "рыжиком"[10] усугубил
И в дубль угодил из основы.

Спасибо Надежде[11] за то, что она
Для нас декалитр (мега-) сберегает.
Ну, что, за любовь?! Море! Звезды!? Луна??..
Нет, пасмурно, зла не хватает.

"Под елью" "в санях"[12], между прочим – вдвоем,
И как это неповторимо...
Мы после для вас непременно споем,
Что вами и нами любимо.

Светло в нашей комнате... Плещет бокал...
И кто-то напротив – прекрасен...
И "Сервис Научный"[13] куда-то пропал,
Исчез, и вопрос с ним не ясен...

"D" **2010-11 гг.**

* * *

[1] песня **"Отчего не ходить в походы"** на слова М. Семеновой

[2] **HPC – High Performance Computing, High Productivity Computing,** высокоскоростные и продуктивные вычисления

[3] **MPI – message passing interface** – интерфейс передачи сообщений, наиболее распространенный стандарт интерфейса обмена данными в параллельном программировании

[4] **кластеры** – совокупность узлов или отдельных компьютеров, объединенных в рамках некоторой сети в вычислительную систему

[5] **ядра, нити** – термины, относящиеся к компьютерному процессору

[6] **BlueGene** – американский суперкомпьютер

[7] **ТОП-500** – список самых мощных в мире суперкомпьютеров

[8] **Александр Николаевич Томилин!!!!**

[9] песня **"На качелях"** Александра Суханова на слова А.Фета

[10] **"рыжик"** – местный (Абрау-Дюрсо) коньячный напиток

[11] **Наденька Калинина!!!!**

[12] Имеются ввиду песня Булата Окуджавы "Прощание с Новогодней елью" и песня Ю.Рогова "Сани", которые он с удовольствием поет с **Юлечкой Игумновой**

[13] Общее название конференций, проводимых ежегодно в пансионате "Моряк"

Содержание

“Характеры и судьбы”.

“Роман” в рассказах ……3

Часть 1 ……5

"Откровенные разговоры" ……11

"Не стоит благодарности" ……..17

"От Омара до Хайяма" ……..23

Детство, отрочество, юность ……...24

"Шартрезу, пожалуйста" ……..……...29

"Леша, сплав и банка горошка ……...32

Записки о друзьях ……....38

"Разве так можно ударить? ……....40

"Вашу книжку, пожалуйста 48

"Почти не о чем" ……..61

"Он и Она" ……....64

"И снова о песнях" ……..…..69

"Портрет на стене" ……...72

"И снова Игналина" ……77

"О, спорт, ты - …" ……81

Послесловие ……..95

Часть 2 ……...…97

Предисловие ко 2-ой части ……....97

"Времена года" ……....99

"Армейские мотивы - 2" ……105

"Армейские мотивы - 2" (Продолжение) ……....115
"Перекрестки судьбы" ……123
"От Омара до Хайяма" - 2 ……135
"Озерская рулетка, а главное, "Иду на литр" 135
"Красота неописуемая" ……...……....139
"Посиделки на Университетском" …….....141
"Ох, уж эти мне учеба и экзамены ……143
"Даешь чугуна и стали" ……...143
"Военная память" ……145
"Самый любимый и нелюбимый" ……147
"Одиннадцатилетку – за 10 лет! " ……149
"Даниловское детство" ……..155
"Почти не о чем - 2" ……...163
"Неотправленное письмо" …….....169
Послесловие ко 2-ой части ……..……176

Часть 3 ……179
Предисловие к 3-й части ……..…179
Автобиография автора ……....183
Родословная ……189
Разговор с Мамой ……..…191
Старинный дом на Зацепе ……...201
Переулки нашего детства ……..…….207
Листая трудовые книжки ……215
О футболе с Николаем ……..223
Родословная (продолжение) ……..……..241
О футболе с Николаем (продолжение) ……...245
"От Омара до Хайяма" - 3 ……...265

"3 дня в Сатке" ……265
"Семь часов по дороге ночной" ……...269
"Легенда о потерянном дне" ……..…271
Еще не послесловие ……..…….275
Послесловие ……..276

Из книги "Моя Игналина" ……..279
Начало ……....279
"Щемящее чувство дороги" ……..…..281
Литва и литовцы ……..….282
"Знание языков" ……..284
"Не морочьте мне голову или "Бутылочки" (из рассказов М.А. Копытова) ……287
Музей меда ……293
Дороги, которые мы выбираем ……297
"До свидания, Игналина" ……..301

Рифмы и звуки ……...303
Рифмы 1973-2008 гг. ……....304
Сонеты ……....329
Памяти Брата ……....338
Избранные песни 1966-2011 гг. ……..340
Содержание ……....378

Рогов Ю.П.
Избранное, том 1. –М.: 2015. -380 с.